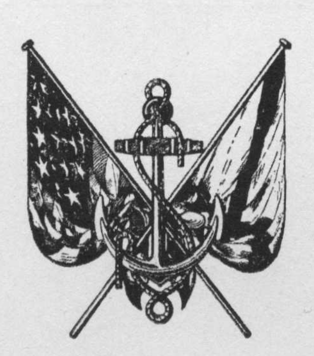
МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

THE NAVAL RECORDS.

Томъ II.
No. 1

Volume II.

Изданіе Общества
бывшихъ Русскихъ Морскихъ
Офицеровъ въ Америкѣ, Инк.
Нью-Іоркъ.

Published by
the Association of Former
Russian Naval Officers
in America, Inc.
New York.

1944.

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ.

Издаваемыя О-мъ б. Русскихъ
Морскихъ Офицеровъ въ Америкѣ.
Подъ Редакціей
Ст. Лейт. С. В. Гладкаго.
3604 Бродвей, Нью-Іоркъ, С.Ш.А.

THE NAVAL RECORDS.

Published by the Association
of Former Russian Naval Officers
in America, Inc.
Serge V. Glad, Editor.
3604 Broadway, New York, N. Y.

Vol. II., № 1. Issued to members. Price $1.00. a copy. March, 1944.

Содержаніе:

Contents:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Программа "Морскихъ Записокъ" на 1944-ый годъ остается прежней, но количество матеріала будетъ увеличено вдвое по сравненію съ прошлымъ годомъ, причемъ, для болѣе удобнаго распредѣленія его, журналъ выйдетъ въ четырехъ выпускахъ, около 80 страницъ каждый, со многими иллюстраціями.

Въ текущемъ году, въ январѣ, исполнилось 40 лѣтъ со дня начала Русско-Японской войны. Эта годовщина начала событій, коренньмъ образомъ повліявшихъ не только на исторію Россіи, но и всего міра, казалось, должна была быть отмѣчена какъ русскими, такъ и иностранцами, но этого не произошло по самымъ разнообразнымъ причинамъ. Историческая комиссія нашла необходимымъ освѣжить въ памяти событія этой эпохи, составленіемъ особаго выпуска "Морскихъ Записокъ", посвященнаго Русско-Японской войнѣ.

Литература объ этомъ періодѣ, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, весьма велика, почему для Исторической Комиссіи не представило бы особыхъ затрудненій составленіе ряда компилятивныхъ статей по вопросамъ, связаннымъ съ Русско-Японской войной. Но такое, такъ сказать, формальное заполненіе страницъ журнала не соотвѣтствовало бы главной задачѣ "Морскихъ Записокъ" печатать еще не опубликованные матеріалы, т. е. подлинные документы и записи очевидцевъ и участниковъ тѣхъ или иныхъ событій изъ исторіи русскаго флота.

Поэтому, Историческая Комиссія обратилась ко многимъ здравствующимъ участникамъ Русско-Японской войны съ просьбой составить и передать для напечатанія свои воспоминанія о войнѣ 1904-05 годовъ. Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія и съ искренней благодарностью ко всѣмъ лицамъ, отозвавшимся на ее предложеніе, Историческая Комиссія подготовила и распредѣлила присланный матеріалъ, при чемъ оказалось, что количество его значительно превышаетъ объемъ одного выпуска. Сокращать, а тѣмъ болѣе исключать, какія либо статьи Комиссія не нашла возможнымъ ввиду ихъ особаго интереса, поэтому оставался только одинъ выходъ — предназначить для всего собраннаго вмѣсто одного — два выпуска, № 1 и № 2 журнала этого года. За исключеніемъ небольшихъ статей справочнаго

характера, составленныхъ Исторической Комиссіей, какъ-то: день атаки японцами русской эскадры 26 Янв. 1904 г., защита крѣпостъ Портъ-Артуръ, объ эскадрѣ адмирала Рожественскаго и объ обстоятельствахъ заключенія мира съ Японіей, все остальное представляетъ собой личныя воспоминанія участниковъ войны. Этимъ воспоминаніямъ, пронесеннымъ черезъ періодъ 40 лѣтъ, полныхъ чрезвычайными событіями, Историческая Комиссія придаетъ особую значительность и большую историческую цѣнность.

Но это собраніе статей, публикуемыхъ въ "Морскихъ Запискахъ", не только должно служить посильнымъ дополненіемъ къ изданнымъ уже матеріаламъ по Русско-Японской войнѣ, но имѣетъ и другое назначеніе: Общество русскихъ морскихъ офицеровъ въ Америкѣ и его Историческая Комиссія, при посредствѣ этихъ печатныхъ сборниковъ, хотѣли бы отмѣтить, единственнымъ возможнымъ для нихъ способомъ, знаменательную годовщину начала событій, имѣющихъ свое логическое продолженіе въ происходящей нынѣ 2-ой міровой войнѣ, привѣтствовать всѣхъ здравствующихъ участниковъ Русско - Японской войны и почтить память павшихъ при защитѣ Родины въ 1904 и 1905 годахъ.

Для этой послѣдней цѣли печатается полный списокъ офицеровъ флота, корпусовъ, медицинскихъ и гражданскихъ чиновъ Морского Вѣдомства, погибшихъ въ Русско-Японскую войну. Имена ихъ были своевременно помѣщены на внутреннихъ стѣнахъ Храма-Памятника, сооруженнаго въ С. Петербургѣ въ 1911 году и нынѣ несуществующаго. Нѣтъ возможности собрать и напечатать такой же списокъ нижнихъ чиновъ, но въ память ихъ всѣхъ помѣщается, сохранившійся по счастливой случайности, полный списокъ офицеровъ и команды эскадреннаго броненосца "Императоръ Александръ III", погибшаго со всѣмъ экипажемъ въ Цусимскомъ бою 14 Мая 1905 года.

Д. В. НИКИТИНЪ.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

(Къ 40-лѣтію со дня начала военныхъ дѣйствій).

Четыре десятилѣтія прошло съ начала войны на Д. Востокѣ. Подробно разобраны во многихъ трудахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ дѣйствія арміи и флота, но о самой войнѣ, въ цѣломъ, до сихъ поръ не установилось еще правильнаго, свободнаго отъ различныхъ кривотолковъ, взгляда.

Война эта была явленіемъ слишкомъ сложнымъ, чтобы вопросъ о ней могъ быть вмѣщенъ въ одинъ краткій очеркъ.

"Война 1904-1905 годовъ была легкомысленной дальневосточной авантюрой со стороны России" — мнѣніе, которое до сихъ поръ еще иногда высказывается въ русской прессѣ.

Такой вдумчивый и серьезный писатель, какъ А. Керсновскій, въ трудѣ котораго "Исторія русской арміи" очень обстоятельно изложенъ ходъ военныхъ дѣйствій въ эту войну, говоритъ на 570 стр.:

"Мы набросились на каменистый Ляодунъ, пренебрегая богатѣйшей Камчаткой".

Словомъ сказать — намъ надо было сидѣть и "не рыпаться". Пускай себѣ японцы дѣлаютъ, что хотятъ на Дальнемъ Востокѣ. Россія должна была придерживаться т. наз. "изоляціонизма".

Остается, однако, неизвѣстнымъ — осталась ли бы и Камчатка тогда въ чертѣ государства Россійскаго. Вѣдь отъ острова Парамушира до Камчатки — рукой подать.

Какъ странно сложились обстоятельства за протекшія 40 лѣтъ. Какъ все измѣнилось. Въ 1904 году Россія сражалась, стремясь сохранить цѣлость Китая и не допустить Японію забрать въ свои руки Портъ-Артуръ — ключъ къ Пекину, столицѣ Небесной Имперіи.

Великобританія и Соед. Штаты чѣмъ только могли помогали тогда Японіи. Снабженіе нашего тогдашняго противника всякими боевыми припасами со стороны Америки очень напоминаетъ теперешній "лендъ-лизъ".

А сейчасъ, когда послѣ сдѣланныхъ Японіей, Англіей и Соед. Штатами усилій, мечъ на Дальнемъ Востокѣ выпалъ изъ русскихъ рукъ, великимъ державамъ, говорящимъ на англійскомъ языкѣ, волей неволей пришлось взять въ руки этотъ мечъ. Японцы перестали для нихъ быть "представителями передовой націи, стоящей высоко въ ряду культурныхъ народовъ". Они обратились въ "отвратительныхъ, дикихъ, джаповъ".

Англичане и американцы какъ бы прозрѣли. Сейчасъ они

поставили себѣ точь въ точь тѣ же задачи, тѣ же цѣли, что и Россія въ 1904году: цѣлость и неприкосновенность Китая. О Японіи же говорятъ "Японія для японцевъ".

Невольно хочется сказать: "Эхъ, господа хорошіе. Много бы умнѣе было съ вашей стороны, если бы вы въ свое время помогали вашему собрату, великой державѣ бѣлой расы, а не вредили ей. Вѣдь вашей помощью Японіи вы сами, своими руками создали "Великую Японію" — это чудовище Франкенштейна, которое сейчасъ вы стремитесь умертвить. Вѣдь вы сами потрудились, чтобы уничтожить господство бѣлой расы на берегахъ Тихаго океана. Вы сѣяли вѣтеръ, а пожинаете бурю..."

Ходъ событій — передъ Перлъ Харборъ — это почти дубликатъ хода событій передъ ночной атакой на Портъ Артуръ. Требованія предъявленныя Японіей въ началѣ 1904 года были, если ихъ изложить простымъ языкомъ: "Капитулируйте передъ нами, господа русскіе... Уберите ваши войска изъ Манджуріи и предоставьте намъ гегемонію на Дальнемъ Востокѣ..."

Въ концѣ 1941 года японцы говорили Англіи и С. Штатамъ: "Капитулируйте передъ нами, господа англичане и американцы и уйдите прочь изъ Дальняго Востока. Мы тамъ намѣрены установить свой, японскій, "новый порядокъ".

Въ правящихъ кругахъ Петербурга передъ атакой на Портъ Артуръ говорили: "Японцы не посмѣютъ на насъ напасть". Отчасти вслѣдствіе этого предположенія и вслѣдствіе многихъ другихъ причинъ мы не были готовы къ войнѣ. Нашъ тихо-океанскій флотъ, выдерживавшій въ теченіи всего 1904 года ударъ со стороны всего японскаго флота былъ почти въ полтора раза слабѣе своего противника. (Точное отношеніе: 1 къ 1,452). Въ Портъ Артурѣ не было сухого дока для броненосцевъ. Самая гавань Портъ Артура благодаря существованію бара на входѣ въ нее была подобна мышеловкѣ: войдя въ нее въ полную воду броненосцы наши оказывались запертыми въ ней на полъ сутокъ, т. е. до слѣдующей полной воды.

Повидимому, въ правящихъ кругахъ Вашингтона Д. К. и Лондона въ концѣ 1941 г. также думали: "Японцы не посмѣютъ на насъ напасть..." Державы, говорящія на англійскомъ языкѣ, какъ мы сейчасъ хорошо знаемъ, были въ это время столь же не подготовлены къ борьбѣ съ Японіей, какъ и Россія въ 1904 году.

Если считать движеніе Россіи къ берегамъ Тихаго Океана "авантюрой", то начало этой авантюры надо отнести къ временамъ Грознаго Царя, къ временамъ похода Ермака Тимофеевича.

Время шло и великая наша родина шагъ за шагомъ мощно и неудержимо придвигалась къ своей завѣтной цѣли — берегамъ незамерзающаго Тихаго океана.

Къ временамъ Петра Великаго мы уже владѣли берегами суроваго Охотскаго моря. Мы начали колонизировать и администрировать далекую Камчатку, внося въ мѣстныя племена основы христіанства и русской культуры.

Движеніе Россіи внизъ по теченію рѣки Амуръ по всей вѣроятности шло бы такимъ же темпомъ, если бы этому не воспрепятствовалъ въ 1680 году Китай. Россія, въ тѣ годы, еще не оправилась отъ пережитой въ началѣ XVII вѣка революціи — "Великаго Лихолѣтья".

Въ Москвѣ тогдашнихъ временъ несомнѣнно были хорошо освѣдомлены, что Китай, сильное и многолюдное государство въ долинѣ Желтой рѣки и въ южныхъ своихъ владѣніяхъ, лишь числится номинальнымъ владѣльцемъ сѣвера Манджуріи и областей на лѣвомъ берегу Амура.

Въ этихъ послѣднихъ областяхъ не имѣлось ни китайцевъ жителей, ни администраціи, присланной изъ Пекина, ни китайскихъ войскъ.

Война съ Китаемъ 1680-1689 годовъ велась въ пору очень неблагопріятную для Россіи. Это было время цѣлаго ряда стрѣлецкихъ бунтовъ въ Москвѣ. Китай же понатужился и выставилъ значительныя по тѣмъ временамъ военныя силы.

Китай уподобился той "собакѣ на сѣнѣ", которая "сама не ѣстъ и другимъ не даетъ". Колонизировать лѣвый берегъ Амура онъ былъ не въ состояніи, но когда Московское Царство заявило на этотъ берегъ свои права, то онъ выставилъ противъ русскихъ сильную армію.

1689 годъ — это годъ удаленія отъ власти царевны Софьи и воцаренія молодого Петра. Когда въ странѣ происходятъ такіе перевороты особенно силенъ въ военномъ отношеніи не будешь.

Надо отдать справедливость окольничьему Ф. А. Головкину, посланному въ 1685 году въ Нерчинскъ въ качествѣ "Уполномоченнаго Великихъ Князей Московскихъ" для веденія мирныхъ переговоровъ съ Китаемъ.

Китайскія силы во много разъ превышали русскій небольшой отрядъ, защищавшій Нерчинскъ.

Чтобы ввести китайцевъ въ заблужденіе русскіе днемъ и ночью водили свои войска по верху сопки, дѣлая видъ, что это прибываютъ свѣжія подкрѣпленія. Сопку эту впослѣдствіи назвали "Мотальской".

Китайцы подались на эту удочку и Головкину удалось заключить съ Китаемъ договоръ, извѣстный подъ названіемъ "Нерчинскій трактатъ". Границы Московскаго царства и Китая были точно опредѣ-

лены. Русскіе добились нѣкоторыхъ выгодъ, но весь Амурскій край остался за Китаемъ.

Съ тѣхъ поръ Россія изъ маленькаго и слабаго Московскаго Царства обратилась въ великую, сильную и многолюдную Россійскую Имперію. Военная слабость Китая за это время увеличивалась. Англія и Франція стали вырывать клочки мяса изъ тѣла Китая, заняли Сингапуръ, Гонконгъ, утвердились въ Шанхаѣ. Россія же, не взирая ни на что, свято соблюдала условія Нерчинскаго договора и внизъ по Амуру не двигалась. Китай былъ лучшимъ и самымъ спокойнымъ изъ всѣхъ сосѣдей нашей родины. Торговля съ нимъ процвѣтала. Пока Амурская и Приморская области считались въ китайскихъ рукахъ, Россія не находила для себя полезнымъ ихъ присваивать.

Наступило время Крымской войны. Одновременно наши милые друзья на западѣ Англія и Франція, всегда стремившіеся расколоть Россію на части, стали выражать большой интересъ къ Амурской и Приморской областямъ. Появилась угроза имѣть этихъ господъ близкими сосѣдями не только на западѣ Европы, но и на Дальнемъ Востокѣ.

Намъ всѣмъ памятны имена Невельского, графа Муравьева Амурскаго и генерала Игнатьева. Ихъ трудамъ и ихъ дипломатическимъ талантамъ Россія обязана безкровнымъ пріобрѣтеніемъ лѣваго берега Амура и крайне необходимаго для великой Державы Россійской порта Владивостокъ.

До 90-ыхъ годовъ прошлаго вѣка все было спокойно на Дальнемъ Востокѣ. Съ Японіей сохранялись наилучшія отношенія и страна эта какъ будто не проявляла намѣренія распространять свое вліяніе на владѣнія Китая.

Но островная держава вдругъ стала усиливать свой флотъ. Онъ сталъ значительно сильнѣе нашего небольшого "Отряда судовъ Тихаго океана".

Въ 1894 году мы тамъ имѣли лишь крейсеръ "Адмиралъ Корниловъ". Крейсеръ "Витязь" потерпѣлъ незадолго передъ тѣмъ крушеніе у береговъ Кореи. Остальныя суда отряда, канонерки и пр. военнаго значенія не имѣли.

Вооруженіе крѣпости во Владивостокѣ находилось въ зачаточномъ состояніи. Военный портъ тамъ могъ справляться лишь съ мелкимъ ремонтомъ судовъ Сибирской флотиліи. Дока для большихъ судовъ не было. Такимъ крейсерамъ, какъ "Адмиралъ Корниловъ" приходилось для ввода въ докъ ходить въ Гонконгъ или въ Іокосуко.

Громадная граница наша съ Китаемъ, 9111 верстъ, охранялась въ 80-ыхъ годахъ 19 линейными и стрѣлковыми батальонами. Вмѣстѣ съ казаками это давало приблизительно 1 человѣка на версту

границы. Если это число и было къ 1894 году увеличено нѣсколько, то это мало измѣнило дѣло.

Когда въ 1894 году начался кризисъ на Дальнемъ Востокѣ, то какъ Военное, такъ и Морское министерства въ Петербургѣ подсчитавъ свои силы, пришли къ заключенію, что ни сухопутной арміи, ни морскихъ силъ у насъ тамъ нѣтъ.

Между тѣмъ Японія вторглась въ Корею и Китай. Она имѣла успѣхъ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Ея 100 тысячная армія утвердилась на югѣ Манджуріи. Стало ясно, что въ дальнѣйшемъ армія эта не встрѣчая большого сопротивленія со стороны Китая легко можетъ достигнуть береговъ Амура. Если Россія останется пассивной, не приметъ какихъ либо мѣръ, то сосѣдомъ ея на Дальнемъ Востокѣ станетъ не Китай, страна мирная, невоинственная, а Японія, вооруженная до зубовъ и видимо мечтающая о захватѣ чужихъ территорій.

Если представить себѣ, что та же Японія высадилась бы въ годы передъ текущей Міровой войной гдѣ либо на югѣ Мексики и стала бы продвигаться къ сѣверу, къ границамъ Соед. Штатовъ, то мѣстная пресса несомнѣнно подняла бы страшный шумъ: "Калифорнія въ опасности".

Какъ это ни странно, но русская пресса въ 1894 году отнеслась очень равнодушно къ успѣхамъ Японіи. О ходѣ военныхъ дѣйствій на Д. Востокѣ газеты говорили въ тѣхъ же совершенно тонахъ, какъ о незадолго передъ тѣмъ закончившейся борьбѣ Перу съ Чили. Кто то съ кѣмъ то сражается. Ну пускай себѣ сражается. Намъ то какое дѣло.

Никому изъ этихъ газетчиковъ не приходила въ голову мысль: "А вѣдь, пожалуй, если дѣла у японцевъ и дальше такъ же пойдутъ, то они насъ, чего добраго, и изъ Приморской и изъ Амурской области выгонятъ."

Совсѣмъ другое — правительство Государя Александра III. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ тогда кн. Лобановъ-Ростовскій.

Правительство это за 47 лѣтъ предугадало возможность "Перлъ Харбора" для американцевъ, возможность появленія японцевъ въ Гонконгѣ и Сингапурѣ и крайнюю вѣроятность для Россіи потерять Дальневосточныя свои владѣнія, въ ближайшемъ же будущемъ.

Мѣры были приняты Петербургомъ экстренныя. Армію для обороны нашихъ областей доставить въ краткій срокъ было невозможно. Сибирская желѣзная дорога еще не доведена была и до Иркутска.

Пришлось задачу обороны нашихъ владѣній возложить цѣликомъ на флотъ. Корабль за кораблемъ потянулись изъ водъ Балтики на Дальній Востокъ. "Адмиралъ Нахимовъ", "Владиміръ Мономахъ", "Память Азова", "Рында"; канонерскія лодки "Гремящій" и "Отважный—; минные крейсера "Всадникъ" и Гайдамакъ" и нѣсколько миноносцевъ прослѣдовали черезъ Средиземное море и Суэцкій каналъ.

Весною 1895 года, какъ наиболѣе сильное подкрѣпленіе, прибылъ на Дальній Востокъ броненосецъ "Императоръ Николай I".

Въ общемъ русскія морскія силы, сосредоточенныя въ Чифу, были, учитывая лишь большія суда, нѣсколько сильнѣе японскихъ.

Слабой стороной русской эскадры было совершенное отсутствіе доковъ. Съ другой стороны, (выяснилось это, впрочемъ, лишь впослѣдствіи), у японцевъ были большія затрудненія съ паровыми котлами и машинами. Постоянное пребываніе въ морѣ на ходу во время войны съ Китаемъ, когда приходилось по временамъ питать котлы соленой водой, отразилось на нихъ гибельно. Значительная часть японскаго флота этимъ была выведена изъ строя.

Для пишущаго эти строки стоянка нашей эскадры на рейдѣ Чифу въ ожиданіи приказа начать военныя дѣйствія вспоминается какъ свѣтлое, радостное время. Царило большое оживленіе. Свозилось на берегъ все дерево. Корабли перекрашивались въ боевой цвѣтъ. То и дѣло выходили въ море для стрѣльбъ и маневровъ.

Командовалъ эскадрой почтенный всѣми любимый, вице-адмиралъ С. П. Тыртовъ, но въ сущности, готовилъ наши суда къ бою такой мастеръ этого дѣла, какъ незабвенный С. О. Макаровъ. Этотъ прирожденный вождь и великій русскій флотоводецъ все предвидѣлъ и все успѣвалъ сдѣлать для будущаго нашего успѣха въ бою.

На эскадрѣ у всѣхъ, отъ адмираловъ до послѣдняго матроса, было сознаніе нашей силы и нашей готовности сразиться. Было страстное желаніе поскорѣе схватиться съ врагомъ. Царила полная увѣренность въ побѣдѣ.

Всѣ хорошо понимали, что вопросъ идетъ не только о борьбѣ Россіи съ Японіей. Дѣло клонится къ войнѣ Японіи съ государствами бѣлой расы. Къ войнѣ, цѣлью которой будетъ полное изгнаніе господствующей бѣлой расы отъ Дальняго Востока и захватъ въ немъ всей власти Японіей. Мы чувствовали, что мы являемся піонерами въ этой грядущей борьбѣ, что мы находимся въ первыхъ рядахъ могущественной нашей расы. Мы не сомнѣвались въ моральной, если не военной, поддержкѣ насъ Англіей и Америкой, имѣвшихъ громадные интересы въ Восточной Азіи.

День 23 Апрѣля 1895 года можно считать днемъ начала борьбы Японіи съ Европейскими державами и С. Штатами Америки.

Въ этотъ день россійскій посланникъ при дворѣ Микадо прибылъ въ министерство Иностранныхъ дѣлъ въ Токіо вмѣстѣ съ посланниками Франціи и Германіи и вручилъ министру Иностранныхъ дѣлъ Мутсу текстъ ультиматума, общій для всѣхъ трехъ великихъ державъ.

Отъ Японіи былъ потребованъ отказъ отъ завоеванныхъ ею областей Китая, находящихся на материкѣ Азіи съ обязательствомъ въ извѣстный срокъ вывести оттуда всѣ ея войска.

Подобный шагъ со стороны Россіи вѣроятно ожидался въ Токіо. Но дипломатическая поддержка Россіи со стороны Германіи и Франціи являлись сюрпризомъ.

Въ Токіо переполошились: "У насъ есть друзья — англичане и американцы. Они не любятъ Россію и они намъ несомнѣнно помогутъ.. Также Италія... У ней нѣтъ особыхъ симпатій къ русскимъ..."

Моментально были посланы телеграммы японскимъ посланникамъ въ этихъ трехъ странахъ.

Но на правительства Великобританіи и С. Штатовъ нашелъ какой то моментъ просвѣтленія. Посланникъ Като изъ Лондона и посланникъ Курино изъ Вашингтона прислали неутѣшительныя извѣстія. "Англія и Америка не намѣрены предлагать Японіи своихъ добрыхъ услугъ".

Совершенно такой же отвѣтъ далъ изъ Рима тамошній японскій посланникъ Такахира.

Грустную и пугающую новость сообщилъ въ Токіо посланникъ Ниши изъ Петербурга въ отвѣтъ на запросъ: "насколько серьезно Россія смотритъ на все это дѣло".

Отвѣтъ былъ короткій: "Россія не намѣревается измѣнять своихъ предложеній и она дѣлаетъ военныя приготовленія".

Наскоро былъ собранъ въ Токіо Высшій Военный Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ самого Микадо. Долго говорили, качали головами высокіе японскіе умы и придумать ничего не могли. Рѣшили что, дѣлать нечего, приходится соглашаться выполнить условія ультиматума.

Извѣстіе, что Японія пошла на уступки было встрѣчено на нашей эскадрѣ съ чувствомъ нѣкотораго разочарованія.

Было конечно пріятно, что первая стычка желтой расы съ державой кавказскаго племени окончилась нашей побѣдой.

Но было ясно, что дѣло этимъ не кончится. Японія несомнѣнно не теряя времени будетъ готовиться къ войнѣ съ нами. Мы не сомнѣвались, что и съ нашей стороны предприняты будутъ усиленныя приготовленія къ неизбѣжной войнѣ съ островной державой.

Разсказъ о томъ, насколько мы въ этихъ приготовленіяхъ преуспѣли равно, какъ и разсказъ о самой войнѣ 1904-05 г. уже не входитъ въ програму настоящей статьи.

Д. В. НИКИТИНЪ.

ДЕНЬ 26 ЯНВАРЯ (8 ФЕВРАЛЯ) 1904 г. ВЪ ПОРТЪ-АРТУРѢ

Въ началѣ декабря 1903 г. россійскій морской агентъ въ Японіи Капитанъ 2 ранга А. И. Русинъ *) доносилъ, что дѣйствующій Японскій флотъ ежедневно выходитъ въ море изъ Сасебо для эволюцій и стрѣльбъ. Безпрерывно подвозятся вещевые и продовольственные припасы въ Удзино. Учреждена Императорская Главная Квартира и Верховный Морской Совѣтъ. "Выходъ этихъ приказовъ, именно теперь", писалъ Капитанъ 2 ранга Русинъ, "имѣетъ косвенную цѣль увѣрить, что **Японія готова силой оружія поддержать свои самонадѣянно притязательныя предложенія**" и, добавляетъ, что Японія пріобрѣла въ Италіи два крейсера ("Ниссинъ" и "Кассуга").

Въ донесеніи отъ 29 Декабря (11 Января 1904 г.) онъ сообщаетъ, что эти крейсера 27 Декабря (9 Января) вышли изъ Италіи на востокъ и что на нихъ находится по 125 ч. англійской команды.

31 Декабря 1903 г. (13 Января 1904 г.) Капитанъ 2 ранга Русинъ доноситъ, что количество зафрактованныхъ Японскимъ правительствомъ пароходовъ достигло 40, изъ нихъ 7-10 для морского (30.000 т.), а остальные для **военнаго** вѣдомства (90.000 т.), что позволяетъ сдѣлать переброску двухъ дивизій. Рейсы японскихъ пароходовъ въ Австралію, Бомбей, Европу и Америку пріостановлены и "отъ любого момента черезъ 7-10 дней могутъ быть посажены на транспорты сразу 4 дивизіи". Въ дополненіе, Капитанъ 2 ранга Русинъ писалъ: "если судить по распредѣленію боевыхъ судовъ и миноносцевъ, японцы не предвидятъ и не готовятся къ нашимъ активнымъ дѣйствіямъ, въ особенности по восточнымъ берегамъ Японіи и напрягаютъ всю интенсивность на югъ, въ треугольникъ Сасебо — Цусима — Симоносеки. Въ случаѣ прямого разрыва — первымъ стремленіемъ японцевъ будетъ исканіе встрѣчи съ нашимъ флотомъ, дабы рѣшить вопросъ командованія моремъ".

Около 26 Декабря (8 Января) 1903 г. должна была состояться посылка японскихъ войскъ въ Корею и была отмѣнена изъ за полученія извѣстія о выходѣ русскихъ крейсеровъ изъ Владивостока, причемъ крейсеръ "Громобой" пришелъ въ Гензанъ, сообщалъ капитанъ 2 ранга Русинъ. **)

Дальнѣйшія его донесенія были: 2-го Января (15 Января) 1904 г. "Ниссинъ" и "Кассуга" прошли въ Суэцъ. 6 Января (19 Ян-

---

*) Адмиралъ А. И. Русинъ, бывшій Начальникъ Морского Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, Государя Императора Николая II, нынѣ проживаетъ въ Казабланкѣ, Французское Марроко.

**) Это была провѣрка боевой готовности кр. «Громобой» къ выходу въ море. При провѣркѣ, онъ вышелъ въ море черезъ 5 часовъ по полученіи приказанія. Ред.

варя) — "Зафрактовано 45 пароходовъ. Призваны резервисты въ 12-ю дивизію". 15 Января (28 Января) — "Зафрактовано 60 пароходовъ. Флотъ въ Сасебо, куда подвозятъ много кардифскаго угля. Въ Корею отправляютъ тысячи рабочихъ. **Можно ожидать общей мобилизаціи.** Возбужденіе сильное".

Послѣдняя телеграмма Кап. 2 ранга Русина была отъ 22-го Января (4 Февраля) 1904 г. — "Сегодня уходятъ изъ Сингапура "Кассуга" и "Ниссинъ" прямо въ Іокоско. Прибытіе ожидается 4/17 Февраля".

Тревожность переговоровъ съ Японіей заставила Намѣстника принять мѣры по приведенію флота изъ состоянія резерва въ боевое, что и было начато съ 1-го Января 1904 г. Съ 5/18 Января, для судовъ стоявшихъ на наружномъ рейдѣ Портъ-Артура были учреждены "суточныя дежурства для освѣщенія горизонта и подхода къ рейду и самого рейда въ теченіи всей ночи". Это дежурство велось по 19 Января (1 Февраля), когда инструкція была нѣсколько измѣнена въ отношеніи крейсеровъ вслѣдствіе "могущей явиться экстренной надобности произвести развѣдку" и потому въ дежурство назначались уже по два крейсера, въ такомъ порядкѣ: "Аскольдъ" и "Діана", "Паллада" и "Новикъ", "Баянъ" и Бояринъ". Дежурство было отъ захода до восхода солнца. Свѣтили прожекторами уже 2 корабля. Проходъ коммерческихъ судовъ въ ночное время былъ воспрещенъ.

Дежурство миноносцевъ было установлено "для непосредственнаго наблюденія за пространствомъ моря, пролегающаго къ рейду и для осмотра его" и состояло въ ежедневномъ крейсерствѣ въ морѣ двухъ миноносцевъ отъ захода до восхода солнца. Дежурство учреждено съ 16 час. 19 Января (1 Февраля) 1904 г. и въ первое время, для практики, около 23 ч. (11 ч. вечера) миноносцы возвращались на рейдъ съ производствомъ опознательныхъ сигналовъ и подходили къ флагманскому кораблю съ рапортомъ, послѣ чего снова уходили въ море и возвращались уже съ восходомъ солнца. Такъ началась охрана Портъ-Артурскаго внѣшняго рейда.

20 Января (2 Февраля), въ 15 ч. 20 м. на "Петропавловскѣ" былъ поднятъ сигналъ: "Эскадрѣ Тихаго Океана приготовиться къ походу, взять провизіи на 3 дня. Завтра, въ 8 час. утра имѣть 10 узловъ хода. "Ангарѣ", "Севастополю" и "Гиляку" — сигналъ отмѣняется." Сигналомъ же, сообщеніе съ берегомъ приказано прекратить съ 20 часовъ (8 час. вечера).

Въ секретномъ же приказѣ былъ объявленъ и походный строй эскадры на слѣдующій день. Цѣлью похода было "упражненіе личнаго состава въ эскадренномъ плаваніи и маневрированіи".

Вернувшись изъ похода къ мысу Шантунгъ, эскадра, въ 5 час. утра 22 Января (4 Февраля) пришла въ бухту Таліенванъ гдѣ стала на

якорь. Въ 11 час. утра того же дня эскадра снялась съ якоря и, имѣя крейсера впереди, пошла въ П.-Артуръ гдѣ и стала на якорь въ 15 час. Разрѣшено было прекратить пары и имѣть сообщеніе съ берегомъ до 20 час. Сигналомъ съ "Петропавловска" было приказано пополнить угольные запасы.

Этотъ выходъ эскадры ускорилъ роковой исходъ дипломатическихъ переговоровъ. Извѣстіе объ этомъ выходѣ пришло въ Токіо по телеграммѣ японскаго консула въ Чифу въ 16 час. 45 м. дня 22 Января (4 Февраля) 1904 года. Въ этотъ же день прекратилось телеграфное сообщеніе съ Японіей.

Рѣшеніе Японіи начать войну немедленно было вызвано главнымъ образомъ тѣмъ, что 22 Января (4 Февраля) японскій посланникъ въ Лондонѣ Хаяши телеграфировалъ въ Токіо, что Великобританскій министръ иностранныхъ дѣлъ Лендсдоунъ, получившій одновременно съ Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Делькассе увѣдомленіе объ окончательномъ отвѣтѣ Россіи, **сообщаетъ, что Россія дѣлаетъ въ своемъ отвѣтѣ на послѣднюю ноту Японіи такія уступки, дальше которыхъ идти нельзя и если Японія все таки не будетъ удовлетворена, то ни одна держава не сочтетъ себя въ правѣ ее поддерживать.**

Для Японіи, твердо рѣшившей воевать, оставалось только прервать сношенія **до полученія примирительнаго русскаго отвѣта.**

Въ Токіо, на совѣтѣ вечеромъ 22 Января (4 Февраля) 1904 года война окончательно была рѣшена и въ С.-Петербургъ была послана телеграмма объ отозваніи посланника, а флоту и арміи отданъ приказъ о началѣ военныхъ дѣйствій.

Телеграмма изъ С. Петербурга, посланная 22-го Января барону Розену, нашему посланнику въ Японіи съ русскимъ отвѣтомъ японцами была задержана доставкой бар. Розену до 25-го Января. 24-го же Января бар. Комура пригласилъ къ себѣ барона Розена и объявилъ ему, что "сношенія прерваны". На вопросъ бар. Розенъ: "Что это значитъ? — Война?", японскій министръ съ улыбкой отвѣтилъ: "О, нѣтъ! Пока не война". На самомъ же дѣлѣ японцы уже арестовывали русскіе пароходы, находившіеся въ японскихъ и корейскихъ водахъ.

Почти въ это же самое время вице-адмиралъ Того, находившійся въ Сасебо, получилъ указъ о началѣ военныхъ дѣйствій. 24-го Января, въ 8 час. 5 м. утра Соединенный Японскій флотъ (т. е. до объявленія въ С. Петербургѣ о разрывѣ дипломатическихъ отношеній) вышелъ въ море.

Пароходъ Добровольнаго флота "Екатеринославъ", былъ захваченъ у о. Цусима, О-ва Восточно-Китайской жел. дор. "Мукденъ"— въ Фузанѣ, а "Шилка" — въ Нагасаки. Въ полночь на 25-ое Января,

однако, "Шилкѣ", съ пассажирами, было разрѣшено уйти, и 28-го Января она прибыла въ Портъ-Артуръ.

Извѣстіе о разрывѣ сношеній съ Японіей было опубликовано въ Петербургскихъ газетахъ 25-го Января и того-же числа Министръ Иностранныхъ Дѣлъ графъ Ламсдорфъ сообщилъ объ этомъ Намѣстнику. Въ С. Петербургѣ не ожидали немедленнаго открытія Японіей военныхъ дѣйствій, т. к. 24-го Января японскій посланникъ Курино, передавая графу Ламсдорфу двѣ ноты: о прекращеніи дипломатическихъ сношеній и о своемъ отозваніи, **выразилъ ему въ письмѣ надежду, что, несмотря на происшедшій разрывъ, войны всетаки удастся избѣжать *).**

Это письмо успокоило графа Ламсдорфа и на слѣдующій день, 25-го Января онъ писалъ Военному Министру: "отозваніе японскаго посланника изъ С. Петербурга и русской миссіи изъ Токіо не означаетъ еще, что война между нами неизбѣжна".

Воскресенье 25-го Января прошло въ Портъ-Артурѣ спокойно. Суда, недогрузившія уголь, продолжали погрузку, однако, очередныя вахты командъ были уволены на берегъ лишь до 17 час. (5 ч. вечера). Въ 20 ч. 30 м. съ "Петропавловска" былъ сдѣланъ сигналъ: "Судамъ стоящимъ на внѣшнемъ рейдѣ приготовиться отразить минную атаку. Не заряжать башенныхъ 6 дюйм. орудій"; и въ 21 ч. 10 м. — "скрыть всѣ огни кромѣ отличительныхъ". Дежурными по освѣщенію были "Аскольдъ" и "Діана", а дежурными по рейду "Баянъ" и "Бобръ". Въ морѣ, въ дозорѣ, миноносцы "Стерегущій" и "Безпощадный". Такимъ образомъ, тихоокеанская эскадра изъ 15 вымпеловъ въ ночь на 26-ое Января, т. е. уже послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній съ Японіей, продолжала быть расположенной на внѣшнемъ рейдѣ по "диспозиціи мирнаго времени".

Ввиду того, что положеніе русской эскадры не соотвѣтствовало важности момента, начальникъ эскадры вице-адмиралъ Старкъ, предвидя неминуемую близость вооруженнаго столкновенія и опасаясь, что первый ударъ обрушится на ввѣренную ему эскадру, подалъ 26-го Января Намѣстнику секретный рапортъ, въ которомъ представилъ свои соображенія о необходимыхъ мѣрахъ по развѣдочной службѣ и по охранѣ эскадры на внѣшнемъ рейдѣ.

По его мнѣнію необходимо было учредить крейсерство у группы острововъ Клиффордъ для наблюденія за японскими военными и транспортными судами, идущими въ Чемульпо. Для этого онъ предла-

---

Примѣчаніе: 25 Января ген. адъют. Сахаровъ, Начальникъ Главнаго Штаба, въ запискѣ Военному Министру писалъ: «Стремясь настойчиво къ войнѣ съ нами, японцы, приступивъ къ перевозкѣ войскъ въ Корею, въ интересахъ обезпеченія этой операціи, могутъ сами напасть на нашъ флотъ и тѣмъ парализовать значеніе нашей морской силы въ рѣшающемъ пунктѣ».

галъ использовать наиболѣе быстроходные крейсера "Аскольдъ", "Новикъ" или "Баянъ".

Вице-Адмиралъ Старкъ считалъ "столь же важнымъ установить крейсерство одного быстроходнаго судна и у Шантунга, къ которому непріятель можетъ направиться съ юга", для чего предлагалъ къ тремъ названнымъ крейсерамъ придать крейсеръ "Бояринъ" изъ расчета держать на обоихъ пунктахъ по крейсеру въ дозорѣ по три дня и на переходы къ Артуру и пополненіе запасовъ положить также три дня.

Во второй части рапорта Вице-Адмиралъ Старкъ указывалъ на полную неудовлетворительность внѣшняго Портъ-Артурскаго рейда и испрашивалъ указаній для мѣста стоянки эскадры въ ночное время, равно какъ и распоряженій о сѣтевыхъ загражденіяхъ на судахъ.

Въ этотъ же самый день, быть можетъ, даже, въ тотъ же часъ, (разница между Портъ-Артуромъ и С. Петербургомъ — 6 час. 24 м.), въ другомъ концѣ Россіи — въ Кронштадтѣ — раздался одинокій, но достаточно громкій и авторитетный, чтобы быть услышаннымъ, голосъ: Главный Командиръ Кронштдатскаго порта Вице-Адмиралъ С. О. Макаровъ писалъ Управляющему Морскимъ Министерствомъ Вице-Адмиралу Ф. К. Авелану о своихъ соображеніяхъ о положеніи дѣлъ въ Портъ-Артурѣ сводившихся къ слѣдующему: Узнавъ отъ вернувшихся съ Дальняго Востока, что флотъ предполагается держать не во внутреннемъ бассейнѣ, а на наружномъ рейдѣ, Адмиралъ находитъ, что это приведетъ къ быстрому израсходованію запасовъ угля и вслѣдствіе этого онъ будетъ обреченъ на бездѣйствіе. Пребываніе на внѣшнемъ рейдѣ даетъ непріятелю возможность производить минныя атаки и никакая бдительность не можетъ этому воспрепятствовать. Результатъ такой атаки будетъ очень тяжелъ. **Японцы не пропустятъ такого безподобнаго случая нанести намъ ударъ.** Какъ бы ни было тѣсно на внутреннемъ рейдѣ, тренируя суда, можно пріучиться къ скорому выходу. Заградить входъ затопленіемъ судовъ, подобно американцамъ у Сантъ-Яго, далеко не легко выполнимо и даже если бы это частично и удалось, то Артуръ, обладая богатымъ землечерпательнымъ караваномъ, выйдетъ изъ затрудненія. Стоянка внутри Артура — зло, но еще большее зло — стоянка на наружномъ рейдѣ, съ непроизводительнымъ расходомъ угля, переутомленіемъ командъ и возможностью тяжелыхъ потерь отъ минныхъ атакъ. **"Если мы не поставимъ теперь же флотъ во внутренній бассейнъ, то мы принуждены будемъ это сдѣлать послѣ первой ночной атаки, заплативъ дорого за ошибку".**

Намѣстникъ нашелъ преждевременной посылку на развѣдку 2-хъ крейсеровъ и приказалъ съ 28-го Января посылать лишь одинъ крейсеръ къ Шантунгу и Клиффорду, но вновь поднялъ вопросъ объ изготовленіи боновъ на внѣшнемъ рейдѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ находилъ

сѣтевое загражденіе совершенно необходимымъ въ ночное время и велѣлъ озаботиться объ устройствѣ приспособленій для быстрой его уборки.

Сигналы за день 26-го Января были слѣдующіе: Въ 9 ч. 30 м. утра изъ Штаба Намѣстника (Золотая Гора): "Забіяка" развести пары. Приготовиться къ походу завтра въ полдень".

10 ч., изъ Штаба Намѣстника: "Бобру" развести пары". *) Съ "Петропавловска": 10 ч. утра — "Эскадрѣ Тихаго Океана со спускомъ флага прекратить сообщеніе съ берегомъ". 11 ч. 35 м. "Эскадрѣ Тихаго Океана — сегодня вступить въ дежурство крейсерамъ "Аскольдъ" и "Діана". 11 ч. 40 м. — "Эскадрѣ Тихаго океана — сегодня дежурными по освѣщенію быть "Ретвизану" и "Палладѣ". 16 ч. 50 м. "Эскадрѣ Тихаго океана — приготовиться къ походу завтра въ 8 час. утра, имѣть 10 узловъ хода, взять провизіи на три дня".

17 час. 5 мин.: — "Амуру", "Енисею" и миноносцамъ идти на внѣшній рейдъ завтра въ 7 час. 30 мин. утра".

17 час. 40 мин. — "Судамъ стоящимъ на внѣшнемъ рейдѣ приготовиться отразить минную атаку, 6 дюйм. башенныхъ орудій не заряжать".

27-го Января предполагался выходъ эскадры въ море. Обращаетъ на себя вниманіе сигналъ **о прекращеніи сообщенія съ берегомъ со спускомъ флага (17 час. 40 м.)** До этого дня сообщеніе прекращалось только въ 20 час.

Изъ чрезвычайныхъ работъ въ этотъ день надо отмѣтить сдачу судами въ портъ на храненіе деревянныхъ шлюпокъ и излишняго дерева. На броненосцѣ "Полтава" приняты были желѣзные листы для защиты батарей, вынесены были шесты и сѣти загражденія, но подвязаны они не были. **)

Такимъ образомъ, на эскадрѣ 26-го Января нѣкоторыя экстренныя мѣры были приняты, но официальныхъ извѣстій о разрывѣ съ Японіей все еще объявлено не было.

На эскадренномъ броненосцѣ "Пересвѣтъ" утромъ 26 Января одинъ изъ офицеровъ получилъ телеграмму отъ отца изъ Россіи съ благословеніемъ сыну на "ратный подвигъ". Нечего и говорить, что эта телеграмма стала достояніемъ всей эскадры и комментировалась на всѣ лады.

---

*) «Забіяка», ввиду прекращенія телеграфнаго сообщенія съ Кореей, долженъ былъ идти въ полдень 27-го Января въ Чемульпо съ почтой. Канон. лодка «Бобръ» предназначалась на 26 Января въ ночное дежурство на смѣну кан. лод. «Гилякъ».

**) Вице-Адмиралъ Старкъ полагалъ, что сѣти, въ случаѣ съемки съ якоря ночью, могутъ быть намотаны на винты и осложнятъ движеніе судовъ, если прійдется вести отраженіе атаки.

Утромъ 26 Января газета "Новый Край" получила агентскую телеграмму о происшедшемъ разрывѣ и выѣздѣ японскаго посланника изъ С. Петербурга. Временный редакторъ полковникъ Тыртовъ приказалъ ее набрать, предполагая немедленно выпустить экстернымъ прибавленіемъ, но предварительно рѣшилъ испросить разрѣшеніе на это отъ Намѣстника. По телефону изъ штаба Намѣстника отвѣтили, что телеграмма о разрывѣ сношеній уже извѣстна и что Намѣстникъ проситъ эту телеграмму въ экстерномъ выпускѣ не помѣщать, а напечатать въ очередномъ номерѣ на слѣдующій день, предпославъ ей передовую статью съ указаніемъ, что разрывъ сношеній еще не означаетъ объявленія войны и что есть надежда, что конфликтъ разрѣшится мирнымъ путемъ. Статью эту Намѣстникъ проситъ прислать предварительно на просмотръ. Редакція въ точности это исполнила и вечеромъ получила проэктъ статьи обратно съ надписью Намѣстника: "Вполнѣ одобряю", но на свѣтъ ей появиться было не суждено - война уже началась!

Еще 25 Января японцы въ Портъ-Артурѣ стали спѣшно распродавать свои товары по удешевленнымъ цѣнамъ: Японскій консулъ въ Чифу прибылъ въ Портъ-Артуръ и потребовалъ отъ нихъ немедленнаго отъѣзда изъ Дальняго и изъ Портъ-Артура. Это прибытіе **японскаго консула** въ крѣпость Портъ-Артуръ послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній, за нѣсколько часовъ до атаки японскими миноносцами русской эскадры имѣло, конечно, цѣлью усыпить бдительность русскихъ начальниковъ въ П. Артурѣ, укрѣпивъ въ нихъ убѣжденіе, что **разрывъ дипломатическихъ сношеній не означаетъ войны**, какъ то сдѣлалъ баронъ Комура въ Токіо, посланникъ Курино — въ С. Петербургѣ и консулъ — въ Артурѣ.

Англійскій пароходъ, на которомъ прибылъ консулъ, вышелъ изъ Портъ-Артура между 16 и 17 час. 26-го Января, прорѣзавъ строй стоявшей на внѣшнемъ рейдѣ эскадры, увозя съ собой самыя послѣднія свѣдѣнія о ея расположеніи и объ общемъ состояніи дѣлъ въ П.-Артурѣ.

Почти въ тотъ же самый часъ (15 ч. 45 м.) эскадра контръ-адмирала Уріу подошла къ Чемульпо и японскіе миноносцы выпустили мины по кан. лодкѣ "Кореецъ", выходившей въ море и принудили ее этимъ возвратиться въ Чемульпо.

Главныя силы вице-адмирала Того, въ 17 ч. 5 м. подошли къ о. Роундъ, (въ 45 миляхъ отъ П. Артура). Здѣсь миноносцамъ былъ поднятъ сигналъ: "По заранѣе назначенному плану идите въ атаку. Желаю полнаго успѣха". Начальникъ 1-го отряда истребителей кап. 1 ранга Асай Масадзиро поднялъ отвѣтный сигналъ: "Ручаюсь за успѣхъ". Миноносцы пошли по назначенію: 1,2 и 3-я флотиліи къ Портъ Артуру, а 4-я и 5-я къ Таліенвану.

На русской эскадрѣ въ 17 час. 40 м., по сигналу адмирала

съ эск. брон. "Петропавловскъ", на всѣхъ судахъ пробили тревогу отраженія минной атаки. Вся мелкая артиллерія (до 6 д.) была заряжена, прожектора опробованы и всѣ огни, кромѣ якорныхъ, закрыты. Впрочемъ, послѣдняя мѣра была излишней, т. к. нѣкоторые корабли, ("Полтава", "Побѣда", "Діана") грузили срочно уголь и были ярко освѣщены спеціально установленными для погрузки угля электрическими люстрами.

Дежурные по освѣщенію корабли: "Ретвизанъ" и "Паллада", начали освѣщеніе горизонта прожекторами съ 18 час., крейсера "Аскольдъ" и "Діана" стояли съ прогрѣтыми машинами и съ парами въ половинномъ числѣ котловъ. Дежурные миноносцы: "Безстрашный" и "Расторопный" вышли въ море подъ половиннымъ числомъ котловъ. **Начальникъ эскадры былъ на засѣданіи у Намѣстника,** съ коего прибылъ на "Петропавловскъ" къ 20 час. вечера. Сейчасъ же къ нему прибылъ Начальникъ Морского Штаба Намѣстника контръ-адмиралъ Витгефтъ и Командиръ П.-Артурскаго порта контръ-адмиралъ Греве. На этомъ совѣщаніи прочитанъ былъ приведенный уже секретный рапортъ Вице-Адмирала Старка отъ 26 Января Намѣстнику и резолюціи на немъ Намѣстника. Одновременно былъ разсмотрѣнъ и составленъ планъ боевого загражденія на внѣшнемъ рейдѣ.

Въ 23 часа совѣщаніе на "Петропавловскѣ" окончилось. Контръ-адмиралы Витгефтъ и Греве уѣхали. Прощаясь, к.-адмиралъ Витгефтъ сказалъ, что бо́льшихъ мѣръ по охранѣ эскадры принимать не надо, т. к. "войны не будетъ". *).

Черезъ 40 минутъ японскіе миноносцы атаковали нашу эскадру и началась Русско-Японская война 1904-1905 годовъ.

Послѣдовательный ходъ дальнѣйшихъ событій изложенъ по офиціальному описанію войны, изданному Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ въ 1912 г., съ приведеніемъ (съ точностью до минутъ) записей въ вахтенныхъ журналахъ всѣхъ кораблей, секретныхъ рапортовъ, донесеній и т. п. Такимъ образомъ сообщенія, помѣщенныя на первыхъ страницахъ иностранныхъ газетъ, о **банкетѣ** въ П.-Артурѣ, **объ отсутствіи офицеровъ на судахъ эскадры, паникѣ, растерянности и проч.** являлись или плодомъ **досужей фантазіи** или **злостной, преднамѣренной клеветой на Россію и русскій флотъ.**

Ночь съ 26-го на 27-ое Января 1904 года выдалась тихая, темная и прохладная. Луна всходила въ 3-мъ часу утра. Тихоокеанская

*) Телеграмма Гр. Ламсдорфа Намѣстнику отъ 25 Января послѣ полученія письма японскаго посланника Курино.

эскадра стояла на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура въ шахматномъ порядкѣ, въ разстояніи между судами въ 2 кабельтова, носами обращенными въ сторону моря при легкомъ юго-восточномъ вѣтрѣ.

Инструкціи миноносцамъ ("Безстрашный" и "Расторопный") были: "идти экономическимъ ходомъ до камня Энкаунтеръ (21 миля на SO отъ П. Артура) и крейсеровать отъ него 10 миль на западъ и столько же на востокъ. Въ случаѣ встрѣчи съ какими либо судами, немедленно вернутся съ докладомъ на рейдъ". Къ 11½ час. вечера миноносцы должны были вернуться на рейдъ къ адмиралу, показать опознательные и, затѣмъ, снова уйти въ море.

Въ 23 ч. 35 м. на броненосцѣ "Ретвизанъ" вахтенный начальникъ лейтенантъ Развозовъ замѣтилъ 2 миноносца, освѣщенные прожекторомъ крейсера "Паллада" и пробилъ отраженіе минной атаки, но не успѣлъ сдѣлать ни одного выстрѣла, какъ послѣдовалъ взрывъ мины слѣва въ носовой части корабля.

Въ 23 ч. 38 м. на броненосцѣ "Цесаревичъ", вахтенный начальникъ мичманъ Гильдебрандтъ замѣтилъ съ лѣвой стороны 2 миноносца безъ огней, пробилъ сигналъ отраженія минной атаки и открылъ огонь. Выбѣжавшій на верхъ командиръ броненосца, стоялъ на площадкѣ трапа лѣваго борта и увидѣлъ приближающуюся мину, взорвавшуюся позади лѣвой кормовой 6 дюйм. башни и впереди 12 дюймовой.

Въ 23 ч. 45 м. на крейсерѣ "Паллада" миноносцы были замѣчены вахтеннымъ начальникомъ лейтенантомъ Бровцынымъ. Немедленно была пробита боевая тревога. Сходные по виду съ нашими, шедшіе **съ ходовыми огнями** миноносцы могли быть нашими дозорными. Мысль объ этомъ задержала открытіе огня по нимъ. Огонь открыли лишь замѣтивъ слѣдъ мины. Изъ 7 минъ, выпущенныхъ по крейсеру, попала одна, въ середину лѣваго борта. Двѣ первыхъ прошли подъ кормой, а четыре не дошли до крейсера.

Итого, изъ 16 минъ, выпущенныхъ по стоявшей на якорѣ съ открытыми огнями эскадрѣ — 3 достигли цѣли: броненосецъ "Цесаревичъ", "Ретвизанъ" и крейсеръ "Паллада" получили поврежденія. Это было все, что съумѣли сдѣлать японцы. Въ 0 ч. 30 м. и въ 0 ч. 50 мин. 27-го Января они снова атаковали броненосецъ "Цесаревичъ", бывшій уже на ходу, но онъ легко отбилъ атаку. Огонь съ русской стороны былъ прекращенъ въ 1часъ 40 минутъ.

27-го Января японская эскадра, состоявшая изъ 16-ти судовъ — броненосцевъ и крейсеровъ — утромъ подошла къ Портъ-Артуру для "рѣшительнаго боя". Передъ сраженіемъ адмираломъ Того былъ поднятъ сигналъ: "Въ этомъ сраженіи лежитъ рѣшительная побѣда или пораженіе". Въ бою принимали участіе береговыя батареи и русскіе корабли въ составѣ: 5 броненосцевъ, 5 крейсеровъ и 15 миноносцевъ. Послѣ получасового боя, японская эскадра съ большой скоростью от-

ступила на югъ. Въ частномъ дневникѣ Императора Николая II за эти дни отмѣчено: "24 Января, Суббота. Вечеромъ получилъ извѣщеніе о прекращеніи переговоровъ съ Японіей и о предстоящемъ отъѣздѣ ея посланника отсюда! 25 Января, Воскресенье. Новыхъ извѣстій съ Дальняго Востока не было. 26 Января, понедѣльникъ. Утромъ у меня состоялось совѣщаніе по японскому вопросу; рѣшено не начинать самимъ. Въ 8 ч. поѣхали въ театръ, шла "Русалка" очень хорошо. Вернувшись домой получилъ отъ Алексѣева телеграмму съ извѣстіемъ, что этой ночью японскіе миноносцы произвели атаку на стоявшихъ на внѣшнемъ рейдѣ "Цесаревичъ", "Ретвизанъ" и "Палладу" и причинили имъ пробоины. Это безъ объявленія войны! Господь да будетъ намъ въ помощь!"

Вотъ какова была дѣйствительная, исторически правильная картина обстоятельствъ, сопровождавшихъ открытіе военныхъ дѣйствій со стороны Японіи.

С. В. Гладкій.

ДЕНЬ 28-го ЯНВАРЯ 1904 г. ВЪ МОРСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Начало войны съ Японіей застало меня кадетомъ 1-ой роты (младшій спеціальный классъ) Морского Кадетскаго Корпуса. Прошло всего около трехъ недѣль со времени возвращенія воспитанниковъ съ Рождественскихъ каникулъ, но обычная, строго размѣщенная жизнь вошла уже въ свою колею. Праздничныя впечатлѣнія постепенно утрачивали яркость и свѣжесть, а привычная обстановка и кадетскіе интересы вполнѣ поглотили наше вниманіе.

Слухи о политическихъ недоразумѣніяхъ на Дальнемъ Востокѣ слабо проникали за стѣны корпуса, поэтому, извѣстіе о внезапномъ нападеніи японцевъ на нашу эскадру въ Портъ-Артурѣ произвело впечатлѣніе внезапно разорвавшейся бомбы.

Наканунѣ, 27-го Января, въ Корпусѣ было торжественно объявлено о войнѣ и все въ немъ насторожилось. Поползли, невѣдомо откуда появившіеся, слухи, что Государь, повидимому, посѣтитъ Корпусъ, и можетъ быть, даже, произведутъ старшихъ гардемаринъ въ мичмана. Въ общемъ же, ничего рѣшительно не было извѣстно опредѣленно, а начальство, очевидно, что то знало, но секретъ хранило хорошо.

День 28 Января начался, какъ обычно, но громкій авральный звонокъ, прозвучавшій въ 3-мъ часу дня, какъ бы воспламенилъ все многочисленное населеніе старинныхъ зданій Корпуса. Обычно, при посѣщеніяхъ Государемъ Корпуса, авральный звонокъ касался непосредственно только начальства и дежурствъ, а всѣ гардемарины и кадеты оставались тамъ, гдѣ ихъ засталъ сигналъ. Но на этотъ разъ, вслѣдъ за звонкомъ, извѣщавшимъ о прибытіи Государя, былъ сыгранъ

по всѣмъ помѣщеніямъ "общій сборъ" и въ невѣроятно короткое время всѣ 6 ротъ Корпуса были выстроены въ столовомъ залѣ. *)

Раздалась команда: "Смирно! Господа офицеры!" При наступившей мгновенно тишинѣ Государь появился изъ дверей Музея и направился къ серединѣ зала, къ памятнику Петра, сопровождаемый Государыней Александрой Ѳеодоровной, Великими Князьями Алексѣемъ Александровичемъ и Кирилломъ Владиміровичемъ, морскимъ дежурствомъ и начальствующими лицами.

"Здравствуйте, господа!" раздался твердый и ясный голосъ Государя. Громкій и дружный отвѣтъ всѣхъ ротъ перешелъ въ оглушительное, несмолкаемое "ура", поддержанное національнымъ гимномъ духового оркестра Корпуса.

Когда музыка и клики наконецъ стихли, Государь что то приказалъ и раздалась команда: "Старшіе Гардемарины, четыре шага впередъ, маршъ!" Старшая рота, какъ одинъ человѣкъ, двинулась и замерла. Снова раздался голосъ Государя:

«Вамъ извѣстно, господа, что третьяго дня намъ объявлена война. Дерзкій врагъ въ темную ночь осмѣлился напасть на нашу твердыню — нашъ флотъ безъ всякаго вызова съ нашей стороны. Въ настоящее время Отечество нуждается въ своихъ военныхъ силахъ, какъ флота, такъ и арміи и я самъ пріѣхалъ сюда нарочно, чтобъ видѣть васъ и сказать вамъ, что я произвожу васъ сегодня въ мичманы. Производя васъ теперь, на три съ половиною мѣсяца ранѣе срока и безъ экзамена, я увѣренъ, что вы приложите всю свою ревность и свое усердіе для пополненія вашихъ знаній и будете служить, какъ служили ваши прадѣды, дѣды и отцы въ лицѣ адмираловъ Чичагова, Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина, на пользу и славу нашего дорогого Отечества. Я увѣренъ, что вы посвятите всѣ ваши силы нашему флоту, осѣненному флагомъ съ Андреевскимъ крестомъ. Ура!» **)

"Господи, что тутъ поднялось и что мы пережили!" пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Н. Типольтъ. ***) "Я едва стоялъ. Отъ волненія помутилось въ глазахъ и въ груди останавливалось дыханіе. Прикажи намъ тутъ Государь повыкидываться изъ оконъ, мы, конечно, это бы сдѣлали. Въ ротѣ, когда мы вернулись, — полный хаосъ! Достойнѣйшій командиръ нашъ, Капитанъ 2 ранга С. В. Мѣшковъ, "Серя", какъ мы его звали между собой, суетился, поздравлялъ, съ трудомъ собиралъ насъ во фронтъ, снова роспускалъ..." Такой же хаосъ

---

*) Въ случаяхъ парадовъ и встрѣчъ, роты выстраивались лицомъ къ окнамъ, на сторонѣ зала противуположной статуѣ Петра Великаго, имѣя на правомъ флангѣ старшую гардемаринскую роту. Офицеры и преподаватели составляли группу на другой сторонѣ, начиная отъ дверей музея. С. Г.

**) Я не помню, конечно, точныхъ словъ Государя, но цитирую по отчету объ этомъ событіи, напечатанному въ «Нивѣ» за 1904 г. на стр. 113. С.Г.

***) Морской журналъ, 1939 г., № 133, стр. 12-13.

царилъ и во всемъ корпусѣ. "Надо проводить Государя и Государыню", мелькнуло въ головѣ чуть-ли не у каждаго. Не помню уже какъ я добрался до вестибюля и увидѣлъ тамъ Государя выходившаго на подъѣздъ. Мы выбѣжали вслѣдъ и очутились на улицѣ и громкимъ "Ура" провожали удалявшуюся карету. Волненіе и возбужденіе у насъ всѣхъ были таковы, что мы, какъ были, въ однихъ голландкахъ, безъ фуражекъ, всѣ кто были на улицѣ, рѣшили ѣхать вслѣдъ Государю. *)

Въ числѣ четырехъ кадетъ моей роты я очутился въ саняхъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, бывшаго въ тотъ день дежурнымъ флигель-адъютантомъ. "Что вы дѣлаете, господа? Вѣдь вы простудитесь"!, пробовалъ урезонить насъ Великій Князь. "Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество, не простудимся! Разрѣшите ѣхать съ Вами, мы хотимъ проводить Государя"!, съ жаромъ запротестовали мы. Великій Князь учелъ наше настроеніе и только махнулъ рукой.

По дорогѣ къ Зимнему дворцу мы безъ устали засыпали Великаго Князя вопросами, въ числѣ которыхъ, чуть-ли самымъ животрепещущимъ для насъ былъ — правда-ли что убираютъ нашего директора, грознаго адмирала Чухнина на другую должность и когда. Кого именно мы получимъ взамѣнъ — было уже не такъ важно: кто бы ни былъ, но будетъ легче.

Съ мягкой, добродушной улыбкой слушалъ Великій Князь нашу болтовню и, по возможности, удовлетворялъ наше любопытство. "Прибавь ходу", приказалъ онъ кучеру и мы понеслись по снѣжному пути, по набережной, черезъ Николаевскій мостъ и Сенатскую площадь, наконецъ разгоряченныя лошади остановились у Собственнаго Его Величества подъѣзда Зимняго дворца.

"Бѣгите скорѣй", приказалъ Великій Князь и быстрыми шагами послѣдовалъ за нами въ гостепріимно открытыя уже двери дворца.

Очутившись въ вестибюлѣ, мы застали тамъ прибывшихъ ранѣе гардемаринъ и кадетъ. Великій Князь пожелалъ проститься съ нами, а такъ какъ по дорогѣ мы узнали, что онъ собирается въ Портъ-Артуръ, то мы, перебивая другъ друга, торопились пожелать ему благополучія и успѣха. У кого то нашлась записная книжка. Моментально листки бумаги очутились въ рукахъ Великаго Князя и онъ, смѣясь, наскоро ихъ подписывалъ "Кириллъ" и раздавалъ намъ. Я тутъ же обратился къ Великому Князю съ просьбой: "Ваше Высочество, дайте мнѣ, пожалуйста, платокъ на память!" Не долго думая, онъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука прекрасный, совершенно чистый шелко-

---

*) Запись въ дневникѣ Императора Николая II, (Книгоиздательство «Слово», Берлинъ, 1923), стр. 131: «28 Января 1904 г. Среда. Въ 3 часа поѣхали вдвоемъ въ Морской Корпусъ, гдѣ я произвелъ всѣхъ старшихъ гардемаринъ въ офицеры. Посѣтивъ лазаретъ, уѣхали къ себѣ въ каретѣ, облѣпленной кадетами».

бый носовой платокъ, чуднаго свѣтло-зеленаго цвѣта, съ большой, вышитой буквой "К" и съ короной надъ ней. "О, покорно благодарю, Ваше Высочество", произнесъ я въ восхищеніи и поторопился сейчасъ же его спрятать, справедливо опасаясь за его цѣлость. Но, къ счастью, окружающіе, не замѣтили у меня этого цѣннаго подарка и я благополучно увезъ его въ Корпусъ. Чтобы больше не возвращаться къ этому эпизоду я скажу теперь же, что этотъ платокъ и листокъ бумаги съ подписью Великаго Князя я бережно хранилъ въ продолженіи 16 лѣтъ и только уже въ 1920 г., въ Константинополѣ, они пропали, въ числѣ многихъ других вещей.

Въ концѣ концовъ, во дворцѣ собралось до 60 гардемаринъ и кадетъ, а, можетъ быть, и больше. Тутъ же намъ сказали, что Государь и Государыня безпокоятся, что мы простудимся и что приказано насъ сейчасъ же накормить горячимъ и послать въ Корпусъ за шинелями, башлыками и фуражками. Дѣйствительно, не прошло и 30 мин., какъ насъ повели въ какой то залъ, довольно узкій и тамъ были уже приготовлены горы разныхъ бутербродовъ и горячій чай. Тѣмъ временемъ по телефону потребовали изъ корпуса для насъ шинели и проч. и мы въ скоромъ времени, радостные и довольные благополучно возвратились въ Корпусъ.

Я до сихъ поръ не могу понять, какъ случилось, что никто изъ насъ не заболѣлъ послѣ такой поѣздки? Я думаю, что сильное волненіе и возбужденные нервы спасли насъ всѣхъ отъ возможныхъ послѣдствій этой, болѣе чѣмъ неосторожной, выходки. Корпусное же начальство ни словомъ не обмолвилось по поводу самовольнаго оставленія Корпуса.

Я не помню были-ли мы на этотъ разъ уволены въ обычный 3-хдневный отпускъ, какъ всегда это бывало при посѣщеніи Корпуса Государемъ. У меня осталось впечатлѣніе, что на слѣдующій день жизнь Корпуса протекала нормально. Но я помню отлично, что въ первый же день классныхъ занятій, въ нашемъ классѣ былъ урокъ русскаго языка, который преподавалъ намъ милѣйшій Петръ Алексѣевичъ Конскій. Намъ онъ очень нравился и, несмотря на то, что онъ былъ штатскій, на его урокахъ всегда вели себя прекрасно. Такъ вотъ, на этомъ, первомъ же урокѣ мы его спросили — какъ ему понравилась рѣчь Государя, которую онъ также выслушалъ, находясь въ столовомъ залѣ въ группѣ офицеровъ и преподавателей. "Прекрасно сказанная рѣчь и отличный, безупречный русскій языкъ", заявилъ П. А. Конскій, широко улыбаясь.

Мнѣ кажется вполнѣ умѣстнымъ здѣсь привести свѣдѣнія о судьбѣ этого "Царскаго" выпуска со словъ одного изъ нихъ *), а так-

---

*). Св Морской Журналъ, № 133, 1939 г. стр. 12-13.

же копіи двухъ Высочайшихъ приказовъ отъ 26 и 28 Января 1904 г. по Морскому Вѣдомству.

"Нашъ выпускъ (128 чел.) началъ свою службу подъ знакомъ войны. И съ другой войной и революціей ее кончили. Немудрено, что потери въ людяхъ оказались велики. Уже въ Артурѣ погибли двое нашихъ: Кондратьевъ на крейсерѣ "Діана" и Воронцовъ-Вельяминовъ на береговыхъ укрѣпленіяхъ, причемъ Воронцовъ уже тогда, когда крѣпость была готова къ сдачѣ и приказано было прекратить огонь. Это была послѣдняя пуля, прилетѣвшая съ японской стороны. И погибъ юноша большой доблести и богатѣйшихъ, еще не развернувшихся способностей.

На 2-ой эскадрѣ нашихъ пошло 50 человѣкъ. Изъ нихъ 25 погибли и 23 попали въ плѣнъ или были интернированы. И только двоимъ посчастливилось тогда сразу вернуться въ Россію. Это были: Бодиско, шедшій на угольномъ транспортѣ "Анадырь" и авторъ этихъ строкъ, (бар. Н. Типольтъ), находившійся на вспомогательномъ крейсерѣ "Ріонъ". Впрочемъ, "Ріонъ" не попалъ даже въ Цусиму. За два дня до боя, онъ, сигналомъ Командующаго, былъ отдѣленъ для крейсерства въ Желтомъ морѣ.

Въ Цусимѣ погибли: на "Суворовѣ" — Головнинъ, Жуковскій, Краевскій, Флоровъ, Фоминъ и Шишкинъ. На "Александрѣ III" — Адлербергъ, Барановъ, Всеволожскій Петръ и Князевъ Ю. На "Бородино" — Жолкевичъ, Кочуковъ, Прикотъ, Протасьевъ и Цывинскій. На "Наваринѣ" — Верховцевъ, Леманъ, Макаровъ и Эновскій. На "Ослябя" — Майковъ и Шиповаловъ. На "Свѣтланѣ" — гр. Databaseъ. На "Жемчугѣ" — Тавасшерна и на транспортѣ - мастерской "Камчатка" — Самойловъ.

Въ Великую войну погибли: Измайловъ и Коринфскій на крейсерѣ "Паллада"; Князевъ, Валер. — на тральщикѣ "Проводникъ"; Кротковъ въ Дикой дивизіи и Кульневъ — въ гидроавіаціи.

Въ революцію погибли, убитые большевиками: Билибинъ, Жатковъ, Каллистовъ, Кузнецовъ, Погорѣльскій, Тевяшевъ, Цвингманъ и Чайковскій.

Застрѣлились, еще молодыми (1904-1906 г.г.): Абрамовичъ, Бартеневъ, бар. Буксгевденъ, Малютинъ и Нюманъ. Убитъ въ ссорѣ съ товарищемъ — Дубенко.

Умерли въ разное время: Андросовъ, Богдановъ (1920), Бурачекъ, Витгефтъ (1912), Гирсъ, Дитманъ, Дуровъ (1936), Казариновъ (Эм.), Колечицкій (1921), Купреяновъ, Львовъ Левъ, Нордштейнъ (1936), Петровъ, Потемкинъ (1938), Ренгартенъ (1920), Шульгинъ и Щербачевъ (1930). *)

---

*) Свѣдѣнія по 1-ое Января 1939 г. С. Г.

"Ушла изъ жизни уже половина выпуска", заканчиваетъ бар. Н. Типольтъ свои воспоминанія, "вѣроятно даже большая половина, т. к. мы здѣсь не могли зарегистрировать умершихъ въ сов. Россіи. Пожелаемъ же теперь нынѣ здравствующимъ представителямъ нашего славнаго выпуска энергіи и силъ для работы по завѣту Государя, данному при самомъ нашемъ выпускѣ: "Подъ сѣнью родного Андреевскаго флага служить Престолу и Отечеству такъ, какъ служили отцы и дѣды".

Высочайшій приказъ по Морскому Вѣдомству.
О чинахъ военныхъ.

С. Петербургъ, 28 Января 1904 г. № 524.

Производятся въ мичманы: гардемарины Морского Кадетскаго Корпуса: фельдф., знам. Борисъ Хлюстинъ, фельдфебеля: Дмитрій Андросовъ, Константинъ Житковъ, Дмитрій Дараганъ, У. О.: Петръ Столица, Левъ Сахаровъ, фельдф. Федоръ Рейнгардъ, фельдф. Сергѣй Воронцовъ-Вельяминовъ, У. О. Иванъ Ренгартенъ, Борисъ Кондратовъ, У. О. Владиміръ Витгефтъ, У. О. Георгій Жолкевичъ , Николай Абрамовичъ, У. О. Левъ Муравьевъ, У. О. Викторъ Нилендеръ, У. О. Николай Прикотъ, У. О. Олегъ Щербачевъ, У. О. Андрей Самойловъ, У. О. Вячеславъ Марковъ, У. О. Николай Всеволожскій, У. О. Василій Шиповаловъ, У. О. Владиміръ Бундасъ, Александръ Бодиско, У. О. Дмитрій Головнинъ, У. О. Михаилъ Краевскій, У. О. Вячеславъ Котовскій, Юрій Волковицкій, У. О. Петръ Всеволожскій, Дмитрій Карповъ, У. О. бар. Петръ Буксгевденъ, У. О. Николай Ферморъ, Николай Ратьковъ, Валеріанъ Майковъ, Дмитрій Колечицкій, Юрій Князевъ, Михаилъ Кучаевъ, У. О. Левъ Львовъ, Николай Зубовъ, Владиміръ Годлевскій, У. О. Александръ Рождественскій, У. О. Юрій Башмаковъ, Андрей Измайловъ, **кн. Язонъ Тумановъ,** Василій ф. Энденъ, Владиміръ Ѳоминъ, Владиміръ Никоновъ, Афанасій Дубенко, У. О. гр. Георгій织Ниродъ, У. О. Николай Чайковскій, Николай Протасьевъ, Николай Мессингъ, Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ, Николай Лебедевъ, У. О. Константинъ Введенскій, Николай Андреевъ, Андрей Адлербергъ, бар. Оскаръ Фитингофъ, Николай Барановъ, Николай Нюманъ, Дмитрій Измалковъ, Сергѣй Гирсъ, бар. Николай Типольтъ, Иванъ Цвингманъ, Леонидъ Макаровъ, Игнатъ Яновскій, Александръ Поповъ, Анатолій Шульгинъ, **Александръ Тучковъ,** Евгеній Марковъ, Владиміръ Суйковскій, Валеріянъ Кузнецовъ, Всеволодъ Картавцевъ, Михаилъ Богдановъ, Дмитрій Сафоновъ, Евгеній Цывинскій, Николай Нордштейнъ, Гаральдъ Графъ, **Сергѣй Мемноновъ,** Валеріянъ Князевъ, Владиміръ Кротковъ, Александръ Суровцевъ, Николай Каллистовъ, Борисъ Соловьевъ, Викторъ Вилькенъ, Игнатъ Шанявскій, Григорій Таваcтшерна, **Борисъ Чернай,**

Викторъ Дыбовскій, Сергѣй Худынцевъ, Григорій Пѣтуховъ, Андрей Кира-Динжанъ, Владиміръ Одржеховскій, Вячеславъ Гофманъ, Дмитрій Феодосіу, Григорій Тивяшевъ, Евгеній Кордо-Сысоевъ, Иванъ Дитманъ, Евгеній Малютинъ, Александръ Слупскій, Владиміръ Погорѣльскій, Андрей Флоровъ, Иванъ Билибинъ, Павелъ Симоновъ, Сергѣй Акимовъ, Борисъ Шишкинъ, **Сергѣй Арнаутовъ**, Александръ Кочуковъ, Іосифъ Фесенко, Карлъ Дорожинскій, **Николай Казариновъ**, Всеволодъ Бурачекъ, Евгеній Винокуровъ, Илья Кульневъ, Борисъ Петровъ, Владиміръ Дуровъ, Степанъ Козловскій, Борисъ Коссаковскій, Анатолій Верховцевъ, Борисъ Акимовъ, Григорій Жуковскій, Григорій Коринфскій, Борисъ Купреяновъ, Александръ Бартеневъ, Владиміръ Потемкинъ, Владиміръ Мочульскій, Арсеній Леманъ, Александръ Лукинъ, Николай Васильевъ. (128 человѣкъ).

Высочайшій приказъ по Морскому Вѣдомству.
О чинахъ гражданскихъ.

С. Петербургъ, 26 Января 1904 г., № 483.

Зачисляются въ младшіе инженеръ-механики: старшіе воспитанники механическаго отдѣленія Морского Инженернаго Училища Императора Николая І-го:

Фельдфебели: Александръ Акимовъ, Владиміръ Георгизонъ, восп. Георгій Гебенштрейтъ, У. О. Георгій Юрисонъ, восп. **Николай Рождественскій**, У. О. Константинъ Де-Вейхеръ, воспитанники: Борисъ Ждановъ, Евгеній Федоровъ, Борисъ Ознобишинъ, **Михаилъ Успенскій**, Леонидъ Коринфскій, Григорій Шетининъ, **Сергѣй Величковскій**, Дмитрій Остряковъ, Петръ Зрѣловъ, Сергѣй Тюлевъ, Борисъ Савченко, Александръ Пѣвцовъ, Алексѣй Кортовичъ, Альфонсъ Гейно, Николай Ульяновъ, Борисъ Сачковскій, Константинъ Бобровъ, Владиміръ Улановскій, Алексѣй Фрейлихманъ, Сергѣй Капацынъ, Василій Толмачевъ, Михаилъ Шмидтъ, Григорій Мегиновъ, Михаилъ Трофимовъ, Анатолій Титовъ, Владиміръ Мурашевъ, Илья Крутиковъ, Николай Селивестровъ.

Всѣ тридцать четыре съ назначеніемъ въ корпусъ Инженеръ-Механиковъ флота.

Инж. Мех. Капитанъ 1 ранга И. Л. Де Франкъ.

ЧЕМУЛЬПО.

Воспоминанія о пережитомъ.

Официальное открытіе военныхъ дѣйствій между Японіей и Россіей считается съ 26 Января 1904 г. (стараго стиля), 5 ч. 45 м. вечера, съ момента атаки японскихъ миноносцевъ на канонерскую лодку "Кореецъ" при выходѣ послѣдней изъ Чемульпо въ Портъ Артуръ.

Крейсеръ "Варягъ" и канонерская лодка "Кореецъ" стояли въ Чемульпо въ распоряженіи нашего посланника въ Кореѣ. Мы всѣ рвались уйти въ Артуръ, гдѣ жизнь била ключемъ и, наконецъ, 26 Января утромъ пришелъ долгожданный приказъ взять почту съ иностранныхъ кораблей и идти въ Артуръ. Иностранцы привезли намъ баулы съ корреспонденціей и мы были съ утра готовы къ выходу, но задержались, ожидая изъ Сеула казака - нарочнаго съ бумагами отъ посланника Павлова. Наконецъ, въ 5 ч. вечера, онъ передалъ намъ бумаги и "Кореецъ" снялся съ якоря и вышелъ въ море.

Сейчасъ же при выходѣ изъ порта навстрѣчу "Корейцу" показалась японская эскадра идущая, строемъ 2-хъ кильватерныхъ колоннъ. Въ одной — крейсера съ "Асама" концевымъ, а въ другой — 8 миноносцевъ. Командиръ хотѣлъ обойти ихъ, осавивъ ихъ всѣхъ съ одного борта, но это не удалось и "Корейцу" пришлось идти корридоромъ, между 2-хъ колоннъ. Намъ бросилось въ глаза, что на всѣхъ стеньгахъ были флаги.

По обычаю у насъ вызвали на верхъ караулъ и сыграли "захожденіе", но отвѣта мы не дождались. Колонна крейсеровъ замедлила ходъ, миноносцы, наоборотъ, дали полный ходъ, разошлись и съ обѣихъ сторонъ, широкимъ охватомъ начали приближаться къ намъ. Концевой въ колоннѣ крейсеровъ бронен. кр. "Асама" сталъ лагомъ, поперекъ нашего курса. Для того чтобы его обойти, командиръ приказалъ положить право руля и въ то время какъ мы обходили "Асаму", сигнальщики закричали: "на миноносцахъ снимаютъ чехлы съ минныхъ аппаратовъ"! Миноносцы быстро къ намъ приближались. Все это происходило передъ самымъ портомъ, на глазахъ у всѣхъ иностранныхъ станціонеровъ. Сигнальщикъ крикнулъ: "Мина идетъ"!, "вторая"!... "третья"! Командиръ "Корейца" Капитанъ 2 ранга Бѣляевъ повернулъ обратно въ Чемульпо и была пробита боевая тревога. Не успѣли мы лечь на обратный курсъ и приготовиться къ отраженію минной атаки, какъ вынырнувшій съ лѣваго борта миноносецъ, почти въ упоръ выпустилъ мину, которая должна была быть для насъ роковой — она должна была попасть прямо въ машинную переборку, — но по совер-

шенно необъяснимой причинѣ, почти у самаго борта она вынырнула, застучали ее винты и она затонула.

Между нами и портомъ находился еще одинъ миноносецъ, направившiй на насъ оба минныхъ аппарата. Изъ одного онъ успѣлъ выстрѣлить, но командиръ направилъ "Кореецъ" прямо на него, чтобы таранить и миноносецъ, еле избѣгнувъ столкновенiя, далъ полный ходъ и выстрѣлить миной, но въ противуположномъ направленiи. Ни одного пушечнаго выстрѣла не было произведено. Со всѣхъ иностранныхъ кораблей — съ мачтъ, марсовъ, съ мостиковъ, наблюдали за спектаклемъ, служившимъ увертюрой къ трагедiи слѣдующаго дня — боя "Варяга" и "Корейца" съ японской эскадрой, боя при Чемульпо!

Стало быстро темнѣть. За это время часть японскихъ судовъ вошла въ портъ, конвоируя транспорты съ войсками, которые тотчасъ же начали высадку. На берегу зажгли костры и десанты японцы производили при ихъ свѣтѣ. Противъ "Корейца", въ недалекомъ разстоянiи стали японскiе миноносцы. На нашихъ судахъ все было въ полной боевой готовности. Главныя силы японцевъ крейсеровали у входа въ портъ.

Неудивительно, что для насъ, также какъ и для иностранцевъ, находившихся въ Чемульпо, военныя дѣйствiя явились полной неожиданностью. Какъ оказалось, корейскiй телеграфъ находился въ рукахъ японцевъ и они пропускали и передавали телеграммы и свѣдѣнiя только тѣ, которыя признавали нужными. Мы настолько не были въ курсѣ дѣла, что ожидали помощи изъ Портъ Артура (!), который самъ подвергся внезапной минной атакѣ и артиллерiйскому обстрѣлу.

Всѣ отдавали себѣ ясно отчетъ, что попали въ ловушку, и что если не будетъ помощи извнѣ, то гибель наша неизбѣжна. Всевозможныя мѣры были приняты, лишнее дерево было выброшено за бортъ, изъ мѣдныхъ рѣшетокъ, бывшихъ на палубѣ, были сооружены прикрытiя для машиннаго люка, срублены стеньги, - мѣра, имѣвшая огромное значенiе во время боя. Были подняты боевые флаги *) и прибиты гвоздями къ мачтамъ.

Канонерская лодка "Кореецъ" построена въ 1879 г. во Францiи. Прiемная скорость ея была 12.25 узловъ, скорость, которую она сохранила до послѣдняго выхода въ море. Она была вооружена двумя восьми-дюймовыми орудiями въ 35 калибровъ, по одному на бортъ, и одной шести-дюймовой пушкой, установленной на кормѣ. Кромѣ того, были двѣ 37 м/м пушки и четыре салютныхъ пушки, боевого значенiя не имѣвшихъ. "Кореецъ" не былъ выкрашенъ въ боевой цвѣтъ, и подъ яркимъ корейскимъ солнцемъ, ослѣпительно сверкалъ.

"Варягъ" — бронепалубный крейсеръ въ 6500 тоннъ — во-

---

*) Андреевскiе флаги. Прим. Ред.

оруженный XII-ю 6″ орудіями, XII — 75 м/м, 2-мя пулеметами и VI-мя надводными минными аппаратами, имѣлъ ходъ 24½ узла. Водотрубные котлы системы Никлосса. Построенъ въ Америкѣ. Одно время былъ самымъ быстроходнымъ крейсеромъ въ мірѣ, давъ на пробѣ, въ продолженіи 12 часовъ среднюю скорость въ 24.6 узла. Скорость эта была побита англійскимъ крейсеромъ "Suffolk", давшимъ 24.7 узла. Котлы на "Варягѣ" были повреждены и максимальная скорость, которую онъ могъ бы развить, была 18 узловъ.

Противъ этихъ 2-хъ русскихъ судовъ стояла японская эскадра, состоявшая изъ 5-ти крейсеровъ, имѣвшихъ, въ общей сложности 34 — 6-ти дюймовыхъ орудій и 22 — 120 м/м. орудій, одного броненоснаго крейсера "Асама" съ 4-мя 8 дюйм. орудіями въ башняхъ и 14-ю 6 дюйм. и 8 миноносцевъ.

Свидѣтелями боя были: русскій коммерческій пароходъ "Сунгари", американское авизо "Viksburg", итальянскій крейсеръ "Elba", англійскій крейсеръ "Talbot" и французскій крейсеръ "Pascal".

Ночь прошла безъ происшествій. *) На другое утро командиръ "Корейца" былъ приглашенъ на "Варягъ" и, вернувшись, сообщилъ, что между Россіей и Японіей объявлено состояніе войны, что командующій японской эскадрой адмиралъ Уріу вызываетъ два русскихъ корабля на бой и что онъ предупредилъ иностранцевъ, чтобы они ушли изъ порта Чемульпо, т. к. онъ собирается атаковать насъ въ порту, если мы до 12 ч. дня не пріймемъ вызова. Команда была вызвана во фронтъ и командоръ сообщилъ ей объ объявленіи войны и о предстоящемъ выходѣ въ бой. Прокричали "ура" и принялись быстро за послѣднія приготовленія. Имѣлось ввиду сцѣпиться съ непріятельскимъ кораблемъ и вмѣстѣ взорваться. Охотникомъ для взрыва вызвался инженеръ-механикъ Де Франкъ.

Все было приготовлено, но надо намъ было пройти еще черезъ непріятную процедуру. Покинувъ Сеулъ, по дорогѣ на француз-

*) Когда «Кореецъ» вернулся 26 Января 1904 г., послѣ минной атаки, на рейдъ и японскій миноносецъ сталъ на якорь въ недалекѣ отъ него, то у меня явилась мысль захватить его безъ выстрѣла. Планъ былъ таковъ: Взять 6 человѣкъ изъ спеціально мной тренированной команды (каждый поднималъ лѣвой и правой рукой по 2 пуда), одѣть ихъ въ корейскіе бѣлые балахоны и на корейской шампунькѣ съ берега подойти къ миноносцу, имѣя въ рукахъ пакетъ! Только бы спрыгнуть на палубу, а тамъ успѣхъ былъ бы обезпеченъ. Намъ терять было нечего: все равно, погибать такъ съ музыкой! Это предложеніе было въ тотъ моментъ настолько жизненно, что Командиръ «Корейца» Капитанъ 2 ранга Бѣляевъ послалъ объ этомъ запросъ командиру «Варяга» Капитану 1 ранга Рудневу. Послѣдній прислалъ мичмана Балка (первый его пріѣздъ) съ отвѣтомъ, что, во первыхъ, не всѣ обстоятельства въ отношеніяхъ съ японцами выяснены, а во вторыхъ, что передъ возможнымъ боемъ нельзя рисковать старшими спеціалистами. Мой командиръ, Григорій Павловичъ Бѣляевъ доложилъ впослѣдствіи объ этомъ Государю. — И. Л. Де Ф.

скій крейсеръ "Pascal", россійскій посланникъ въ Кореѣ Павловъ посѣтилъ "Кореецъ" и прощался съ нами. Не могу сказать, чтобъ было особенно пріятно, когда при жизни насъ провожали какъ покойниковъ. Взяли наши прощальныя письма близкимъ, даже не утѣшали и не обнадеживали насъ, настолько было всѣмъ ясно наше безнадежное положеніе.

Флаги были прибиты гвоздями къ мачтамъ и въ 11-30 м., *) по сигналу съ "Варяга", "Кореецъ" снялся съ якоря и вслѣдъ за "Варягомъ", при звукахъ національныхъ гимновъ, исполнявшихся оркестромъ "Варяга", прошелъ мимо иностранныхъ судовъ, на которыхъ офицеры, караулы и команды восторженнымъ "ура" провожали наши суда, идущіе въ бой.

Чтобы яснѣе себѣ представить картину боя, я опишу въ краткихъ словахъ районъ, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто. Самый портъ представлялъ собой небольшой, но помѣстительный заливъ, который, расширяясь въ направленіи къ юго-западу, образуетъ рейдъ Чемульпо, который и былъ ареной боя, затѣмъ снова съуживается и переходитъ въ Желтое море.

Въ серединѣ этого суженія находится островъ Юдольми, впереди котораго крейсеровали японскія главныя силы, за островомъ же, подъ его прикрытіемъ, находились миноносцы. Западный берегъ рейда былъ очень мелкій и во время отлива обнажался отъ воды, такъ что площадь для маневрированія, и безъ того крайне ограниченная, была еще болѣе уменьшена. Всѣ берега, корабли, вообще всѣ возможные пункты наблюденія были покрыты людьми съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдовавшихъ за перепитіями боя.

Когда русскіе корабли вышли на рейдъ, на флагманскомъ японскомъ крейсерѣ "Нанива" былъ поднятъ сигналъ: "Ввиду неравенства силъ предлагаю сдаться". Отвѣтомъ были выстрѣлы съ "Корейца" и "Варяга" и "бой при Чемульпо" начался.

Канонерская лодка "Кореецъ" и крейсеръ "Варягъ" легли прямо на непріятеля, стрѣляя изъ носовыхъ пушекъ; японская эскадра крейсеровала передъ островомъ Юдольми по линіи перпендикулярной нашему курсу и безпрерывно стрѣляла бортовыми залпами, которые въ началѣ боя не принесли нашимъ кораблямъ большого вреда, но когда сойдясь съ непріятелемъ на разстояніе 40 кабельтовыхъ "Варягъ", а за нимъ и "Кореецъ" повернули и "Варягъ" началъ стрѣльбу бортовыми орудіями, начались попаданія въ "Варягъ" и "Кореецъ", при чемъ особенно много снарядовъ попало въ "Варягъ", т. к. онъ былъ главнымъ объектомъ. Во время этого періода боя "Кореецъ" не пострадалъ совершенно, если не считать куска вырванной дымовой трубы.

---

*) За полъ часа до истеченія срока ультиматума. Ред.

Въ первый разъ пришлось познакомиться съ дѣйствіемъ "Шимозы": японскіе снаряды взрывались не только отъ удара по твердымъ предметамъ, но даже отъ прикосновенія къ водѣ, причемъ по водѣ расходились жирныя, темно-бурыя пятна, какъ отъ пролитой нефти. Въ первый разъ пришлось увидать, какъ отъ взрыва снаряда желѣзо начинаетъ горѣть и какихъ трудовъ стоитъ потушить пламя. "Варягъ", а за нимъ "Кореецъ" снова легли на непріятеля. Снаряды съ "Корейца" не долетали до непріятельскихъ кораблей и командиръ увеличилъ ходъ до самаго полнаго для сближенія съ противникомъ. Мы подошли такъ близко, что можно было различать отдѣльныхъ людей на японскихъ судахъ. Удачнымъ залпомъ обоихъ нашихъ 8 дюйм. орудій было сдѣлано попаданіе въ кормовую 8″ башню на "Асама". Дула обоихъ орудій поднялись кверху и, повидимому, заклинились. Команда наша закричала "ура" и съ "Варяга" донеслось слабое отвѣтное "ура". "Кореецъ" повернулъ обратно къ "Варягу", стрѣляя безпрерывно изъ кормовой 6″ пушки. Когда "Кореецъ" подошелъ ближе къ "Варягу", то на немъ стали видны слѣды разрушеній отъ непріятельскихъ снарядовъ. Часть командного мостика была снесена, изъ 4-хъ трубъ, три были сильно повреждены и деформированы, орудія, стоявшія наверху безъ прикрытія, были выведены изъ строя. *)

Я посмотрѣлъ на часы — было 12 ч. 10 м., черезъ минуту кто то крикнулъ: "Варягъ" сталъ на мель!" Дѣйствительно, видно было какъ крейсеръ дѣлалъ усилія собственными средствами сойти съ мели. Мѣсто это находилось восточнѣе буя, указывавшаго на мелководіе. Въ это же время "Варягъ" получилъ нѣсколько подводныхъ пробоинъ и началъ крениться на лѣвый бортъ; верхняя его палуба представляла картину полнаго разрушенія. На "Корейцѣ" же оказались пробоины въ 3-хъ носовыхъ отдѣленіяхъ, что причинило диффферентъ на носъ. Управляясь машинами, (рулевое управленіе было повреждено) "Варягъ" сошелъ съ мели и направился въ портъ. По семафору получили приказаніе слѣдовать за нимъ. По постановкѣ на якорь, на "Кореецъ" прибылъ мичманъ Балкъ съ перевязанной головой и передалъ отъ имени командира "Варяга", что крейсеръ не можетъ снова выйти въ море, что корабль тонетъ, что иностранцы берутъ оставшихся

---

*) Командиръ крейсера «Асама» прислалъ нашему командиру возмутительное по наглости письмо. (Достаточно сказать, что въ этомъ письмѣ онъ упомянулъ о trousers, которые нашъ командоръ могъ потерять отъ страха во время боя!). Какъ командиръ на эту наглость отвѣтилъ указано въ описаніи боя. Какъ сейчасъ вижу его спокойную фигуру на мостикѣ. Спокойно отдавалъ приказанія и спокойно подошелъ къ «Асама». Когда кормовая башня «Асама» заклинилась и орудія стали «на попа», то «ура» съ нашихъ кораблей было отвѣтомъ на письмо командира японскаго крейсера. — И. Л. Де Ф.

къ себѣ и съ этой цѣлью къ намъ пришлютъ катера съ "Pascal" и, наконецъ, что иностранные командиры противъ взрыва русскихъ судовъ, т. к. это можетъ повредить и ихъ корабли.

Взрывъ "Корейца".

Съ крейсера "Pascal" пришли катера и забрали всю команду, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ, которые должны были спасаться на оставленной для этой цѣли нашей четверкѣ. Было рѣшено, что четверка, съ вахтенными журналами, судовой кассой и реликвіями пойдетъ на "Pascal", сдастъ все тамъ и потомъ возвратится на "Кореецъ", чтобъ забрать меня и миннаго квартирмейстера Емельянова, послѣ того, какъ мы подготовимъ все для взрыва. Что "Корейца" собираются взорвать, конечно, должно было остаться тайной. *)

Ходъ событій измѣнилъ, однако, всю программу. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода четверки приблизились японскіе миноносцы и я рѣшилъ взрывать "Кореецъ" немедленно и спасаться вплавь. Для взрыва все уже было готово. Онъ долженъ былъ быть произведенъ фалшфееромъ одновременно въ носовой и кормовой крюйтъ-камерахъ, причемъ я взрывалъ кормовую, а Емельяновъ - носовую. Сигналомъ для взрыва долженъ былъ служить выстрѣлъ изъ браунинга. У Емельянова и у меня все было готово. Я сдѣлалъ выстрѣлъ, зажегъ фалшфееръ, въ нѣсколько прыжковъ добрался до борта и бросился въ воду. Старался отплыть какъ можно дальше. Черезъ нѣкоторое время раздался взрывъ, за нимъ второй и два огромныхъ столба дыма поднялись кверху и соединились, образуя общій куполъ — это былъ конецъ "Корейца".

Инж. Мех. Капитанъ 1 ранга **И. Л. Де Франкъ.**

---

*) Когда выяснилось, что «Кореецъ» будетъ взорванъ на рейдѣ, то изъ числа охотниковъ командиръ выбралъ лейтенанта А. И. Левицкаго, мичмана А. М. Бутлерова, инж. мех. И. Л. Франкъ, боцмана Сафронова, арт. кварт. Валанова и мин. кварт. Емельянова. Мичманъ Бирилевъ на четверку. — **И. Л. Де Ф.**

А. Н. ЗАЕВЪ.

НАЧАЛО ВОЙНЫ СЪ ЯПОНІЕЙ.

По впечатлѣніямъ и переживаніямъ Мичмана съ миноносца въ Портъ-Артурѣ.

Осенью 1902 года, изъ Кронштадта на Дальній Востокъ была отправлена эскадра подъ флагомъ Контръ-Адмирала барона Штакельберга въ составѣ эск. броненосцевъ "Ретвизанъ", "Побѣда", крейсеровъ 1 ранга: "Богатырь", "Паллада", "Діана", крейсеровъ 2 ранга: "Бояринъ", "Новикъ", пяти миноносцевъ французской постройки и 2-хъ миноносцевъ Невскаго завода, увеличенные "Сокола",- "Бурный" и "Бойкій". Ранѣе ушелъ крейсеръ "Варягъ" и позже, по готовности, построенные во Франціи броненосецъ "Цесаревичъ" и броненосный крейсеръ "Баянъ". Такое подкрѣпленіе вдвое увеличивало наши силы въ Тихомъ океанѣ, гдѣ Японія заканчивала свою судостроительную программу.

Плаваніе было очень интересное, особенно для меня, мичмана по первому году, ранѣе не видѣвшаго заграницы. Миноносецъ "Бойкій", на которомъ я плавалъ, съ "Бурнымъ", шли отдѣльно отъ эскадры, встрѣчаясь съ ней въ большихъ портахъ и посѣщали больше портовъ.

Рождество вся эскадра простояла въ Пиреѣ, гдѣ Королева Эллиновъ, которую весь флотъ обожалъ, посѣтила елки на всѣхъ большихъ судахъ, лично раздавая подарки матросамъ и принимая чай въ каютъ-компаніяхъ.

На святкахъ былъ большой балъ во дворцѣ, на который были приглашены всѣ офицеры.

Въ дальнѣйшемъ нашъ "Бойкій" ожидала большая неожиданность въ Красномъ морѣ: у насъ почти вышли изъ строя котлы и весь дальнѣйшій путь мы совершали на буксирѣ крейсера "Богатырь". Кромѣ того въ Индійскомъ океанѣ, у насъ на буксирѣ еще шелъ миноносецъ "Бурный", которому не хватило угля для самостоятельнаго перехода черезъ океанъ.

Послѣ 6-ти мѣсячнаго плаванія, наконецъ, пришли въ Портъ Артуръ, гдѣ застали эскадру въ составѣ броненосцевъ: "Петропавловскъ", "Полтава", "Севастополь", "Пересвѣтъ", крейсеровъ: "Россія", "Громобой", "Рюрикъ", "Варягъ", "Аскольдъ", нѣсколькихъ канонерокъ и около 12 миноносцевъ.

Портъ Артуръ, по своему красивому морскому названію и по своему значенію для флота, нашему мысленному взору представлялся какъ благоустроенный портъ, но насъ ждало полное разочарованіе.

Оказалось — маленькій бассейнъ съ небольшимъ докомъ, которымъ не могли пользоваться броненосцы изъ-за его узкости. Въ бассейнъ съ моря велъ довольно узкій проливъ. Противъ бассейна, по другую сторону прохода, ложала огромная водная поверхность, но настолько мелкая, что была непроходима даже для шлюпокъ. Въ этой поверхности было углублено землечерпалками небольшое пространство, носившее названіе внутренняго рейда, гдѣ на бочкахъ, въ большой тѣснотѣ, т. е. бочки съ носы и кормы, могла размѣститься вся эскадра.

Бассейнъ и внутренній рейдъ отдѣлялись отъ моря возвышеннымъ, узкимъ берегомъ, на которомъ были расположены форты и батареи морского фронта крѣпости. Большимъ недостаткомъ являлась близость бассейна и внутрен. рейда и мастерскихъ порта къ береговой линіи и батареямъ, которые, такимъ образомъ, не предохраняли мастерскія и стоянки судовъ отъ обстрѣла съ моря. А узкій, единственный проливъ, вызывалъ опасеніе, что онъ легко можетъ быть загражденъ, и эскадра окажется закупоренной на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

По прибытіи "Бойкій" былъ поставленъ въ ремонтъ. Офицеры назначены на другія суда. Остался командиръ лейтенантъ Цвингманъ и я. К-ръ и я пріобрѣли себѣ лошадей и въ свободное время много ѣздили верхомъ и, такимъ образомъ, ознакомились съ близь лежащими бухтами и окрестностями крѣпости.

Осенью я былъ назначенъ на миноносецъ "Выносливый" гдѣ, кромѣ к-ра, механика и меня, никого не было, т. е. некомплектъ 2 офицера, и я очутился въ роли старшаго офицера, миннаго и арт. офицера и вахтеннаго н-ка. Хорошо еще, что ревизорскую часть и штурманскую велъ самъ к-ръ.

Лѣтомъ на эскадрѣ была произведена стрѣльба съ маневрированіемъ: стрѣляли по джонкѣ, идущей подъ парусами. Затѣмъ броненосцы и часть крейсеровъ уходили во Владивостокъ. Возвращеніе эскадры было использовано для маневра. Остающіеся въ Артурѣ суда должны были ночью обнаружить наши броненосцы и ихъ атаковать, что, конечно, съ успѣхомъ было выполнено.

Послѣ этого вся эскадра была собрана на обширномъ рейдѣ Дальняго (заливъ Таліенванъ) и Намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ, произвелъ смотръ флоту. Послѣ этого суда вступили въ вооруженный резервъ — это такое состояніе судна, когда спускается вымпелъ и начинаютъ платить уменьшенное содержаніе офицерамъ и командѣ и наводится экономія на расходѣ угля и всякихъ матерьяловъ.

Осенью 1903 г. ушли во Владивостокъ крейсера: "Россія", "Громобой", "Рюрикъ" и "Богатырь".

Въ началѣ зимы стали чувствоваться признаки приближенія конфликта. Стали очень спѣшить съ работами по оборонѣ крѣпости,

которыя еще далеко были не закончены. Въ началѣ января суда неожиданно начали кампанію. Началось укомплектованіе миноносцевъ офицерами, взятыми съ большихъ судовъ. Миноносцы были разбиты на 2 отряда. Большіе миноносцы - "нѣмки", "французы", составили 1 отрядъ, "невки" - 2-ой отрядъ. Къ намъ на "Выносливый" прибылъ и поднялъ вымпелъ Н-къ 1 отряда кап. 1 р. Матусевичъ и съ нимъ флагъ офицеръ. Потѣснились, заполнили всѣ каюты. Стало оживленно и интересно.

Примѣрно въ рединѣ января эскадра вышла на внѣшній рейдъ: такъ называлась часть открытаго моря у Артура. Передъ этимъ съ миноносцевъ списали всѣхъ фельдшеровъ на большія суда, и мы остались безъ всякой медицинской помощи. Миноносцамъ было приказано послать по одному подходящему матросу въ Портовый лазаретъ для прохожденія краткаго санитарнаго курса. Черезъ 2 недѣли эти "санитары" вернулись, и тогда выяснилось, что тамъ ихъ использовали какъ неожиданно свалившуюся съ неба рабочую силу для мытья всѣхъ помѣщеній лазарета: не покладая рукъ, они двѣ недѣли проработали въ лазаретѣ надъ чистотой.

Около 20 января суда приняли изъ Порта противоминныя сѣти. Съ заходомъ солнца игралось отраженіе минной атаки, опускались сѣти; прекращалось сообщеніе съ берегомъ, тушились огни и выполнялось все связанное съ сигналомъ "отраженіе минной атаки". Всѣ суда на нѣкоторое время, въ видѣ ученія, открывали прожекторы, а прожектора лодки "Гилякъ" щупали море въ продолженіи всей ночи; дежурная пара миноносцевъ посылалась въ дозоръ.

Въ инструкціи было сказано, при встрѣчѣ съ японцами, ни въ какомъ случаѣ первыми огня не открывать, а давать знать сигналомъ. На разсвѣтѣ миноносцы возвращались и эскадрѣ была практика въ опознательныхъ сигналахъ.

Совершенно непонятно, для чего была выведена вся эскадра на Внѣшній рейдъ. Сигналъ "отраженіе минной атаки" только выматывалъ команду, часть которой спала не раздѣваясь, дежурила около орудій и пр. Повтореніе этого ежевечерне влечетъ обычно формальное отношеніе и притупляетъ бдительность всѣхъ вообще. Нахожденіе эскадры на внѣшнемъ рейдѣ ставило ее подъ возможность минной атаки. Но, повидимому, командованіе свято вѣрило, что война начнется послѣ ея объявленія, при посредствѣ дипломатовъ. И, повидимому, Петербургъ сыгралъ свою роль въ успокоительныхъ завѣреніяхъ, что война не будетъ допущена. Только это могло бы быть слабымъ оправданіемъ нахожденія въ Чемульпо крейсера "Варягъ" и лодки "Кореецъ".

Къ 27 января, всѣ броненосцы, крейсера и канонерки "Гилякъ" находились на внѣшнемъ рейдѣ, миноносцы на бочкахъ на внутреннемъ рейдѣ и два очередныхъ миноносца въ дозорѣ. Съ минос-

цевъ, только по дѣламъ службы, съѣзжали офицеры. Мнѣ пришлось быть на берегу и меня поразило зрѣлище около японскаго парохода. Японцы, жившіе въ Артурѣ, а таковыхъ было много, буквально осаждали пароходъ. Повидимому, они знали, что это послѣдній пароходъ за ними присланный, такая была суматоха. По всей длинѣ парохода съ обоихъ бортовъ лѣзли и грузили свои вещи японцы и японки съ дѣтьми. Думать о провѣркѣ дукоментовъ не приходилось, да вѣроятно таковой вообще не существовало. Впослѣдствіи я гдѣ то читалъ, что на этомъ пароходѣ находились два к-ра миноносцевъ, которые имѣли, такимъ образомъ, полную информацію о расположеніи нашихъ судовъ за нѣсколько часовъ до нападенія.

Эта паническая посадка японцевъ на пароходъ казалось мнѣ зловѣщимъ признакомъ и я поспѣшилъ на миноносецъ сообщить о видѣнномъ. Н-къ отряда и к-ръ были удивлены, что нѣтъ никакихъ особыхъ распоряженій. Около полночи, когда офицеры уже разошлись по каютамъ, послышался отдаленный гулъ взрыва, черезъ небольшой промежутокъ второй звукъ взрыва и тотчасъ же третій. Всѣ недоумѣвали, что бы это могло быть и, только начатая немедленно съ судовъ стрѣльба, все объяснила.

Н-къ Отряда приказалъ на миноносцахъ поднять пары и приготовиться къ походу. Миноносцы стояли въ 2 час. готовности. Около часа ночи мимо миноносцевъ прошелъ катеръ, съ котораго мичманъ передалъ голосомъ приказаніе адмирала: "Миноносцамъ выйти на рейдъ охранять эскадру. Японцы напали". Около 2 часовъ миноносцы 1-го отряда вышли на рейдъ. Въ проходѣ, поперекъ, стоялъ "Ретвизанъ". Носомъ онъ былъ на мели, корма нѣсколько осѣвши. Это была первая жертва атаки, что мы увидѣли. Сказалась хорошая постройка: переборки не сдали и броненосцу удалось добраться до берега.

Получили также попаданія минами броненосецъ "Цесаревичъ" и крейсеръ "Паллада". Однако, этимъ кораблямъ удалось удержаться на плаву и, при помощи буксировъ, они были введены въ портъ, гдѣ "Паллада" была введена въ докъ. Начинало свѣтать и такъ непривычно было видѣть эскадру безъ лучшихъ броненосцевъ.

Японцевъ не было видно и миноносцамъ приказано было держаться около эскадры ближе къ берегу. Скоро, въ полумракѣ начинающагося утра, стали вырисовываться суда японскаго флота, идущаго къ Артуру полнымъ ходомъ. Зрѣлище было величественное: главныя силы японскаго флота, съ правильными интервалами между судами, полнымъ ходомъ парадировали передъ непріятелемъ, проходя въ сферѣ дѣйствія орудій нашего флота и крѣпости.

Примѣрно съ 70 кабельтовъ японцы первыми открыли огонь изъ крупныхъ орудій. Наши суда, находившіяся въ періодѣ съемки съ якоря, открыли огонь, а черезъ нѣсколько минутъ присоединилась и

крѣпость. Миноносцы оказались въ сферѣ паденія перелетовъ и можно было наблюдать любопытную картину, какъ командиры, невольно, давали полный заднiй ходъ отъ огромнаго всплеска по носу, или полный впередъ отъ таковаго же за кормой.

Такъ какъ при этихъ неожиданныхъ аллюрахъ миноносцы уже не могли удерживать строй, порой сближаясь до опасности столкновенія, можно было наблюдать у другихъ забавныя сцены, не замѣчая таковыя у себя. Всѣ были подъ огнемъ первый разъ и усердно кланялись пролетавшимъ снарядамъ; на нѣкоторыхъ миноносцахъ матросы понадѣвали спасательные пояса, что придавало имъ крайне нелѣпый видъ. Такъ какъ миноносцы не принимали участія въ бою и были заняты только к-ры управленіемъ, мы, офицеры, являлись зрителями этой незабываемой картины. Японцы стрѣляли бронебойными снарядами и снарядъ, послѣ паденія въ воду, рикошетировалъ уже видимымъ для глаза мячикомъ и мы провожали его взглядомъ до разрыва на берегу.

Въ общемъ стрѣльба съ обѣихъ сторонъ была безрезультатной. Еще въ разгаръ стрѣльбы, когда японцы подходили къ траверзу эскадры, на "Петропавловскѣ" былъ поднятъ сигналъ: "Миноносцамъ атаковать непріятеля". Этотъ сигналъ явно указывалъ на высшую степень растерянности командованія, такъ какъ этимъ сигналомъ миноносцы посылались на вѣрную гибель, безъ всякой возможности нанести вредъ непріятелю, ибо нашъ парадный ходъ былъ 24 узла, японскихъ броненосцевъ 18, разстояніе 60 каб. и японцы уже на траверзѣ. Н-къ отряда поднялъ сигналъ: "слѣдовать за мной" и "Выносливый" далъ полный ходъ, но когда мы приблизились къ линіи нашихъ броненосцевъ, снимающихся съ якоря, на "Петропавловскѣ" было поднято "миноносцамъ, Ф", т. е. "отмѣняется". Потомъ выяснилось, что флагманскій артил. офицеръ, Кап. 2 р. Мякишевъ, настоялъ на отмѣнѣ атаки миноносцевъ.

Миноносцамъ приказано было держаться около эскадры и, мы наблюдали, какъ съ броненосцевъ летѣли въ воду шкафы, кресла и проч. предметы уюта и комфорта, какъ представляющіе опасность во время пожара.

Пройдя траверзъ Артура, японскій флотъ повернулъ на обратный курсъ и быстро удалился. Цѣль была достигнута — адмиралъ Того убѣдился въ результатѣ ночной атаки. Надо указать, что въ моментъ съемки съ якоря нашихъ судовъ, крейсеръ "Баянъ" (кап. 1 р. Виренъ) и крейсеръ "Новикъ" (кап. 2 р. фонъ Эссенъ) сблизились съ японцами до возможности дѣйствія среднимъ калибромъ съ цѣлью отвлеченія вниманія японцевъ отъ броненосцевъ заканчивающихъ съемку съ якоря.

Оба крейсера, особенно "Баянъ", имѣли попаданія оскол-

ковъ снарядовъ разорвавшихся вблизи ихъ борта. Наша эскадра, пройдя немного вдоль берега, вернулась и стала на якорь у Артура. Настроеніе было, конечно, пакостное; свершилось нѣчто непоправимое: въ первый день войны японцы завладѣли моремъ, заблокировали нашу эскадру въ Артурѣ и смогли полностью осуществить свой планъ переброски моремъ войскъ.

Очевидно наше командованіе, вообще, не вѣрило въ возможность войны и, въ особенности, въ такую ея близость, а возможность внезапнаго нападенія вовсе не приходила ему въ голову.

Иначе трудно объяснить выводъ эскадры на Внѣшній рейдъ и нахожденіе "Варяга" и "Корейца" въ Чемульпо, гдѣ они оказались въ ловушкѣ и, цѣной геройской своей гибели, поддержали честь флага.

Было ясно, что командованіе не на высотѣ, и, поэтому, всѣ встрѣтили съ облегченіемъ извѣстіе о назначеніи новаго н-ка эскадры, Адмирала Макарова.

У меня лично сложилось мнѣніе, что, если японцы дѣйствовали по плану, изучили противника во всѣхъ отношеніяхъ и имѣли все время полную информацію, то у насъ было нѣчто обратное, кромѣ того, японцы на Востокѣ были у себя дома, а мы были въ "заграничномъ плаваніи".

Тяжелыя событія слѣдовали одно за другимъ. Получилось извѣстіе о гибели "Варяга" и "Корейца", затѣмъ миннаго заградителя "Енисей", взорвавшагося при постановкѣ загражденія въ заливѣ Таліенванъ. На "Варягѣ" былъ убитъ нашего выпуска мичманъ графъನиродъ, а на "Енисеѣ" погибъ мичманъ Хрущевъ. На "Енисеѣ" погибло много офицеровъ и команды изъ-за очень холодной воды.

На другой день Н-къ отряда миноносцевъ получилъ изъ Штаба предписаніе: "найти крейсеръ "Бояринъ", который былъ подорванъ на минѣ, оставленъ командиромъ и командой и, не затонувъ, находится въ морѣ. Привести его въ Дальній въ докъ; въ случаѣ невозможности — взорвать, дабы не попалъ въ руки японцевъ." Н-къ отряда на "Выносливомъ" вышелъ въ море; при пробѣгѣ до Дальняго ничего не обнаружили, но, при входѣ въ заливъ Таліенванъ, у внутренней стороны о-ва, увидѣли "Бояринъ" стоявшаго носомъ къ берегу, къ которому его пригнало вѣтромъ. Н-къ отряда съ флагъ-офицеромъ отправился на вельботѣ на "Бояринъ". Первымъ дѣломъ пришлось отогнать мѣстныхъ китайцевъ - рыбаковъ, начавшихъ тащить съ судна провизію. Осмотръ выяснилъ, что судно стоитъ почти на ровномъ килѣ и имѣетъ достаточный для ввода въ докъ запасъ плавучести. Былъ отданъ якорь на случай, если перемѣнится вѣтеръ и крейсеръ сойдетъ съ мели. Послѣ осмотра "Выносливый" отправился въ лежащій въ глубинѣ залива портъ Дальній, чтобы сдѣлать распоряженіе о докѣ и буксирахъ. Подошли поздно вечеромъ. Къ намъ прибылъ кап. 2 р. Сарычевъ

к-ръ "Бояринa" для руководства работами по ремонту въ докѣ. Ночью задулъ сильный вѣтеръ обратнаго направленія, перешедшій въ снѣжный штормъ. Н-къ отряда былъ доволенъ, что отдалъ якорь на "Бояринѣ", который, при такомъ направленіи и силѣ вѣтра, неминуемо отнесетъ отъ берега и онъ, придя на канатѣ, дождется утромъ насъ и буксировъ.

Примѣрно около 2 час. ночи, среди воя вѣтра, послышался отдаленный звукъ взрыва, а передъ нимъ вахтенные увидѣли и вспышку взрыва. У насъ было предположеніе, что сорвавшаяся мина, быть можетъ, коснулась берега и взорвалась.

Передъ разсвѣтомъ значительно стихло и "Выносливый", въ сопровожденіи буксировъ, тронулся къ "Боярину". Но таковаго мы не нашли и даже не обнаружили никакихъ слѣдовъ. Сдѣлали предположеніе, что, при перемѣнѣ вѣтра, "Бояринъ" сошелъ съ мели и, придя на канатъ, который вытравлялся до жвака - галса, коснулся мины загражденія, поставленной быть можетъ, нѣсколько ближе къ острову, чѣмъ было намѣчено по плану. Но это, конечно, было только предположеніе, трудно допустимое при такомъ прекрасномъ штурманѣ, каковымъ являлся мичманъ Хрущевъ. Уже въ Америкѣ, когда я какъ-то дѣлился своими воспоминаніями, мой собесѣдникъ припомнилъ, что онъ читалъ воспоминанія командира японскаго миноносца, въ которыхъ послѣдній упоминалъ, что въ самомъ началѣ войны его миноносецъ, въ снѣжный штормъ, заходилъ въ Таліеванскую бухту, гдѣ обнаружилъ крейсеръ, стоящій на якорѣ безъ огней, въ который онъ и пустилъ мину, взорвавшую судно. Насколько это вѣрно — сказать трудно, но съ этой ночи "Бояринъ" безслѣдно исчезъ.

Н-къ отряда отпустилъ буксиры и "Выносливый" вернулся въ Артуръ. К-ръ "Боярина", кап. 2 р. Сарычевъ, находился у насъ на миноносцѣ; тяжело было смотрѣть на него, переживающаго большую душевную драму. Георгіевскій кавалеръ, съ представительной наружностью, онъ былъ въ крайне угнетенномъ настроеніи. Онъ, на "Бояринѣ" съ миноносцами, прикрывалъ "Енисея" во время постановки минналго загражденія. На его глазахъ "Енисей" взорвался и быстро пошелъ ко дну. Погибло много команды во главѣ съ командиромъ. Спасенные не выживали, сердце не выдерживало холодной воды. Наконецъ, самъ "Бояринъ" взрывается... Уже темно... Вода прибываетъ, нервы натянуты и сдаютъ... К-ръ переоцѣниваетъ положеніе подъ вліяніемъ доклада трюмнаго механика и отдаетъ приказаніе командѣ перейти на миноносцы, самъ сходитъ послѣднимъ и даетъ приказаніе идти въ Артуръ. Миноносцы отошли отъ еще не затонувшаго корабля безъ видимой необходимости въ такой поспѣшности, такъ какъ въ виду непріятельскихъ судовъ не было. Это, повидимому, К-ра больше всего угнетало и онъ простить себѣ это не могъ.

Мое личное мнѣніе было, что въ ночь нападенія на эскадру въ Артурѣ, японцы поставили небольшое минное загражденіе въ Таліенванскомъ заливѣ, предугадывая нашу минную постановку. На одной изъ минъ взорвался "Енисей", а на двухъ другихъ подорвался и взорвался "Бояринъ".

Но на этомъ наши испытанія еще не кончились. Получилось извѣстіе, что въ Голубиной бухтѣ затонулъ миноносецъ нашего отряда. Онъ былъ въ дозорѣ, запоздалъ къ расвѣту вернуться въ Артуръ и былъ у Ляутешана отрѣзанъ отъ Артура японскимъ крейсеромъ спасаясь отъ котораго заскочилъ въ Голубиную бухту, гдѣ оказался затопленнымъ. Я поѣхалъ верхомъ въ Голубиную бухту посмотрѣть на миноносецъ и увидѣлъ его недалеко отъ берега, въ погруженномъ состояніи, на ровномъ килѣ, съ торчащими изъ воды мачтами, верхушками трубъ и мостикомъ. Ко мнѣ подошелъ армейскій капитанъ съ окладистой бородой и обратился съ вопросомъ: "скажите прапорщикъ, что такое десантъ и какъ онъ отбивается? Вотъ получили приказаніе занять бухту и отбивать десантъ, а что такое десантъ и какъ его отбивать "не указано". Изъ его обращенія "прапорщикъ" было ясно, что капитанъ не имѣлъ общенія съ флотомъ и моремъ и полученное приказаніе было для него необычнымъ. Я успокоилъ его, что японцы не отважутся высаживаться вблизи крѣпости, а если таковая попытка будетъ имѣть мѣсто, то огнемъ своей роты, онъ ихъ задержитъ и штыками ихъ ликвидируетъ. Показалъ онъ мнѣ окопъ, и мы разстались друзьями. Повидимому, меня онъ принялъ за конную развѣдку отъ флота.

Въ началѣ января славные 11 и 12 Вост. Сибир. стрѣлковые полки ушли къ Корейской границѣ. Эти полки сжились съ Артуромъ и флотомъ, а на смѣну имъ пришли сибиряки, никогда моря и флота не видѣвшіе. Черезъ недѣлю отъ растерянности первыхъ дней не осталось и слѣда. Закипѣла работа по исправленію судовъ. За отсутствіемъ дока, на "Ретвизанѣ" и "Цесаревичѣ" приспособили кессоны и началась задѣлка огромныхъ пробоинъ, одновременно производился ремонтъ и исправленіе внутреннихъ поврежденій. Инженеры показывали большую изобрѣтательность и находчивость. Артиллеристы снимали съ "Ретвизана" носовую башню съ 12 дюйм. орудій и выгружали носовой бомбовый погребъ, "Паллада" была введена въ докъ, и всѣ могли видѣть ея огромную пробоину.

Осмотръ найденныхъ японскихъ минъ выяснилъ, что онѣ были снабжены ножницами, которыя легко перерѣзали тросъ сѣтей огражденія; вообще стало ясно, что намъ надо благодарить судьбу за то, что только три корабля временно вышли изъ строя: если бы адмиралъ Того бросилъ въ атаку всѣ минныя силы, онъ могъ бы потопить весь нашъ флотъ. Но имъ, конечно, руководила разумная осторожность, ибо въ этой войнѣ вся отвѣтственность за успѣхъ лежала на флотахъ обѣихъ

сторонъ.

Въ ночь на 26 февраля у насъ въ дозорѣ находилось 4 миноносца подъ брейдъ вымпеломъ Н-ка 1-го отряда, на миноносцѣ "Выносливый". Ночью, на высотѣ Ляотешана, въ темнотѣ, неожиданно встрѣтились съ отрядомъ японскихъ миноносцевъ. Почти одновременно открыли огонь. Вскорѣ у насъ былъ пробитъ главный паропроводъ въ машинѣ; паръ со страшнымъ шумомъ, заглушавшимъ звуки выстрѣловъ, вырывался изъ горловины, постепенно уменьшаясь, и оттуда посыпались машинисты. Мы потеряли ходъ совершенно. Находившійся въ кочегарномъ отдѣленіи ст. механикъ Блиновъ, выскочилъ на палубу и бросился въ машинное отдѣленіе, увлекая за собой выбѣжавшихъ машинистовъ, уже достаточно обожженныхъ паромъ. Пока мы находились почти безъ движенія, за кормой у насъ расположился японецъ и дѣйствовалъ всѣмъ бортомъ. Изъ каютъ компаніи прибѣжалъ вѣстовой съ сообщеніемъ о пробоинѣ. Оказалась небольшая, ее быстро задѣлали и возобновили подачу патроновъ. Видя наше безпомощное положеніе съ застопоренной машиной, "Властный" — наша пара (лейт. Карцовъ), идетъ таранить японца за нашей кормой. Миноносецъ даетъ полный назадъ и "Властный" лихо рѣжетъ ему носъ, но немедленно кладетъ на бортъ и идетъ таранить опять, цѣлясь уже ближе къ кормѣ. Японецъ даетъ полный впередъ и "Властный" лихо рѣжетъ корму, но въ это время механикъ Воробьевъ, прибѣжавшій замѣнить раненнаго мичмана Александрова, выпускаетъ изъ кормового аппарата по непріятелю мину. Раздался взрывъ. Въ это время "Выносливый" получилъ способность двигаться и миноносцы разошлись. Во время нашей вынужденной остановки я, находясь у кормового орудія, былъ тяжело раненъ осколкомъ снаряда въ голову, въ кисть правой руки съ поврежденіемъ мизинца и легко въ лѣвую грудь.

При раненіи я потерялъ сознаніе и, только черезъ много дней, въ госпиталѣ, придя въ себя, узналъ о своемъ раненіи. На столикѣ около кровати лежалъ осколокъ вынутый изъ глаза, вѣсомъ въ ¼ фунта и рядомъ орденъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ. Ордена Св. Георгія 4 ст. получили: нашъ герой ст. механикъ Блиновъ и к-ръ "Властного" лейт. Карцовъ, который, своими лихими дѣйствіями, выручилъ нашъ миноносецъ. Инженеръ-механикъ Воробьевъ, выпустившій мину въ японца, получилъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ. Многіе слышали взрывъ но никто не видѣлъ потопленія. А въ донесеніи адмирала Того значилось, что потерь въ судахъ за этотъ день не было. Не попади намъ снарядъ въ паропроводъ, вѣроятно, мы просто разошлись бы съ японцами въ темнотѣ, быстро же утерявъ ихъ изъ вида, едва успѣвъ обмѣняться нѣсколькими выстрѣлами. А тутъ, изъ за нашей остановки, началась свалка съ безпорядочной стрѣльбой въ темнотѣ на близкомъ разстояніи, на большомъ ходу и, почти все время, на

циркуляціи. Все это произошло за 20 минутъ, съ начала встрѣчи, до расхожденія.

Я оказался первымъ раненнымъ морскимъ офицеромъ, попавшимъ въ Сводный госпиталь, гдѣ старшимъ врачемъ былъ прекрасный хирургъ, д-ръ Ивановъ, на мое счастье пріѣхавшій въ Артуръ на другой день послѣ моего раненія. Онъ потомъ мнѣ разсказывалъ, что, осмотрѣвъ меня, онъ опредѣлилъ наличіе большого осколка въ глазной впадинѣ и рѣшилъ его вынуть, выжидая, когда мое состояніе позволитъ приступить къ операціи. Черезъ два дня мое состояніе позволило дать крохотную дозу хлороформа и осколокъ въ ¼ фунта былъ вынутъ изъ орбиты праваго глаза. Обнаружено: внутреняя трещина черепа, просачиваніе мозговой жидкости, повреждеціе скуловой кости и переносицы.

Уходъ былъ замѣчательный. Главная сестра — жена д-ра Иванова, внесла столько вниманія и ласки въ уходѣ за мной, а я былъ очень трудный случай. Часто я впадалъ въ галлюцинапіи. Напримѣръ, начиналъ брыкаться ногами — это я отбивался отъ японскаго миноносца, то я забирался рукой подъ повязку, стараясь ее сорвать и вытаскивалъ изъ раны тампонъ — это я защищался отъ рвавшихся вблизи снарядовъ. Ввиду мозговыхъ явленій, около меня безотлучно дежурилъ санитаръ. Но скоро я вошелъ въ норму и ко мнѣ стали допускаться посѣтители.

Мнѣ удалось отплатить госпиталю за чудный уходъ. При посѣщеніи госпиталя, Намѣстникъ, Адмиралъ Алексѣевъ, съ большой группой его сопровождавшаго начальства, подошелъ къ моей кровати и выслушавъ объясненія о моемъ состояніи отъ д-ра Иванова, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, доволенъ ли я уходомъ. На это я отвѣтилъ, что родная мать не могла бы лучше ухаживать за своимъ сыномъ, чѣмъ здѣсь въ госпиталѣ. Адмиралъ горячо поблагодарилъ д-ра Иванова и поцѣловалъ руку у старшей сестры.

По вступленіи своемъ въ командованіе, Адмиралъ Макаровъ посѣтилъ госпиталь и подходилъ ко мнѣ, сильно ободривъ нѣсколькими любезными словами. Это былъ послѣдній разъ, что я его видѣлъ.

22 Апрѣля меня на носилкахъ отнесли на вокзалъ и помѣстили въ вагонъ 1 класса, предоставленный въ распоряженіе к-ра погибшаго "Петропавловска", кап. 1 р. Яковлева. Въ качествѣ доктора меня сопровождалъ студентъ медикъ Котовъ, дѣлавшій въ пути перевязки. Съ нами еще ѣхали контуженный на "Петропавловскѣ" флагъ офицеръ Адмирала Макарова мичманъ Шмиттъ и мичманъ Шлиппе, пострадавшій, кажется, отъ газовъ. Нашъ поѣздъ былъ послѣднимъ изъ Артура, прошедшимъ безъ помѣхи со стороны японцевъ.

Въ заключеніе хочется сказать, что, очевидно, наше командованіе не ожидало войны и серьезпо къ ней не готовилось. "Японія не осмѣлится напасть на Россію". Подъ этимъ гипнозомъ не были приня-

ты всѣ возможныя мѣры, были пропущены всѣ сроки и возможное не было сдѣлано.

Мнѣ приходилось бесѣдовать съ моимъ начальникомъ, директоромъ Морского Корпуса, Адмираломъ А. И. Русинымъ, который былъ въ то время Морскимъ Агентомъ при Посольствѣ въ Токіо. Александру Ивановичу стало очевиднымъ за нѣсколько дней до нападенія, что Японія наканунѣ войны, о чемъ онъ немедля донесъ въ Петербургъ и Намѣстнику и продолжалъ доносить до самого послѣдняго момента. Но ни Петербургъ, ни Намѣстникъ не вняли и странная дислокація морскихъ силъ къ началу войны, какъ нельзя лучше помогла японцамъ. Погибли "Варягъ" и "Кореецъ" и выведены изъ строя лучшіе броненосцы.

Теперь, черезъ 40 лѣтъ, когда случилось еще двѣ міровыхъ войны, приходится констатировать удивительный фактъ — наличіе ничѣмъ не оправдываемаго оптимизма. Назовемъ его проще: преступной небрежностью. Это имѣло мѣсто и въ 1914 году при началѣ войны въ Черномъ морѣ — входъ турецкихъ миноносцевъ въ Одесскую гавань и потопленіе "Гебеномъ" "Прута" у Севастополя и, наконецъ, въ этой войнѣ, нападеніе тѣхъ же японцевъ на Пэрлъ Харборъ. Названія другія но суть та же самая.

Исторія повторяется.

А. Н. ЗАЕВЪ.

9 Февраля 1944 г.
Нью-Іоркъ.

Примѣчаніе къ страницѣ 42-ой: Въ описываемое время мичманы имѣли погоны съ одной звѣздочкой, подобно погонамъ прапорщиковъ арміи, хотя по табели о рангахъ приравнивались къ чину поручика. Ред.

В. П. ШМИТТЪ.

АДМИРАЛЪ С. О. МАКАРОВЪ ВЪ ПОРТЪ-АРТУРѢ.

Прибытіе и вступленіе въ командованіе.

Вступленіе Адмирала Степана Осиповича Макарова въ командованіе флотомъ въ Портъ-Артурѣ, немедленно по прибытіи 24-го Февраля (8 Марта) 1904 года, внесло свѣжую струю бодрости въ сердца всѣхъ чиновъ флота.

Ореолъ, которымъ было всегда окружено имя Адмирала во флотѣ, былъ только одной изъ причинъ этому. Главнымъ же образомъ, самъ Адмиралъ, всегда и вездѣ умѣвшій быстро оріентироваться во всякой обстановкѣ, и въ данномъ случаѣ проявилъ эту отличительную черту своего характера. Не только онъ понялъ положеніе, но сразу же и овладѣлъ имъ.

Природный умъ, человѣчность, прямолинейность, соединенныя съ непреклонной волей, отважностью и кипучей энергіей, направили первые же шаги Адмирала въ новой роли — командующаго флотомъ.

Его понимали съ перваго слова, его любили съ перваго взгляда; подчиненные становились беззавѣтно преданными ему, въ особенности въ боевой обстановкѣ. Онъ былъ доступенъ и вѣрилъ въ людей. Ему платили тѣмъ же.

По своему характеру Адмиралъ Макаровъ походилъ на Суворова и Скобелева. Въ его рукахъ власть и командованіе не были средствами для проявленія тиранства, жестокости, произвола или издѣвательства. Его геній, вознесшій его на высшую ступень всемірно-признаннаго военно-морского и научнаго авторитета, создалъ изъ него вождя, котораго исторія поставитъ среди очень немногихъ исключительныхъ людей. Нѣсколько примѣровъ изъ его дѣятельности въ Портъ-Артурѣ ярко охарактеризуютъ его личность.

Первый день по прибытіи въ Портъ-Артуръ.

Въ день прибытія въ Портъ-Артуръ Адмиралъ поднялъ флагъ Командующаго флотомъ на крейсерѣ "Аскольдъ" и, въ этотъ же день, произошло радостное для Портъ-Артурской эскадры событіе: броненосецъ "Ретвизанъ", подорванный миной во время воровской японской атаки 27 января (ст. ст.) до объявленія войны и простоявшій около мѣсяца на мели въ проходѣ во внутреннюю гавань, былъ снятъ съ мели и отбуксированъ для исправленія на внутренній западный рейдъ.

Медленно портовые катера вели на буксирѣ броненосецъ, съ котораго было снято много снаряженія и груза для его облегченія и увеличенія его плавучести. Съ небольшимъ креномъ двигался раненый корабль. Команда на немъ была выстроена на палубѣ. Команды всѣхъ

другихъ судовъ высыпали наверхъ. Макаровъ стоялъ на мостикѣ "Аскольда", на которомъ, также какъ и на "Ретвизанѣ" и на всѣхъ судахъ, гдѣ были судовые оркестры, играла музыка.

"Ретвизанъ" поравнялся съ "Аскольдомъ". Оркестры на обоихъ судахъ замолкли и громко въ рупоръ раздались слова Адмирала. Было солнечно и тихо. Громкій голосъ Адмирала разносится далеко. Теплыми простыми словами онъ привѣтствовалъ команду, но этихъ словъ было достаточно, чтобы они глубоко проникли въ души всѣхъ слышавшихъ ихъ. Новая жизнь какъ бы пробѣжала по жиламъ людей Портъ-Артурской эскадры. Съ судовъ кричали "ура". Минута была торжественная.

Объѣздъ судовъ эскадры.

Макаровъ немедленно же началъ объѣздъ судовъ эскадры. Онъ всегда отличался умѣніемъ обращаться съ людьми и эти шаблонныя, казалось бы, посѣщенія поневолѣ краткія, создали и укрѣпили нерушимую спайку вождя съ подчиненными. Принявъ рапортъ отъ командира и поздоровавшись съ выстроенными офицерами и командой, Адмиралъ обычно прибавлялъ нѣсколько бодрыхъ словъ. При его изумительной памяти на лица, ему удавалось узнавать во фронтѣ стараго знакомаго матроса, съ которымъ онъ когда-то плавалъ и онъ останавливался, чтобы сказать тому нѣсколько словъ, иногда даже называя его по фамиліи и спрашивая о службѣ и семьѣ на далекой родинѣ. Иногда же, просто увидя старшину машиниста, минера или комендора, онъ задавалъ два три вопроса по спеціальности о машинѣ, объ орудіи или о минѣ. Онъ всегда требовалъ, чтобы вся команда была въ строю при его посѣщеніяхъ. Прощался онъ всегда очень просто и не формально: "До свиданія, молодцы! Дай Богъ, въ добрый часъ".

Съ жаднымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за каждымъ жестомъ и словомъ Адмирала и молва о нихъ быстро разносилась по эскадрѣ. Увѣренность въ томъ, что Адмиралъ человѣкъ "правильный" и "настоящій" росла и крѣпла. "Борода" и "Дѣдушка" стали любимыми прозвищами, данными ему командами.

Первыя стычки съ японцами.

На другой день послѣ пріѣзда, 25 Февраля, произошла первая стычка съ непріятелемъ въ морѣ. Вечеромъ были высланы два отряда миноносцевъ въ море на развѣдку. Утромъ 26-го 1-й отрядъ вернулся послѣ ночного боя съ японскими миноносцами, во время котораго одинъ японскій миноносецъ былъ потопленъ миной миноносца "Властный".

2-ой же отрядъ, уже приближаясь къ Портъ-Артуру, былъ встрѣченъ непріятелемъ и два миноносца "Рѣшительный" и "Стерегу-

щій" были отрѣзаны отъ порта. "Рѣшительному" удалось прорваться, а "Стерегущій" подбитый артиллерійскимъ огнемъ, съ поврежденными котлами, со снесеннымъ мостикомъ, безпомощный, безъ движенія, — былъ взятъ на буксиръ однимъ изъ японскихъ миноносцевъ.

Здѣсь проявился героизмъ нашихъ матросовъ: ведомый на буксирѣ "Стерегущій" былъ затопленъ своей же командой, когда руки невѣдомыхъ героевъ открыли кингстоны. Лучше погибнуть, чѣмъ сдаться въ плѣнъ — простой и высокій принципъ, такъ вдохновлявшій тогда всѣхъ на Портъ-Артурской эскадрѣ!

Вся эта драма происходила недалеко, миляхъ въ десяти, отъ Портъ-Артура и на глазахъ самой высокой морской наблюдательной и сигнальной станціи на Золотой Горѣ, при входѣ во внутреннюю гавань. При непрерывной связи по телефону со штабомъ командующаго флотомъ, Адмиралъ былъ поставленъ немедленно въ извѣстность о началѣ боя, что обнаружилось какъ только стало свѣтать.

Адмиралъ на "Новикѣ".

Не утерпѣлъ Адмиралъ. Немедленно приказалъ крейсерамъ "Баяну" и "Новику" выйти на рейдъ. Самъ перешелъ на "Новикъ", какъ самый быстроходный, поднялъ на немъ свой флагъ и помчался на выручку одиноко погибающему миноносцу. Старый лозунгъ "не рисковать" былъ отброшенъ.

"Новикъ" и "Баянъ" не успѣли спасти "Стерегущаго", который уже былъ затопленъ своими же, однако, крейсера не только разогнали отрядъ японскихъ миноносцевъ, но вступили въ преслѣдованіе ихъ. На горизонтѣ появилась броненосная эскадра Адмирала Того изъ 16 вымпеловъ и, конечно, Макаровъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ повернуть въ Портъ-Артуръ.

Тысячи глазъ на всей эскадрѣ слѣдили за этимъ лихимъ дѣломъ и неустрашимый, отважный порывъ Адмирала Макарова, который не задумываясь, вышелъ на маленькомъ крейсерѣ подъ командой одного изъ самыхъ блестящихъ нашихъ морскихъ офицеровъ капитана 2 р. Н. О. фонъ Эссена, поднялъ престижъ Адмирала на недосягаемую высоту. Съ этой минуты онъ сталъ для всѣхъ людей "нашимъ" и въ полномъ сознаніи могъ сказать въ отвѣтъ: "моя" эскадра, "мои" люди.

Перекидной огонь японскихъ броненосцевъ.

Въ это же утро японскіе броненосцы начали обстрѣливать безпомощно стоявшую на внутреннемъ рейдѣ нашу эскадру выжидавшую полной воды прилива. Глубина выхода была слишкомъ мала для нашихъ броненосцевъ. Въ этотъ день приливъ давалъ достаточно воды только отъ 9 час. утра до 1 часа дня.

Японцы стрѣляли безвозбранно перекиднымъ огнемъ изъ-за

высокаго, скалистаго берега Ляотешана на юго-западѣ отъ порта, съ разстоянія 8-9 миль (14-15 верстъ). Наши корабли не могли отвѣчать по невидимому противнику. И только послѣ 9 час. утра, когда наша эскадра смогла выйти изъ гавани, японцы принуждены были удалиться, предпочитая не рисковать встрѣчей съ хорошо имъ знакомымъ Адмираломъ. Къ счастью наши потери на эскадрѣ при этой бомбардировкѣ были незначительны: убитыми и ранеными около 30 человѣкъ и несерьезныя поврежденія на судахъ. (Убито 7, ранено 20 чел.)

Первые результаты командованія.

Первое достиженіе Адмирала Макарова въ Портъ-Артурѣ было сокращеніе времени для выхода всей эскадры съ внутренняго рейда и гавани. Въ прежнее время корабли употребляли цѣлыя сутки на выходъ черезъ узкій и мелкій проливъ, т. к. это брало два періода полной воды, теперь же вся эскадра вышла въ теченіе утренней полной воды, на что потребовалось только 2½ часа, и съ вечерней полной водой прилива вся полностью вернулась на внутренній рейдъ. Всѣ были изумлены, — это казалось чудомъ.

Вторымъ достиженіемъ была разбивка карты на квадраты вокругъ Ляотешана, откуда безъ всякаго риска японскіе броненосцы обстрѣливали нашу эскадру стоявшую въ гавани и организація наблюдательныхъ постовъ на скалистомъ высокомъ берегу этого мыса. Посты были связаны телефономъ съ центральнымъ постомъ въ порту и нашими броненосцами. На всю эту организацію съ личнымъ энергичнымъ участіемъ Адмирала потребовалось всего нѣсколько дней. Помимо того, въ этомъ же раіонѣ были поставлены мины цѣлыми банками (группами). Немедленно же началась практическая стрѣльба по квадратамъ по невидимому противнику изъ 12 и изъ 10 дюймовыхъ орудій броненосцевъ. Результаты были очень удовлетворительны.

Ночью 9 марта (22 Марта н. ст.) японскіе миноносцы появились на внѣшнемъ рейдѣ и были встрѣчены огнемъ съ береговыхъ батарей и канонерскихъ лодокъ, стоявшихъ въ проходѣ. Появленіе миноносцевъ, какъ уже было намъ извѣстно, предвѣщало прибытіе главныхъ силъ. И, дѣйствительно, съ разсвѣтомъ на горизонтѣ появился сначала крейсерскій отрядъ изъ 6 большихъ крейсеровъ, 6 легкихъ крейсеровъ и 8 миноносцевъ. За крейсерами показался и броненосный отрядъ. Самоувѣренно и спокойно два броненосца "Фуджа" и "Яшима" въ 9 час. 30 мин. утра заняли позиціи по обыкновенію въ полумилѣ отъ Ляотешанскаго маяка.

Адмиралъ нашъ не дремалъ. Въ 7 часовъ наши крейсера были на рейдѣ, а съ прибылью воды стали выходить и броненосцы и въ 12 час. 10 мин. вся эскадра готовая къ бою была уже на внѣшнемъ рейдѣ за цѣлыхъ полтора часа до полной воды, съ флагомъ Командую-

щаго Флотомъ на "Петропавловскѣ". Это, конечно, непріятно поразило японцевъ.

Но самымъ непріятнымъ для нихъ сюрпризомъ было то, что не успѣли "Фуджи" и "Яшима" начать перекидную стрѣльбу, какъ наши- "Побѣда" и чинившійся "Ретвизанъ", находившіеся на внутреннемъ рейдѣ, стали удачно отвѣчать и съ нѣсколькими попаданіями. Оба непріятельскихъ броненосца должны были непрерывно мѣнять свое мѣсто и ихъ стрѣльба оказалась мало успѣшной. Въ 10 ч. 45 м., т. е. черезъ часъ, оба корабля, поврежденные нашими снарядами, были отозваны адмираломъ Того.

Послѣ 12 часовъ дня, обладая преимуществомъ въ ходѣ, весь непріятельскій флотъ скрылся на югъ, а наша эскадра повернула къ Портъ-Артуру: вѣдь мы были связаны все тѣмъ же мелкимъ проходомъ и должны были ввести наши броненосцы на внутренній рейдъ со слѣдующей полной водой, чтобы не оставлять ихъ на ночь на внѣшнемъ рейдѣ подъ угрозой минной атаки.

Организація эскадры.

По прибытіи въ Портъ-Артуръ, Адмиралъ Макаровъ издалъ много организаціонныхъ приказовъ и тактическихъ инструкцій по маневрированію по дѣйствію артиллеріей и т. д. Это былъ результатъ его многолѣтняго опыта и двухнедѣльнаго пути изъ Петербурга, когда въ вагонѣ съ чинами своего штаба цѣлым днями онъ вырабатывалъ этотъ руководящій матеріалъ.

Однако, убѣдившись, что немедленная и коренная ломка всѣхъ порядковъ, существовавшихъ на эскадрѣ, можетъ принести большой вредъ и сильно ослабить боеспособность флота, Адмиралъ отказался отъ радикальнаго проведенія въ жизнь своего плана, сталъ исправлять ошибки существующихъ инструкцій, улучшать ихъ и, такимъ образомъ, только постепенно проводить свои идеи.

Подобное принесеніе въ жертву пользѣ дѣла своего личнаго "я", своего самолюбія и сознаніе своего долга, какъ командующаго флотомъ — ярче всего характеризуетъ этого великаго человѣка.

Какъ на примѣръ, могу указать, что, находясь постоянно на мостикѣ своего адмиральскаго корабля "Петропавловскъ", онъ часто, передъ подъемомъ эволюціоннаго или иного сигнала, спрашивалъ даже насъ, младшихъ флагъ-офицеровъ, бывшихъ и раньше въ штабѣ начальника эскадры, какъ то-то и то-то дѣлалось прежде и всегда внимательно выслушивалъ наши отвѣты и принималъ во вниманіе установившіеся порядки.

Этотъ внутренній переворотъ, пережитый Адмираломъ Макаровымъ на нашихъ глазахъ, еще больше привлекъ всѣхъ насъ во флотѣ къ нему.

Прибывъ въ Портъ-Артуръ съ многими чинами, вошедшими въ его новый штабъ, онъ въ то же время оставилъ въ штабѣ многихъ чиновъ прежняго штаба Вице-Адмирала Старка и тѣмъ сохранилъ непрерывность функціонированія штаба по всѣмъ отдѣламъ.

Эволюціи и маневрированіе эскадры.

13 (26) Марта въ 7 часовъ утра вся наша эскадра вышла на рейдъ, занималась эволюціями въ морѣ и въ 12 ч. 30 м. дня вернулась и вошла на внутренній рейдъ. Во время этихъ эволюцій брон. "Пересвѣтъ" слегка столкнулся съ брон. "Севастополемъ". Адмиралъ былъ этимъ сильно возмущенъ и предполагалъ немедленно смѣнить командира "Пересвѣта" и назначить на его мѣсто кап. 2 р. Кроуна, командира кан. л. "Манджуръ", вызваннаго изъ Шанхая, гдѣ въ это время находилась лодка.

Брандеры.

14 (27) Марта ночью японцы сдѣлали вторую попытку заградить входъ въ гавань и на внутренній рейдъ при помощи брандеровъ. Это были четыре коммерческихъ парохода, нагруженныхъ горючими и взрывчатыми веществами, которые будучи посланы съ моря въ проходъ полнымъ ходомъ, должны были затопить себя въ самомъ проходѣ и загорѣться. Команды съ нихъ должны были или совершить "харикири" или спастись на шлюпкахъ, послѣ затопленія пароходовъ и уйти къ поджидавшимъ ихъ въ морѣ японскимъ миноносцамъ.

Однако попытка не удалась благодаря огню съ береговыхъ батарей и канонерскихъ лодокъ, стоявшихъ у входа на внутренній рейдъ, а также атаки, произведенной нашими сторожевыми миноносцами. При этомъ миноносецъ "Сильный" въ бою съ японскими миноносцами, прикрывавшими брандеры получилъ серьезныя поврежденія, но благополучно вернулся. Только одному брандеру удалось частично заградить проходъ, выкинувшись на берегъ подъ Тигровымъ Хвостомъ, остальные пароходы затонули далеко отъ своей цѣли. Послѣ этого прошло болѣе двухъ недѣль, что японцы не появлялись подъ Портъ-Артуромъ.

29 Марта (11 Апрѣля) эскадра выходила въ море для эволюцій въ послѣдній разъ подъ командой Адмирала Макарова, который держалъ свой флагъ на томъ же "Петропавловскѣ". День былъ тихій, солнечный и ясный. Было совсѣмъ тепло. Адмиралъ на этотъ разъ остался очень доволенъ результатами маневрированія. Днемъ эскадра благополучно вернулась на внутренній рейдъ.

Личное отправленіе миноносцевъ на развѣдку.

29-го же Марта была получена телеграмма отъ нашего консула въ Чифу о готовящемся въ ночь на 31 Марта будто бы японскомъ

десантѣ въ Бидзыво, почему Адмиралъ вечеромъ 30-го послалъ для развѣдки миноносцы къ островамъ Эллiотъ.

Адмиралъ самъ пошелъ по стѣнкѣ гавани для отправки миноносцевъ. Вечеръ былъ прохладный. Солнце уже садилось. Адмиралъ приказалъ съ нимъ пойти одному изъ младшихъ флагъ-офицеровъ. Очереднымъ оказался мичманъ Бурачекъ, которому я, будучи дежурнымъ флагъ офицеромъ на палубѣ и мостикѣ "Петропавловска", ошвартовленнаго у стѣнки, немедленно и передалъ приказанiе. Павликъ Бурачекъ (мой товарищъ по выпуску) немедленно выскочилъ на верхъ, не успѣвъ надѣть пальто и побѣжалъ въ догонку Адмиралу, который уже спускался по сходнѣ.

Увидя Павлика въ тужуркѣ Адмиралъ, не оборачиваясь, приказалъ ему вернуться, а мнѣ (я былъ въ пальто) итти съ Адмираломъ, прибавивъ, какъ потомъ разсказывалъ Бурачекъ, что флагъ-офицеры должны слѣдовать своему адмиралу: разъ онъ въ пальто и они должны быть въ пальто и Адмиралъ не желаетъ быть въ отвѣтѣ, если они заболѣютъ. Сокрушенный мичманъ Бурачекъ вернулся, я же побѣжалъ догонять Адмирала.

Здѣсь произошла одна изъ сценъ, которыя были такъ характерны для Адмирала Макарова и которыя уже не разъ повторялись имъ въ теченiе его кратковременнаго командованiя эскадрой.

Исправные миноносцы обоихъ отрядовъ стояли ошвартовившись кормами къ стѣнкѣ. При приближенiи Адмирала команды и офицеры были вызваны наверхъ. Адмиралъ, поздоровавшись, спрашивалъ каждаго командира о состоянiи миноносца, самъ выбралъ нѣсколькихъ миноносцевъ, по четыре изъ каждаго отряда и громко, такъ что всѣ слышали, отдалъ приказанiе каждому въ отдѣльности съ темнотой итти по инструкцiи, полученной командирами заранѣе. При этомъ Адмиралъ добавлялъ, что нашихъ судовъ въ морѣ нѣтъ и надлежитъ атаковать и топить всякое встрѣчное судно, какъ непрiятельское. Заканчивалъ онъ это приказанiе каждому миноносцу своимъ постояннымъ прощанiемъ: "До свиданiя молодцы! Богъ въ помощь!" и размашистымъ большимъ крестомъ благословлялъ команды, которыя восторженно отвѣчали, снявъ фуражки.

Послѣднiе дни Адмирала.

Адмиралъ Макаровъ, въ ожиданiи ночныхъ атакъ со стороны японцевъ, въ послѣднiя двѣ недѣли Марта ежедневно выѣзжалъ въ 10-мъ часу вечера на сторожевой крейсеръ, стоявшiй за бонами и противоминными сѣтями на внѣшнемъ рейдѣ. Возвращался онъ на "Петропавловскъ" съ разсвѣтомъ, часамъ къ шести утра.

Его сопровождали очередные чины его штаба. Онъ проводилъ безсонную ночь на крейсерѣ и по возвращенiи спалъ, не раздѣваясь,

до 8 часовъ. Цѣлый день онъ безъ устали работалъ, иногда отдыхая въ каютѣ часъ или два послѣ полудня во время законнаго "отдыха".

Начальникъ Штаба Контръ-Адмиралъ М. П. Моласъ (мой бывшій командиръ 14 флотскаго экипажа, въ который я вышелъ послѣ производства) и всѣ чины штаба были сильно обезпокоены такой непомѣрной работой Адмирала. Всѣ мы боялись, что онъ долго не выдержитъ и сляжетъ. Но никакіе уговоры не дѣйствовали, и Адмиралъ продолжалъ свой изнурительный трудъ.

Несмотря на это, онъ былъ всегда бодрый и привѣтливый. Выходилъ къ завтраку и обѣду въ адмиральскую столовую на "Петропавловскѣ" въ неизмѣнномъ сюртукѣ (даже во время войны онъ не измѣнилъ своей старой привычкѣ быть всегда корректно одѣтымъ). Привѣтливо здороваясь со своими офицерами и потирая руки (тоже одна изъ его неизмѣнныхъ привычекъ), онъ всегда говорилъ: "Милости прошу, чѣмъ Богъ послалъ" и лично угощалъ всѣхъ, часто даже шутилъ.

Канунъ гибели.

Наступилъ канунъ рокового дня.

30 Марта (12 Апрѣля), во вторникъ на Святой, Адмиралъ какъ всегда въ 10-мъ часу вечера пошелъ на паровомъ катерѣ на сторожевой крейсеръ "Діана", стоявшій на бочкахъ на внѣшнемъ рейдѣ.

Его сопровождали: начальникъ военно-морского отдѣла штаба Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, начальникъ военнаго отдѣла полковникъ Агапѣевъ и три младшихъ флагъ-офицера.

До полуночи я былъ вахтеннымъ флагъ-офицеромъ и моя обязанность была принимать на "Петропавловскѣ" донесенія по телефону со сторожевыхъ постовъ и немедленно же передавать ихъ Адмиралу на "Діану". Уже съ 11 часовъ начали поступать тревожныя сообщенія: то огни на горизонтѣ, то силуэты судовъ, то лучи прожекторовъ. Наконецъ, послышались отдаленные частые выстрѣлы мелкой артиллеріи.

Нѣсколько разъ комендантъ крѣпости генералъ Стессель просилъ по телефону у Адмирала, безъ котораго ничего не дѣлалось въ Портъ-Артурѣ, разрѣшеніе открыть огонь изъ береговыхъ батарей. Конечно, все это я докладывалъ Адмиралу и получалъ каждый разъ категорическое запрещеніе открывать огонь.

Это объясняется тѣмъ, что Адмиралъ выслалъ лично (какъ я уже сообщилъ выше) восемь миноносцевъ по четыре изъ каждаго отря-

---

Примѣчаніе: Въ томъ году Пасха приходилась 28-го Марта (10 Апрѣля). Зная характеръ японцевъ, Адмиралъ особо бдительно ожидалъ ихъ нападенія въ Святую ночь и потому заутреня была отслужена на эскадрѣ въ 10 часовъ вечера.

да въ 7-мъ часу вечера, еще до захода солнца, на развѣдку съ категорическимъ приказаніемъ не возвращаться до разсвѣта. Однако, думая, что по какой либо причинѣ наши миноносцы принуждены были вернуться, Адмиралъ и не разрѣшилъ открыть огонь. Японцы же со своихъ миноносцевъ ставили въ раіонѣ за внѣшнимъ рейдомъ мины загражденія-...

Гибель Адмирала Макарова.

Послѣ 12-ти меня смѣнили съ вахты и я, почти не раздѣваясь, легъ спать. Въ половинѣ шестого утра меня разбудилъ сигнальщикъ, доложивъ что Адмиралъ вернулся, находится на мостикѣ и мы снимаемся, чтобы итти на рейдъ.

По телефону съ Золотой Горы я узналъ, что на рейдъ подходятъ наши миноносцы съ востока, послѣ ночной развѣдки. Между ними и японскими крейсерами на горизонтѣ находится "Баянъ" подъ командой одного изъ самыхъ выдающихся и доблестныхъ нашихъ командировъ капитана 1 ранга Р. Н. Вирена. Крейсеръ своимъ огнемъ прикрываетъ наши миноносцы. Далеко на югъ нашъ миноносецъ (какъ потомъ мы узнали "Страшный") тонетъ, отстрѣливаясь отъ окружившихъ его японскихъ миноносцевъ и легкихъ крейсеровъ. Затѣмъ мнѣ передали, что "Баянъ" подходитъ къ "Страшному". Я приказалъ передать по семафору съ Золотой Горы на "Діану", все еще стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ на бочкахъ подъ парами: "немедленно сняться съ якоря и итти на помощь "Баяну", — о чемъ немедленно же послалъ доложить на мостикъ Адмиралу, отъ котораго получилъ подтвержденіе моего самовольнаго распоряженія.

"Страшный", случайно, въ темную пасмурную ночь, подъ дождемъ отдѣлился отъ своихъ, потерялъ ихъ (вѣдь всѣ суда были безъ огней) и попалъ къ утру между непріятельскими миноносцами, принявъ ихъ за своихъ.

Въ 7-мъ часу крейсера "Аскольдъ" и "Новикъ" были на рейдѣ: "Петропавловскъ" и за нимъ въ кильватеръ "Полтава" уже выходили изъ гавани.

Отошелъ я отъ телефона только когда мы стали отходить отъ стѣнки и телефонные провода пришлось разобщить.

На рейдѣ "Баянъ", вернувшись послѣ гибели "Страшнаго", былъ высланъ сигналомъ впередъ вести флотъ къ мѣсту гибели миноносца. Погода была хмурая. Низкія свинцовыя тучи, рѣзкій холодный вѣтеръ съ дождемъ.

Капитанъ 1 ранга Виренъ всегда хорошо управлялся и "Баянъ", давъ полный ходъ, сталъ насъ быстро и совсѣмъ близко обгонять съ лѣваго борта. Когда онъ поровнялся, Адмиралъ поздоровался съ командой и благодарилъ за молодецкую ночную работу. Командиръ "Ба-

яна" доложилъ, что спасъ пять человѣкъ со "Страшнаго".

На горизонтѣ появились шесть японскихъ броненосныхъ крейсеровъ и открыли частый огонь по "Баяну", ушедшему впередъ. Сигналомъ "Баяну" было приказано вернуться и вступить въ свое мѣсто въ строю. "Баянъ" круто повернулъ и въ бинокль было видно, какъ масса японскихъ снарядовъ ложилась, казалось, прямо въ струю на циркуляціи за кормой крейсера. Говорятъ, на "Баянѣ" насчитали потомъ до тысячи слѣдовъ отъ осколковъ разорвавшихся снарядовъ.

Эскадра открыла огонь, но такъ какъ разстояніе было слишкомъ велико, то и наша и японская стрѣльба была на недолетахъ. На горизонтѣ появилась японская броненосная эскадра изъ восьми кораблей. Адмиралъ приказалъ повернуть къ Портъ-Артуру, т. к. у насъ въ строю были только "Петропавловскъ" и "Полтава" и четыре крейсера. Остальные корабли еще не успѣли выйти. Мы были миляхъ въ 17-ти отъ Артура.

Подойдя къ Артурскому рейду, Адмиралъ повернулъ на востокъ вдоль берега. Къ намъ въ кильватеръ вступили "Побѣда" и "Пересвѣтъ", который при выходѣ приткнулся на порогѣ къ мели и застрялъ до повышенія воды съ приливомъ. "Побѣда" же, несмотря на узкость прохода, удачно проскочила мимо "Пересвѣта".

Мы ожидали "Севастополя", потому Адмиралъ и пошелъ вдоль берега. Однако, усилившійся нордъ прижалъ броненосецъ къ южной стѣнкѣ гавани, у которой онъ стоялъ и портовые буксиры не были въ состояніи его оттянуть. Адмиралъ, узнавъ объ этомъ по семафору съ Золотой Горы, былъ страшно разсерженъ, выбранился и приказалъ поднять сигналъ: "Севастополю" остаться въ гавани". Это былъ послѣдній адмиральскій сигналъ, поднятый на реѣ "Петропавловска" съ которымъ броненосецъ и пошелъ ко дну.

Изъ отрывистыхъ фразъ Адмирала было ясно, что несмотря на неравенство силъ, онъ намѣренъ былъ вступить въ бой съ японцами. У насъ въ строю было четыре броненосца, четыре крейсера и нѣсколько миноносцевъ, а у японцевъ восемь броненосцевъ, шесть броненосныхъ крейсеровъ и четыре легкихъ крейсера при многихъ миноносцахъ.

У всѣхъ на мостикѣ было приподнятое настроеніе.

Я находился по боевому росписанію при адмиральскомъ вахтенномъ журналѣ въ адмиральской рубкѣ и успѣлъ только записать: "Въ 9 ч. 43 м. — сигналъ: "...... Вдругъ послышался глухой сильный ударъ и рѣзкій толчекъ, отъ котораго сорвало фуражки у Капитана 2-го ранга Кроуна, бывшаго въ рубкѣ и только наканунѣ прибывшаго съ большими трудностями изъ Шанхая, у сигнальщика и у меня. Все, что было въ рубкѣ, въ одно мгновеніе превратилось въ груду обломковъ.

Мы съ трудомъ высвободились и бросились сначала на правое

крыло мостика, но "Петропавловскъ" быстро и сильно кренился на правый бортъ и мы перебрались на лѣвое крыло, гдѣ обломками, падавшими сверху послѣ взрывовъ, былъ убитъ Кап. 2 р. Кроунъ.

Послѣднiй разъ увидѣлъ я Адмирала на правомъ крылѣ. Онъ сбросилъ пальто, прошелъ впередъ въ море пламени, дыма и продолжавшихся взрывовъ и, конечно, былъ убитъ или утонулъ съ кораблемъ.

Вся катастрофа продолжалась 1¾ минуты. Погибли Макаровъ, 30 офицеровъ и 624 матроса; спасены: Вел. Кн. Кириллъ Владимiровичъ, 6 офицеровъ и 83 матроса.

"Петропавловскъ" наскочилъ на японскiя мины, а наши собственныя мины загражденiя, мины Уайтхеда и снаряды въ погребахъ корабля детонировали. Потомъ стали взрываться паровые котлы. Вся носовая часть броненосца была какъ бы оторвана или разворочена. О спасенiи корабля нельзя было и думать.

Вышли мы утромъ по протраленному фарватеру. Этимъ же путемъ и вернулись; и только въ ожиданiи "Севастополя", къ несчастью, повернули вдоль берега на востокъ, гдѣ поставленныя ночью японскiя мины еще не были протралены.

Гибель произошла всего въ 3-4 миляхъ отъ берега, почти подъ самой Золотой Горой.

Итоги командованiя Адмирала Макарова.

За время 35-ти дневнаго командованiя эскадрой въ Портъ-Артурѣ Адмираломъ С. О. Макаровымъ было шесть выходовъ эскадры въ море въ полномъ составѣ, по сравненiю съ однимъ разомъ въ военное время при в.-адм. Старкѣ (бой 27 Января) и два раза при к. адмиралѣ Витгефтѣ (10 Iюня и 28 Iюля; была организована перекидная стрѣльба, миноносцы постоянно высылались на развѣдку, нѣсколько разъ отражены брандеры, было организовано траленiе, поставлены по строго обдуманному плану минныя загражденiя, на которыхъ подорванъ одинъ японскiй броненосецъ, наконецъ, вся оборопа Портъ-Артура была поставлена на большую высоту.

Заключенiе.

Всѣмъ извѣстны результаты этого ужаснаго дня. Всѣмъ извѣстно, какъ была потрясена Россiя, какъ отзвуки этого несчастья всколыхнули весь мiръ и друзей и недруговъ!

Сорокъ лѣтъ назадъ сошелъ въ безвременную могилу великiй русскiй человѣкъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Даже и у насъ въ нашей исторiи, такъ богатой героями духа, героями мощи, героями ума, немного было людей равныхъ Макарову. Съ его гибелью сошла въ могилу цѣлая эпоха. Его гибель была мрачнымъ и зловѣщимъ признакомъ, какъ печальнаго конца японской войны, такъ и тѣхъ страшныхъ

страницъ дальнѣйшей судьбы нашей Родины, которыя вотъ уже сорокъ лѣтъ не закрываются.

Но вѣдь духъ безсмертенъ. Вѣдь этотъ чистый великій русскій идеалъ, такъ ярко воплощенный въ Степанѣ Осиповичѣ, не умеръ. Да будетъ онъ лучемъ благодатнаго свѣта, который укрѣпитъ нашу горячую вѣру въ спасеніе нашей Родины и приведетъ къ воскресенію Россіи послѣ мрака и ужаса нависшаго надъ ней уже столько десятилѣтій.

В. П. ШМИТТЪ.

БОРИСЪ ДУДОРОВЪ.

КРѢПОСТЬ И ЛЮДИ.

(Къ 40-лѣтію Портъ-Артурской эпопеи).

Нѣтъ крѣпости, которой нельзя было бы взять. Эта истина доказана всей военной исторіей.

Но отсюда еще очень далеко до печальной памяти вывода, сдѣланнаго было нѣкоторыми стратегами сразу послѣ Русско-Японской войны: — время крѣпостей прошло; на смѣну идеи сильныхъ оборонительныхъ пунктовъ выдвинулась идея маневрирующихъ армій опирающихся исключительно на полевую фортификацію.

Еще менѣе оправдала себя и крайняя реакція противъ послѣдней, наступившая послѣ Великой Войны: — непрерывная стѣна желѣзо-бетона, долженствовавшая сдѣлать непроницаемой всю границу государства.

Крѣпость слабая, неоконченная постройкой, ни въ какой степени не отвѣчавшая даже первой своей задачѣ, служить снабжающей и ремонтной базой для активной силы — флота — Портъ Артуръ оказала долгое и дорого стоившее врагу сопротивленіе.

Почти сорокъ лѣтъ спустя другая, величайшая крѣпость и богато оборудованная морская база, на которую были затрачены огромныя средства, и въ которой примѣнены были всѣ новѣйшія техническія средства — Сингапуръ падаетъ въ руки тѣхъ же самыхъ

японцевъ съ непостижимой быстротой.

И непроницаемая на взглядъ линія Мажино, и подобная ей линія обороны въ Тунисѣ также оказались хрупкими стеклянными стѣнами не выдержавшими одного мощнаго удара.

Какъ ни соблазнительно объяснять эти послѣдніе факты только развитіемъ техники наступательнаго оружія— подвижной крупной артиллеріи, танковъ, авіаціи и т. п., приходится признать такое объясненіе по меньшей мѣрѣ неточнымъ, если и не вполнѣ несостоятельнымъ. Вѣдь параллельно съ развитіемъ техники оборонительной развивалась и техника обороны, включившая въ себя не въ меньшей, если не въ большей степени тѣ же самые элементы.

И прослѣдивъ исторію осады и обороны крѣпостей, начиная съ міра древнихъ до послѣднихъ дней, нельзя не придти къ выводу, что хотя, дѣйствительно, не было ни одной крѣпости, которой, въ концѣ концовъ нельзя было бы взять, все же роль взятыхъ крѣпостей въ общей стратегической цѣнности была чрезвычайно различна. Однѣ дѣлались лишь ловушкой для ихъ весьма значительнаго гарнизона (Седанъ въ 1870 г.), тогда какъ другія, даже съ малой живой силой, отвлекали на себя на долгій срокъ крупныя осадныя арміи, тѣмъ самымъ ослабляя наступательныя подвижныя силы противника (Плевна — 1877 г.) и даже нерѣдко совершенно ихъ парализуя и сосредотачивая на себѣ всю силу его удара (Севастополь 1855-56 г.г.).

Объясненіе этому, казалось бы странному, явленію было, однако, дано еще въ глубокой древности въ видѣ краткой сентенціи: “лучше имѣть каменныхъ людей за деревянными стѣнами, чѣмъ деревянныхъ людей за каменными стѣнами.” Этотъ афоризмъ выражаетъ всю сущность вопроса. **Сила обороны крѣпости заключается не столько въ ея техническомъ оборудованіи, значеніе котораго отрицать, конечно, невозможно, сколько въ духѣ сопротивляемости ея живой силы — гарнизона.**

Ни бетонъ и сталь, ни крупнѣйшая артиллерія, ни наилучшая воздушная оборона не могутъ замѣнить главнаго элемента всякой борьбы — людей.

Но понятіе “люди”, въ вооруженной силѣ ярко раздѣляется на двѣ категоріи: индивидуальныя единицы и массу. Въ первую категорію надо включить весь командный персоналъ: въ крѣпости — отъ ея коменданта до командующаго батареей или взводомъ пѣхоты офицера, — во вторую — весь рядовой составъ.

Первая категорія управляется сознательной идеей традицій, чести, долга; масса управляется этой первой категоріей на основахъ довѣрія къ своимъ начальникамъ и дисциплины.

И вотъ, вспоминая сорокъ лѣтъ спустя Портъ-Артурскую эпопею, съ чувствомъ глубокой національной гордости приходишь къ за-

ключенію, что обѣ эти категоріи какъ въ Россійскомъ Флотѣ, такъ и въ Россійской Арміи были на необычайно высокомъ уровнѣ.

Управляясь идеей вѣрности Престолу и Отечеству, сознаніемъ своей отвѣтственности передъ Россіей, сознавая необходимость сохранить Первую Тихоокеанскую Эскадру до подхода Второй, желая отвлечь на себя какъ можно больше силъ врага на возможно дольшее время — командный составъ до послѣдней крайности не допускалъ мысли о сдачѣ. Руководясь его личнымъ примѣромъ рядовой составъ, быстро рѣдѣющій въ отраженіи непрестанныхъ яростныхъ штурмовъ, подверженный непрерывнымъ артиллерійскимъ бомбардировкамъ, скашиваемый цынгою до такой степени, что многихъ бойцовъ приходилось переносить въ окопы на рукахъ, мужественно переносилъ всѣ невзгоды и лишенія, съ полнымъ довѣріемъ подчиняясь своимъ офицерамъ и строго соблюдая въ отношеніяхъ даже всѣ внѣшнія формы дисциплины, порою такъ легко падающія въ тяжелой обстановкѣ совмѣстнаго непрерывнаго, безсмѣннаго сидѣнія въ окопахъ.

Имѣя фактически всего одну линію постоянныхъ укрѣпленій (не включавшую въ себя даже такихъ доминирующихъ пунктовъ, какъ, наприм., Высокая Гора), слабую снабженіемъ и живой силой, потребовавшей своего усиленія артиллеріей и командами кораблей, крѣпость Портъ Артуръ въ теченіи девяти-мѣсячной тѣсной осады и блокады съ моря, удерживала противъ себя цѣлую Японскую армію, давала возможность нашимъ миннымъ силамъ наносить чувствительныя потери Японскому флоту, и сама нанесла врагу потери въ два съ половиной раза превосходящія всѣ силы своего гарнизона, включая команды судовъ.

А когда Портъ-Артуръ наконецъ палъ подъ грохотъ взрывовъ и зарево пожаровъ, уничтожавшихъ все еще не разрушенное японскимъ огнемъ, онъ послалъ на миноносцѣ на Родину свои незапятнанныя знамена и Андреевскіе флаги кораблей въ завѣтъ своимъ потомкамъ.

И врагъ оцѣнилъ доблесть каменныхъ людей, оборонявшихъ поистинѣ деревянныя стѣны, воздавъ почесть командному составу сохраненіемъ при себѣ оружія и всему гарнизону, сложившему его лишь послѣ почетнаго выхода изъ этихъ разрушенныхъ стѣнъ.

Б. ДУДОРОВЪ.

8 Ноября 1943 г.
Пало-Альто, Калифорнія.

ОСАДА ЯПОНЦАМИ ПОРТЪ-АРТУРА ВЪ 1904-мъ ГОДУ

Вспыхнувшая война застала крѣпость въ плачевномъ состояніи. Приморскій фронтъ былъ почти законченъ, но на сухопутномъ фронтѣ, изъ предполагавшихся къ постройкѣ шести фортовъ, былъ законченъ лишь фортъ номеръ 4-ый. Форты № 1-ый, № 2-ой и № 3-й были закончены вчернѣ; только, что былъ начатъ постройкой фортъ № 5, а фортъ № 6-ой и вовсе не начинался.

Въ гарнизонѣ Портъ-Артура находилось 9 стрѣлковыхъ полковъ (3-хъ баталіоннаго состава), 3 запасныхъ баталіона, 10 полевыхъ батарей, крѣпостная артиллерія, саперный баталіонъ и сотня казаковъ. Всего, считая моряковъ и дружинниковъ около 50 тысячъ человѣкъ.

Начальникомъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона былъ назначенъ ген. лейт. Стессель, а комендантомъ крѣпости ген. лейт. Смирновъ. Этимъ создавалось въ Портъ Артурѣ двоевластіе вредно отозвавшееся на дѣлѣ обороны крѣпости.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ военныхъ дѣйствій: (отъ начала войны 27-го Января до высадки японцевъ на Ляодунъ 22 апрѣля) заключалъ: внезапную атаку японскаго флота на Портъ Артурскую эскадру, бомбардировки П. Артура съ моря и попытки японцевъ заградить коммерческими пароходами, нагруженными камнями, проходъ изъ П. Артурской гавани, гдѣ находились суда нашей эскадры.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ: отъ высадки японцевъ на Ляодунъ 22-го Апрѣля до тѣснаго обложенія крѣпости 17-го Іюля.

Японцы высадили 3 дивизіи у Бицзыво и, захвативъ желѣзную дорогу на участкѣ между станціями Вафандянъ-Пуланьдянъ, прервали связь крѣпости съ Манчжурскою арміей.

13-го Мая японцы атаковали Цзиньчжоускій укрѣпленный перешеекъ (около 3-хъ верстъ шириною), обороняемый 5-мъ В. С. стр. полкомъ (одиннадцать ротъ. Одна рота была на охранѣ Россійскаго Императорскаго Посольства въ Пекинѣ).

Въ теченіи дня 13-го Мая, 5-ый полкъ отбивалъ атаки японцевъ. Къ вечеру, подъ вліяніемъ флангового огня японскихъ канонерокъ, 5-ый полкъ, потерявъ половину своего состава, принужденъ былъ отойти. Для противодѣйствія дальнѣйшему наступленію японцевъ къ Портъ Артуру войска наши заняли, такъ называемую, передовую горную позицію, которая, послѣ боевъ 13-го и 14-го Іюля, вслѣдствіи прорыва японцевъ на правомъ флангѣ, была 15-го Іюля нами очищена. Наши войска въ полномъ порядкѣ отошли на Волчьи горы, которыя въ бою 17-го Іюля были заняты японцами.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ: отъ начала тѣснаго обложенія крѣпости 17-го Іюля до сдачи крѣпости 20-го Декабря.

Занявъ Волчьи горы японцы тотчасъ-же приступили къ возведенію осадныхъ батарей. Утромъ 25-го Іюля, когда на городской площади служили молебствіе, началась бомбардировка города, укрѣпленій и гавани, съ этого дня уже не прекращавшаяся до конца осады.

Къ 3-му Августа японцы овладѣли на правомъ флангѣ крѣпости командующими высотами Дагушань и Сяогушань, а на лѣвомъ флангѣ предгоріями Угловой горы.

Японцы не сомнѣвались въ успѣхѣ штурма открытой силой. Ген. Ноги объявилъ иностраннымъ корреспондентамъ, что въ ближайшіе дни они будутъ свидѣтелями паденія крѣпости и приглашалъ ихъ на это зрѣлище. Съ утра 6-го августа японская артиллерія открыла сильнѣйшій огонь по всему фронту крѣпости. Послѣ двухдневной артиллерійской подготовки штурма, японская пѣхота перешла въ наступленіе, ведя главный ударъ на Восточный фронтъ. Къ утру 11-го августа штурмъ былъ отбитъ, однако, въ рукахъ японцевъ остались редуты № 1-ый и № 2-й на Восточномъ фронтѣ и Угловая гора на Западномъ фронтѣ.

Постепенная атака Портъ-Артура. Сентябрьскій приступъ.

Потерпѣвъ неудачу при попыткѣ овладѣть крѣпостью открытой силой, японцамъ пришлось обратиться къ постепенной атакѣ, т. е. приближаться къ фортамъ и укрѣпленіямъ при помощи траншей и окоповъ.

6-го сентября японцы атаковали Высокую гору на Западномъ фронтѣ и Кумирненскіе и Водопроводный редуты на Сѣверномъ фронтѣ. Редуты японцы заняли, но ихъ атаки на Высокую гору были отбиты.

Съ 18-го Сентября японцы начали бомбардировать Портъ-Артуръ одиннадцати-дюймовыми бомбами, которыя легко разрушали всѣ закрытія и даже бетонные казематы, своды коихъ были разсчитаны на сопротивленіе лишь 6-ти дюймовымъ снарядамъ.

Октябрьскій штурмъ Восточнаго фронта.

17-го Октября японцы вновь предприняли штурмъ Восточнаго фронта на участкѣ отъ батареи литера Б — до укрѣпленія № 3. Штурмъ былъ отбитъ, но японцы удержались на гласисахъ атакованныхъ фортовъ.

Ноябрьскій штурмъ Восточнаго фронта.

Къ 13-му Ноября японцы уже были полными хозяевами во рвахъ фортовъ № 2 и № 3 и укрѣпленія № 3. Къ промежуткамъ между этими фортами японцы подошли своими окопами на 60 шаговъ къ Ки-

тайской стѣнкѣ и на 45 шаговъ къ батареѣ литера Б и къ Куропаткинскому люнету. Съ утра 13-го Ноября японская осадная артиллерія открыла адскій огонь и ровно въ 12 часовъ дня японская пѣхота бросилась на штурмъ названныхъ укрѣпленій Восточнаго фронта. Всѣ неоднократныя атаки японцевъ къ вечеру были отбиты. Ночная японская атака Курганной батареи 13-го Ноября также была отбита.

Ноябрьскіе бои за Высокую гору. *)

Въ третій разъ потерпѣвъ неудачу на Восточномъ фронтѣ, японцы вновь направили свои усилія противъ Высокой горы на Западномъ фронтѣ. Въ теченіи 9-ти дней съ 14-го по 22-ое Ноября, японцы вели яростныя атаки на Высокую гору, на которой имѣлись лишь окопы и укрѣпленія полевого типа, и непрерывно долбили ее снарядами всѣхъ калибровъ. Однихъ 11 дюймовыхъ бомбъ они выпустили, за это время, болѣе 4-хъ тысячъ. За истощеніемъ нашихъ пѣхотныхъ и морскихъ резервовъ, для обороны Высокой горы были использованы нестроевыя и даже госпитальныя команды. Вечеромъ 22-го Ноября Высокая гора была взята японцами. Съ утратой Высокой горы положеніе крѣпости становилось крайне тяжелымъ. У начальника сухопутной обороны крѣпости ген. Кондратенко вырвались слова: "это начало конца".

Гибель эскадры.

На другой день 23-го Ноября, японцы, соорудивъ на Высокой горѣ наблюдательный пунктъ, приступили къ разстрѣливанію нашей эскадры стоявшей въ гавани. Черезъ пять дней всѣ суда П. Артурской эскадры были затоплены 11-ти дюймовыми бомбами.

Смерть генерала Кондратенако.

Вечеромъ 2-го Декабря японской 11-ти дюймовой бомбой пробившей бетонъ и разорвавшейся въ казематѣ форта № 2 былъ убитъ ген. Кондратенко.

Взрывы японцами фортовъ № 2 и № 3 и укрѣпленія № 3.

Японцы, взорвавъ подъ брустверами свои минныя галлереи: 5-го Декабря подъ фортомъ № 2, 15-го Декабря подъ фортомъ № 3 и 18-го Декабря подъ укрѣпленіемъ № 3, овладѣли этими фортами и укрѣпленіемъ. Такимъ образомъ, послѣ пятимѣсячной упорной борьбы, японцы, занявъ форты № 2 и № 3 и укрѣпленіе № 3, прорвали первую линію обороны на Восточномъ фронтѣ.

---

*) Примѣчаніе: Высота 201 метръ.

Потеря Большого Орлинаго Гнѣзда.

19-го Декабря японцы атаковали вторую оборонительную линію Восточнаго фронта: отъ Курганной батери — до Большого Орлинаго Гнѣзда, на которой въ окопахъ мелкой профили находилась лишь жидкая цѣпь стрѣлковъ *), и послѣ ряда ожесточенныхъ атакъ заняли высоту Большое Орлиное Гнѣздо — тактическій ключъ позиціи.

Капитуляція Портъ-Артура.

При такихъ условіяхъ ген. Стессель пришелъ къ заключенію, что дальнѣйшее сопротивленіе крѣпости невозможно и выслалъ парламентера къ ген. Ноги. 20-го Декабря была подписана капитуляція П. Артура и ген. Стессель отправилъ Государю Императору телеграмму: "Великій Государь прости насъ. Мы сдѣлали все, что было въ силахъ человѣческихъ. Суди насъ, но суди милостиво. Одиннадцать мѣсяцевъ непрерывной борьбы истощили наши силы". **)

Въ признаніе высокой доблести проявленной при защитѣ крѣпости П. Артурскими войсками, Японскій Императоръ предоставилъ ген. Стесселею и всѣмъ сухопутнымъ и морскимъ офицерскимъ чинамъ гарнизона сохранить ихъ сабли.

Заключеніе.

Насильственная смерть П. Артура не надолго предупредила естественное паденіе крѣпости. Японцы дорогою цѣною купили свой успѣхъ подъ П. Артуромъ: за время осады они потеряли убитыми и ранеными до 110 тысячъ человѣкъ. У насъ убито и умерло отъ ранъ и болѣзней при оборонѣ крѣпости 17 тысячъ, т. е. одна третья часть всего гарнизона. Наши потери ранеными доходили до 100%. Если и были въ гарнизонѣ еще нераненые, то зато другіе были ранены по нѣсколько разъ.

Портъ-Артуръ оборонялся значительно дольше, чѣмъ можно было разсчитывать при его незаконченности, слабомъ вооруженіи и снабженіи. Россія всегда будетъ въ правѣ гордиться подвигами многострадальнаго Портъ-Артурскаго гарнизона, каковому Высочайше было повелѣно службу считать, какъ и при оборонѣ Севастополя, по разсчету: одинъ мѣсяцъ — за одинъ годъ.

---

*) **Примѣчаніе:** Численность пѣхотнаго гарнизона, включая моряковъ, не превышала къ концу осады 14 тысячъ, что на 20-ти верстную линію обороны было недостаточно. На 19-ое Декабря въ госпиталяхъ состояло около 18-ти тысячъ раненыхъ и больныхъ.

) **Примѣчаніе: Ген. Стессель Верховно-Уголовнымъ Судомъ былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, что по Высочайшему повелѣнію было замѣнено десятилѣтнимъ заключеніемъ въ Петропавловскую крѣпость, откуда ген. Стессель по болѣзни, незадолго до своей смерти, былъ освобожденъ. «Единственная вина ген. Стесселя только въ томъ», сказалъ его защитникъ въ Верховно-Уголовномъ Судѣ, «что онъ не далъ картины подъ занавѣсъ».

По случаю паденія Портъ-Артура Государь Императоръ Обратился къ Арміи и Флоту со слѣдующими словами:

ПРИКАЗЪ ПО АРМІИ И ФЛОТУ.

Портъ-Артуръ перешелъ въ руки врага. Одиннадцать мѣсяцевъ длилась борьба за его защиту. Болѣе семи мѣсяцевъ доблестный его гарнизонъ былъ отрѣзанъ отъ внѣшняго міра. Безъ твердой надежды на помощь, безропотно перенося всѣ лишенія осады, испытывая нравственныя муки по мѣрѣ развитія успѣховъ противника, не щадя жизни и крови, сдерживала горсть русскихъ людей яростныя атаки врага.

Съ гордымъ чувствомъ слѣдила за ихъ подвигами Россія, весь міръ преклонялся предъ ихъ доблестью. Но съ каждымъ днемъ ряды ихъ рѣдѣли, средства борьбы истощались и подъ натискомъ все новыхъ и новыхъ вражескихъ силъ, совершивъ до конца великій подвигъ, они должны были уступить.

Миръ праху и вѣчная память вамъ, незабвенные русскіе люди, погибшіе при защитѣ Портъ-Артура. Вдали отъ родины вы легли костьми за Государево дѣло, исполненные благоговѣйнаго чувства любви къ Царю и Родинѣ. Миръ вашему праху и вѣчная о васъ память въ нашихъ сердцахъ.

Слава живымъ! Да исцѣлитъ Господь ваши раны и немощи да даруетъ вамъ силы и долготерпѣніе перенесть новое тяжкое постигшее васъ испытаніе.

Доблестныя войска Мои и моряки! Да не смущаетъ васъ постигшее горе. Врагъ нашъ смѣлъ и силенъ, безпримѣрно трудна борьба съ нимъ вдали, за десятки тысячъ верстъ отъ источниковъ нашей силы, но Россія могуча. Въ тысячелѣтней ея жизни были годины еще большихъ испытаній, болѣе грозной опасности, и каждый разъ она выходила изъ борьбы съ новою силою, съ новою мощью.

Сокрушаясь и болѣя душой о нашихъ неудачахъ и тяжелыхъ потеряхъ, не будемъ смущаться. Въ нихъ русская мощь обновляется, въ нихъ русская сила крѣпнетъ, растетъ.

Со всей Россіею вѣрю, что настанетъ часъ нашей побѣды и что Господь благословитъ дорогіе мнѣ войска и флотъ дружнымъ натискомъ сломить врага и поддержать честь и славу нашей Родины.

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ,
1-го Января 1905 года.

А. М. Юзефовичъ.

ОБОРОНА ПОРТЪ-АРТУРА.

Воспоминанія участника.

Отъѣздъ на войну.

Находясь въ 28-ми дневномъ отпуску, съ сохраненіемъ содержанія, съ 18-го декабря 1903 года по 15-ое января 1904 года, я навѣстилъ моихъ родственниковъ въ Санктъ-Петербургѣ и имѣлъ тамъ, какъ говорятъ въ Америкѣ, "good time". По домашнимъ обстоятельствамъ мнѣ было разрѣшено моимъ начальствомъ продлить отпускъ еще на двѣ недѣли. 27-го января около 4-хъ часовъ дня я взялъ извозчика на Невскомъ проспектѣ, чтобы ѣхать на Выборгскую сторону, гдѣ я остановился въ семьѣ моего двоюроднаго брата артиллеріи капитана Каратѣева. Извозчикъ повезъ меня по льду черезъ Неву. Навстрѣчу начали попадаться извозчики, ѣдущіе въ противоположномъ направленіи. Въ саняхъ сидѣли офицеры въ парадной формѣ. Я спросилъ моего извозчика не знаетъ ли онъ причины сего явленія. Извозчикъ обернулся и въ свою очередь спросилъ меня: "Развѣ не читали газету? Вчера ночью японскій флотъ произвелъ внезапное нападеніе на нашу Портъ-Артурскую эскадру. Въ пять часовъ въ Зимнемъ дворцѣ будетъ отслужено молебствіе и будетъ объявленіе войны противъ Японіи. Государь Императоръ повелѣлъ офицерамъ Петербургскаго гарнизона явиться въ Зимній дворецъ". "Вези скорѣй и жди меня у подъѣзда", приказалъ я извозчику.

Переодѣвшись въ парадную форму — мундиръ съ эполетами съ тремя буквами "ДУБ" (Дубненская крѣпостная артиллерійская рота) я успѣлъ во время пріѣхать въ Зимній дворецъ и быть тамъ очевидцемъ Высочайшаго выхода. На слѣдующее утро я отправился на Литейный проспектъ въ Главное Артиллерійское Управленіе, проситься на войну. Въ управленіи никто не обращалъ вниманія на юнаго подпоручика, желающаго немедленно ѣхать на театръ военныхъ дѣйствій. Однако, я былъ допущенъ въ кабинетъ начальника личнаго состава. На мою просьбу о переводѣ въ Дѣйствующую Армію, полковникъ Миловзоровъ сказалъ мнѣ строго: "подпоручикъ, Вы не знаете правилъ, если Вы хотите быть переведеннымъ, Вы должны подать рапортъ по начальству на мѣстѣ Вашего служенія".

Въ этотъ же день, т. е. 28-го января я со скорымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Петербурга къ мѣсту моего штатнаго служенія — фортъ у города Дубно, Волынской губерніи, въ 30-ти верстахъ отъ Австрійской границы. Уже въ вагонѣ я заготовилъ обстоятельный рапортъ, каковой по пріѣздѣ на Дубненскій фортъ представилъ коменданту форта артиллеріи полковнику Козьякову. "Что Васъ толкаетъ ѣхать на

Дальній Востокъ?" Я почтительно доложилъ, что имѣю горячее желаніе послужить Царю и Отечеству и просилъ коменданта переслать мой рапортъ возможно скорѣе въ Петербургъ, гдѣ, я добавилъ, подготовилъ почву для моего перевода въ Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи. "Вы не знаете правилъ, подпоручикъ, Вашъ рапортъ будетъ мною препровожденъ въ Штабъ Кіевскаго Военнаго Округа". Прошло нѣсколько томительныхъ для меня дней. Мнѣ казалось, что вспыхнувшая война можетъ скоро окончиться и я не успѣю побывать въ сраженіяхъ. Однажды вечеромъ раздался стукъ въ дверь моей комнаты. "Кто тамъ, войди". Передо мной предсталъ писарь и протянулъ мнѣ конвертъ съ красной сургучной печатью. Вскрываю и нахожу въ немъ мой рапортъ съ резолюціей коменданта: "на переводъ подпоручика Юзефовича въ Дѣйствующую Армію не согласенъ. Полковникъ Козьяковъ". Я спросилъ комендантскаго адъютанта капитана Зброжекъ: "Что это означаетъ? Комендантъ обѣщалъ мой рапортъ переслать въ Кіевъ, а теперь рапортъ мнѣ возвращенъ". "Комендантъ считаетъ Васъ несерьезнымъ офицеромъ. Если бы переводъ состоялся, то Вы откажетесь ѣхать". Прошло больше мѣсяца. Что дѣлать? Какъ попасть на войну? Взялъ книги Свода Военныхъ Постановленій, 1869 г. и нашелъ, что заболѣвшій офицеръ для поправленія здоровья можетъ получить 4-хъ мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Я подалъ соотвѣтствующій рапортъ коменданту форту, прося о назначеніи врачебной комиссіи для освидѣтельствованія моего здоровья на предметъ увольненія въ 4-хъ мѣсячный отпускъ во всѣ города Россійской Имперіи. Полковникъ Козьяковъ вскипѣлъ: "Что такое? То хотѣли ѣхать воевать, а теперь больны". "Такъ точно, господинъ полковникъ, я нездоровъ". Во врачебной комиссіи, въ гор. Дубно, подъ предсѣдательствомъ командира мѣстнаго пѣхотнаго полка и двухъ военныхъ врачей, я пожаловался на боль въ груди. Врачи выстукали меня и спросили, что я хочу."Четырехмѣсячный отпускъ по болѣзни". Врачебная Комиссія дала мнѣ разрѣшеніе. На другой день, передъ отъѣздомъ на вокзалъ, я зашелъ къ старшему офицеру роты поручику Потопольскому попрощаться и сознался ему, что ѣду на войну. Онъ обѣщалъ держать это въ секретѣ и пожелалъ мнѣ получить орденъ Святыя Анны четвертой степени "за храбрость". Въ этотъ моментъ я вспомнилъ, что мой дѣдъ имѣлъ, и что мой отецъ имѣетъ саблю съ надписью "за храбрость".

Въ дорогѣ.

Проѣздомъ я сдѣлалъ остановку въ гор. Балашовѣ, Саратовской губерніи, гдѣ мой отецъ былъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ. "Пріѣхалъ домой провести Пасху?" — спросилъ мой отецъ. "Нѣтъ я ѣду на Дальній Востокъ". "Я тоже подалъ рапортъ и ожи-

даю назначенія", сказалъ отецъ и продолжалъ: "деньги тебѣ нужны?" "Да, двѣсти рублей полагаю хватитъ на дорогу". "Когда выѣзжаешь?" "Сегодня вечеромъ" отвѣтилъ я. "Пойдемъ въ церковь отслужить напутственное молебствіе", посовѣтовалъ мой отецъ.

Съ Урала, офицеры находящіеся со мной въ вагонѣ, послали телеграмму, къ которой я присоединилъ мою подпись: "Переваливъ черезъ Уралъ шлемъ нашимъ роднымъ и знакомымъ лучшія пожеланія". Подобныя телеграммы ежедневно появлялись въ газетѣ "Новое Время" и впослѣдствіи выяснилось, что японскій военный агентъ въ Стокгольмѣ, подсчитывалъ число офицеровъ проѣхавшихъ черезъ Уралъ и дѣлалъ выводы о количествѣ нашихъ войскъ отправленныхъ на Дальній Востокъ. Въ Челябинскѣ я узналъ, что пассажирскіе поѣзда дальше не идутъ. Пропускаются лишь воинскіе эшелоны и, что только разъ въ недѣлю идетъ почтовый поѣздъ на Иркутскъ. Не долго думая, я направился къ коменданту станціи, представительному кавалерійскому ротмистру и попросилъ его отправить меня съ почтовымъ поѣздомъ, такъ какъ я, якобы, отсталъ отъ моего эшелона. Комендантъ, не провѣривъ моего заявленія, любезно предоставилъ мнѣ отдѣльное купэ 1-го класса въ почтовомъ поѣздѣ, т. е. далъ мнѣ возможность черезъ семь дней быть въ Иркутскѣ. Воинскіе поѣзда шли гораздо дольше. Въ 1904 году Круго-Байкальская желѣзная дорога еще не была закончена и воинскіе эшелоны и грузы пересѣкали Байкальское озеро зимой по льду, а лѣтомъ на судахъ. Я прибылъ къ Байкалу 2-го апрѣля и пристроился къ батареѣ 8-го В. С. Стрѣлковаго Артиллерійскаго Дивизіона, слѣдующей во Владивостокъ. Мнѣ дали верховую лошадь и я благополучно переѣхалъ Байкальское озеро шириною около 50-ти верстъ. Сильно таяло, ледъ трещалъ и мнѣ кажется, что этотъ эшелонъ былъ послѣднимъ допущеннымъ къ переправѣ. Черезъ восемь дней путешествія въ воинскомъ поѣздѣ съ упомянутой батареей я пріѣхалъ въ Харбинъ, гдѣ мнѣ тотчасъ же удалось сѣсть на отходящій воинскій поѣздъ въ Мукденъ. Изъ Мукдена въ Ляоянъ я проѣхалъ на площадкѣ товарнаго поѣзда. Въ Ляоянъ я прибылъ 13-го апрѣля и первымъ дѣломъ пошелъ въ этапную баню. Вымывшись и переодѣвшись, отправился въ штабъ Командующаго Манчжурской Арміи. Личный адъютантъ генерала Куропаткина, полковникъ Кноррингъ пригласилъ меня на завтракъ въ штабной вагонъ-столовую и указалъ мнѣ, что о прикомандированіи на время военныхъ дѣйствій мнѣ надлежитъ обратиться въ Управленіе Инспектора Артиллеріи Манчжурской Арміи. Тамъ, исполняющій должность штабъ-офицера для порученій, штабсъ-капитанъ Новогонскій спросилъ меня не желаю ли я назначенія въ Портъ-Артуръ, гдѣ есть одна вакансія младшаго офицера въ 3-ей батареѣ 7-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго Артиллерійскаго Дивизіона. Я отвѣтилъ: "это то о чемъ я мечталъ — участвовать въ бояхъ на сушѣ и

видѣть морскіе бои".

Въ Портъ-Артурѣ. Первыя боевыя впечатлѣнія.

Въ П. Артуръ я пріѣхалъ 15-го апрѣля, т. е. за нѣсколько дней до перерыва желѣзнодорожнаго сообщенія съ крѣпостью. Явился командиру дивизіона полковнику Мехмандарову и батарейному командиру подполковнику Чхейдзе. Старшимъ офицеромъ въ 3-ей батареѣ былъ капитанъ Скрыдловъ. Увидя на его груди орденъ Св. Владиміра 4-ой степени съ мечами и бантомъ, полученный имъ за Китайскій походъ, я наивно сказалъ: "Вы капитанъ вѣроятно рады, что опять участвуете въ войнѣ". Капитанъ Скрыдловъ, удивленно посмотрѣвъ на меня, отвѣтилъ: "кто разъ былъ второй разъ не захочетъ". Въ батареѣ, расположенной въ Старомъ городѣ въ казармахъ, недалеко отъ своднаго госпиталя подъ горой Перепелиной, я провелъ лишь нѣсколько дней, неся службу по обученію людей верховой ѣздѣ и дѣйствіямъ при орудіяхъ.

Было получено распоряженіе отправить два орудія подъ командой офицера на недѣльное дежурство въ Большой Голубиной бухтѣ. Подполковникъ Чхейдзе вызвалъ офицеровъ батареи. Взглянулъ на меня и отдалъ приказаніе: "вотъ подпоручикъ Юзефовичъ за тѣмъ и пріѣхалъ. Отправляйтесь немедленно". Въ Большой Голубиной бухтѣ я поставилъ орудія въ заранѣе приготовленные на берегу окопы, а самъ помѣстился въ ближайшей фанзѣ со стрѣлковымъ капитаномъ Неклюдовымъ. По утрамъ, лежа на походной койкѣ (чемоданъ-кровать) я, за перегородкой, слышалъ телефониста передающаго донесеніе: "на горизонтѣ въ морѣ на далекомъ разстояніи показались японскія суда". Слыша о далекомъ разстояніи я продолжалъ спокойно спать.

12-го мая нашей батареѣ было приказано выступить изъ П. Артура на передовыя позиціи къ дер. Инчензы. Подъ какимъ то предлогомъ батарея выступила въ походъ лишь съ четырьмя орудіями. Остальныя четыре орудія со штабсъ-капитаномъ Цытовичъ и подпоручикомъ Кашталинскимъ были оставлены въ городѣ.

13-го мая въ дер. Инчензы мы проснулись рано. Была слышна орудійная стрѣльба у Кинчжоу. Батарейный командиръ подполковникъ Чхейдзе съ капитаномъ Скрыдловымъ и штабсъ-капитаномъ Костровымъ выѣхалъ впередъ на развѣдку позицій на случай если наша батарея будетъ вызвана. Подпоручикъ Соколовскій и я оставались сидѣть въ китайской фанзѣ въ дер. Инчензы. Вдругъ появляется вѣстовой съ докладомъ: "такъ, что Ваше Благородіе въ бухту Инчензы вошли два японскіе миноносца". "Послать коннаго за батарейнымъ командиромъ" — отдаетъ приказаніе подпоручикъ Соколовскій, какъ старшій меня и временно командующій батареей. "Подать лошадей, батареѣ выѣзжать на позицію". Черезъ нѣсколько минутъ мы рысью вы-

ѣхали изъ дер. Инчензы на песчаный берегъ бухты. "Батарея съ передкоъ", командуетъ подпоручикъ Соколовскій. Два японскіе миноносца отчетливо видны въ бухтѣ. Они стоятъ неподвижно въ кильватерной колоннѣ, бортами обращенными къ намъ. Великолѣпная цѣль. Солнце позади насъ и въ глаза японцамъ. Они насъ вѣроятно не замѣчаютъ. Я, какъ младшій, ожидаю команды открыть огонь, но таковой отъ подпоручика Соколовскаго не послѣдовало. Возможно, что онъ полагалъ, что наша задача лишь препятствовать высадкѣ японцевъ и ожидалъ спуска шлюпокъ. Прошло еще нѣкоторое время. Прискакалъ къ батареѣ подполковникъ Чхейдзе со старшими офицерами капитаномъ Скрыдловымъ и штабсъ-капитаномъ Костровымъ. Смотрятъ на японскіе миноносцы, кои медленно задвигались и начали выходить изъ бухты. Я подумалъ: "вѣроятно разстояніе велико, только кажется, что близко, вѣдь по водѣ разстоянія сокращаются". Когда мы вернулись въ нашу фанзу я взялъ карту и измѣрилъ разстояніе до миноносцевъ, кои находились у островка въ бухтѣ. Разстояніе оказалось около четырехъ верстъ, т. е. дистанція вполнѣ возможная для стрѣльбы (предѣльная дальность для полевыхъ скорострѣльныхъ 3-хъ дюймовыхъ орудій — шесть верстъ). "Эхъ, сказалъ подполковникъ Чхейдзе, слѣдовало обстрѣлять японскіе миноносцы. Вѣрное золотое оружіе".

Къ вечеру 13-го мая Кинчжоуская позиція была занята японцами и нашъ боковой отрядъ у дер. Инчензы подъ начальствомъ подполковника Шишко, двѣ роты пѣхоты, четыре орудія нашей батареи, конная команда развѣдчиковъ и четыре колесныхъ пулемета морской команды, получилъ приказаніе, съ наступленіемъ темноты отходить на Волчьи горы, соблюдая полную тишину. Однако на походѣ, соскучившіеся стрѣлки грянули: "соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поетъ"... Съ Волчьихъ горъ мы были немедленно возвращены на нашу прежнюю позицію у дер. Инчензы, такъ какъ японцы не преслѣдовали наши войска отошедшія отъ Кинчжоускаго перешейка.

Первая пуля.

16-го мая утромъ мнѣ было приказано вести лошадей батареи на водопой. Ручей былъ внизу и нѣсколько впереди нашихъ окоповъ. Я не видя особенной нужды ожидать окончанія водопоя, проѣхалъ впередъ верхомъ на лошади черезъ дер. Инчензы и поднялся на возвышенность. Остановилъ лошадь и, не слѣзая, повернулся спиной въ сторону японцевъ. Вынулъ бинокль и началъ разсматривать примѣненіе къ мѣстности нашихъ окоповъ, какъ они могли бы казаться японцамъ. Вдругъ изъ кустовъ на опушкѣ дер. Инчензы мнѣ въ лицо съ близкаго разстоянія раздался ружейный выстрѣлъ. Пуля просвистѣла у моего лѣваго уха. Я поскакалъ назадъ къ батареѣ, т. е.

принужденъ былъ скакать къ мѣсту, откуда былъ выстрѣлъ и вновь проѣхать дер. Инчензы. Кто стрѣлялъ и почему другихъ выстрѣловъ не послѣдовало? Или я ихъ не слышалъ? Вернувшись, я снялъ пальто и обнаружилъ, что пуля поцарапала мой лѣвый погонъ. Полъ дюйма ниже и я бы былъ раненъ. Когда по возвращеніи съ войны я разсказалъ этотъ случай моей сестрѣ, она не была удивлена и созналась, что послѣ моего отъѣзда, посѣтила гадалку и, что гадалка ей предсказала, что я вернусь, но буду раненъ въ лѣвое плечо.

Новое назначеніе.

20-го мая всѣ офицеры 7-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго Артил. Дивизіона были вызваны въ палатку к-ра дивизіона. "Генералъ Кондратенко нашелъ въ Портъ-Артурскомъ арсеналѣ 10 полевыхъ скорострѣльныхъ 3-хъ дюймовыхъ орудій. Будутъ сформированы двѣ нештатныя батареи. Отъ нашего дивизіона требуется одинъ офицеръ". Дивизіонный адъютантъ началъ приготовлять билетики, такъ какъ никто не вызвался. Подполковникъ Добровъ (командиръ одной изъ батарей) остановилъ адъютанта, сказавъ: "зачѣмъ билетики, у насъ есть прикомандированный офицеръ. Мы его и пошлемъ".

Съ позиціи у дер. Инчензы я отправился въ Портъ Артуръ, гдѣ явился штабсъ-капитану Швиндтъ, который формировалъ 2-ю нештатную скорострѣльную 4-хъ орудійную батарею. Я былъ назначенъ старшимъ офицеромъ, дѣлопроизводителемъ и завѣдующимъ хозяйствомъ батареи. Штабсъ-капитанъ Швиндтъ безъ промедленія лично посѣтилъ стрѣлковые полки. Вызвалъ желающихъ людей и получилъ отъ полковъ нужное количество лошадей. Затѣмъ съ людьми и лошадьми прибылъ въ арсеналъ за полученіемъ орудій. Черезъ десять дней усиленныхъ занятій по обученіи ѣздовыхъ и орудійной прислуги, штабсъ-капитанъ Швиндтъ донесъ генералу Кондратенко, что батарея сформирована и готова къ бою. Намъ тотчасъ же было приказано выступить на Волчьи горы, откуда 13-го іюня наша 2-ая нештатная батарея была вызвана къ горѣ Юпилаза на передовой горной позиціи.

Бой на передовой горной позиціи 13-го и 14-го іюля.

Въ ночь на 13-ое іюля въ палатку позади нашихъ орудій, стоявшихъ на позиціи, гдѣ я помѣщался съ моимъ батарейнымъ командиромъ штабсъ-капитаномъ Швиндтъ, вошелъ вѣстовой со словами: "записка, Ваше Благородіе". Зажгли свѣчу и прочитали: "завтра въ шесть часовъ утра будетъ наступленіе японцевъ. Полковникъ Ирманъ". Мы были удивлены, какъ это можно знать о намѣреніяхъ японцевъ, однако, приказали вѣстовому разбудить насъ пораньше. Ровно въ шесть часовъ утра штабсъ-капитанъ Швиндтъ и я были у орудій. Впереди и нѣсколько влѣво на разстояніи около 6-ти верстъ была вид-

на идущая на насъ вдоль берега въ походной колоннѣ японская пѣхота. Прекрасная цѣль, но мой батарейный командиръ огня не открылъ, помня, что запасъ патроновъ къ нашимъ орудiямъ весьма ограниченъ (50 патроновъ на орудiе, т. е. на полчаса непрерывнаго бѣглаго огня), а также, желая подпустить японцевъ ближе. Вдругъ хлынулъ проливной дождь и ничего не было видно. Когда дождь прекратился, на нашу батарею посыпался градъ японскихъ снарядовъ (шимозъ и шрапнелей) изъ двухъ японскихъ батарей верстахъ въ четырехъ отъ нашей позицiи. Въ свою очередь мы открыли огонь по нимъ. Офицiальная исторiя Русско-Японской войны говоритъ: "площадка, на которой стояла батарея штабсъ-капитана Швиндта была какъ бы вспахана снарядами". Утромъ 15-го iюля намъ было приказано отойти на Волчьи горы.

Бой на Волчьихъ горахъ 17-го iюля.

Съ ранняго утра 17-го iюля японцы атаковали Волчьи горы и быстро ихъ заняли. Наша батарея пробовала стрѣлять по впереди лежащей мѣстности, но гаолянъ, превышавшiй человѣческiй ростъ, скрывалъ продвиженiе японской пѣхоты. Штабсъ-капитанъ Швиндтъ, не слыша стрѣльбы съ позицiй лежащихъ лѣвѣе насъ, верхомъ лично отправился узнать въ чемъ дѣло. Присланный штабсъ-капитаномъ Швиндтомъ конный ординарецъ передалъ мнѣ приказанiе снять орудiя съ позицiи и слѣдовать къ нему. Скатили орудiя съ позицiи, взяли въ передки и я командую: "батарея рысью ма-аршъ", хотя въ строю находились лишь два орудiя (одно было подбито въ предыдущемъ бою, а на другомъ орудiи былъ испорченъ угломѣръ). Вижу моего батарейнаго командира, стоящаго на возвышенности и подающаго мнѣ сигналъ обнаженной шашкой: "усилить аллюръ". "Галопомъ" командую я. Прискакали къ батарейному командиру. "Съ передковъ", командуетъ штабсъ-капитанъ Швиндтъ. "По наступающимъ японцамъ прицѣлъ 40"... (дистанцiя менѣе двухъ верстъ). Японцы приближались. Ихъ артиллерiя насъ обнаружила и засыпала снарядами наши два орудiя. За убылью орудiйной прислуги положенiе наше становилось критическимъ. Штабсъ-капитанъ Швиндтъ вынимаетъ изъ кармана носовой платокъ и машетъ. Это нашъ условный сигналъ: "подать передки". Подскакали передки и лихо взяли: "налѣво кругомъ", но ѣздовые не сумѣли сдержать разгоряченныхъ лошадей и сдѣлать остановку для надѣванiя орудiй на передки. Наши передки ускакали прочь безъ орудiй. "Вынуть замки изъ орудiй" приказываетъ штабсъ-капитанъ Швиндтъ. Вдругъ въ этотъ моментъ на помощь намъ подбѣгаетъ со своей охотничьей командой поручикъ Бурневичъ и на рукахъ съ крикомъ "ура" откатываетъ наши орудiя къ передкамъ. Также наши раненные были унесены. Убитые остались на полѣ сраженiя. Видѣвшiе,

въ какомъ отчаянномъ положенiи мы находились, донесли генералу Стесселю, что 2-ая нештатная батарея захвачена японцами. Впослѣдствiи поручикъ Бурневичъ за спасенiе нашихъ орудiй былъ по статуту награжденъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгiя 4-й степени.

На Кумирненскомъ редутѣ.

Послѣ боя на Волчьихъ горахъ нашей батареѣ былъ данъ пятидневный отдыхъ, а затѣмъ батарея была назначена на правый Кумирненскiй редутъ. Редутъ былъ сооруженъ по всѣмъ правиламъ эпохи гладкостѣнной артиллерiи. На исходящихъ углахъ редута были устроены барбеты и амбразуры для орудiй. Мой батарейный командиръ штабсъ-капитанъ Швиндтъ категорически заявилъ коменданту редута капитану Боброву, что мы будемъ защищать редутъ, но что поставимъ наши орудiя внѣ редута на закрытой позицiи. Орудiя были установлены въ нѣсколькихъ шагахъ правѣе редута въ складкѣ мѣстности. Батарейный командиръ и я помѣстились въ самомъ редутѣ, гдѣ ночью спали на землѣ.

29-го iюля я получилъ самостоятельную боевую задачу. Я былъ посланъ съ двумя орудiями съ Кумирненскаго редута на гору Сиротку согласно приказанiя начальника Сѣвернаго фронта крѣпости полковника Семенова. Вотъ его телефонограмма моему батарейному командиру: "Прошу немедленно назначить одинъ взводъ для обстрѣливанiя непрiятеля съ горы Сиротка. Въ прикрытiе будетъ дана полурота 3-й роты, 16-го полка. Прошу поставить прикрытiе такъ, чтобы оба орудiя были безопасны. Для намѣченiя цѣли и позицiи заранѣе послать офицера на верхушку горы Сиротки, а затѣмъ уже этому офицеру встрѣтить полубатарею, чтобы она зря не находилась вблизи непрiятеля. Немедленно по окончанiи обстрѣливанiя, не задерживаясь вернуться обратно. О результатѣ стрѣльбы доставить мнѣ подробное донесенiе. Полковникъ Семеновъ".

Въ этомъ приказанiи обращаетъ на себя вниманiе отсутствiе свѣдѣнiй о противникѣ и излишняя опека надъ исполненiемъ. Я полагалъ, что противникъ находится верстахъ въ 2-хъ отъ горы Сиротки, а оказалось, что японцы занимали линiю Наньпангоу-Лидягоу, т. е. были отъ горы Сиротки въ 250 саженяхъ. Гора Сиротка входила въ линiю нашего сторожевого охраненiя и была занята охотничьей командой подпоручика Насѣткина. Гора Сиротка была лучшимъ наблюдательнымъ пунктомъ передъ всѣмъ Сѣвернымъ и Западнымъ фронтами — по выраженiю генерала Стесселя былъ "окномъ крѣпости" и съ нея производились самыя точныя наблюденiя за противникомъ.

Японцы неоднократно пытались занять гору Сиротка и постоянно держали ее подъ своимъ ружейнымъ и артиллерiйскимъ ог-

немъ. Подпоручикъ Насѣткинъ 28-го іюля, замѣтивъ усилившееся движеніе непріятеля и вновь подвергшись обстрѣливанію, просилъ о присылкѣ къ нему въ помощь взвода артиллеріи, такъ какъ малочисленность гарнизона горы Сиротки — 70 стрѣлковъ, заставляла его опасаться за ея участь. Вотъ телефонограмма подпоручика Насѣткина — полковнику Семенову отъ 6 ч. 25 м. вечера, 28-го іюля: "Замѣтно движеніе японской пѣхоты съ сѣвера, въ 1 часъ 30 мин. перешла рота пѣхоты, 50 человѣкъ кавалеріи и сейчасъ прошло около баталіона и еще идутъ. Послѣ обѣда по г. Сироткѣ японцы стрѣляли изъ полевыхъ и горныхъ орудій. Прошу прислать сюда, хотя на день, два орудія, которыя могутъ воспользоваться удобнымъ моментомъ. Подпоручикъ Насѣткинъ".

Результатомъ этой просьбы и была моя на слѣдующій день вылазка, очевидцемъ ея былъ мой командиръ артиллерійской бригады, онъ же начальникъ Западнаго фронта крѣпости полковникъ Ирманъ, который какъ разъ во время моей стрѣльбы прибылъ на гору Сиротку. Надо сказать, что полковникъ Ирманъ всегда лѣзъ въ опасныя мѣста. Впослѣдствіи я испыталъ радость представленія за это дѣло къ высокой наградѣ и горесть отказа Георгіевской Думы. Я имѣлъ случай видѣть наградной на себя листъ и снялъ на память копію. Прошу извинить за нескромность, я приведу здѣсь заключительныя строки представленія: "Своею стрѣльбою изъ двухъ орудій съ близкихъ дистанцій подпоручикъ Юзефовичъ разсѣялъ японцевъ, находившихся передъ горой Сироткой, а также искусными своими дѣйствіями скоро заставилъ замолчать ихъ сильнѣйшую числомъ артиллерію, чѣмъ облегчилъ положеніе оборонявшихъ гору Сиротку охотниковъ и способствовалъ къ дальнѣйшему удержанію въ нашихъ рукахъ горы Сиротки, этого важнаго и лучшаго передового наблюдательнаго пункта крѣпости П. Артуръ. Въ дѣлѣ 29-го іюля подпоручикъ Юзефовичъ, сохраняя подъ огнемъ противника полное спокойствіе, мужество и распорядительность, проявилъ себя беззавѣтно храбрымъ, лихимъ, свято помнящимъ свой долгъ и присягу офицеромъ. Будучи непосредственнымъ очевидцемъ энергичныхъ и успѣшныхъ дѣйствій взвода, свидѣтельствуя доблестное поведеніе подпоручика Юзефовича въ теченіи всей П. Артурской операціи и принявъ во вниманіе, что указанный подвигъ у г. Сиротки подходитъ подъ ст. 17 Статута по артиллеріи, представляю подпоручика Юзефовича къ награжденію орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-ой степени.

Командиръ 4-ой Восточно-Сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады, Начальникъ Западнаго фронта крѣпости Портъ-Артуръ Полковникъ Ирманъ".

Полагаю, что я не получилъ Георгіевскій крестъ по моей непрактичности. Мое представленіе разсматривалось Георгіевской Думой

въ Петербургѣ. Предсѣдателемъ Думы былъ генералъ Никитинъ бывшій начальникъ полевой артиллеріи въ П. Артурѣ, знающій меня лично. Однажды на годовомъ П. Артурскомъ обѣдѣ въ офицерскомъ собраніи Арміи и Флота я сидѣлъ недалеко отъ генерала Никитина и слышалъ, какъ онъ говорилъ: "когда въ Георгіевской Думѣ секретарь читаетъ представленія на П. Артурцевъ, всѣ на меня смотрятъ. Что я скажу то и дѣлаютъ". Что мнѣ слѣдовало сдѣлать? Лишь просить генерала Никитина присутствовать на засѣданіи, когда до моего представленія дойдетъ очередь. Когда я получилъ отъ Министра Императорскаго Двора и Канцлера Россійскихъ орденовъ генерала Фредерикса извѣщеніе, что представленіе на меня Георгіевской Думой отклонено, я пошелъ въ Капитулъ орденовъ спросить секретаря Георгіевской Думы: "что случилось, въ чемъ дѣло"? "Ничего удивительнаго нѣтъ поручикъ", отвѣтилъ мнѣ секретарь, весьма любезный молодой человѣкъ. "Ваше представленіе разсматривалось на засѣданіи первымъ. Первыя представленія обыкновенно не проходятъ. Послѣ перерыва и завтрака, представленія проходятъ легче." Мнѣ слѣдовало познакомиться съ секретаремъ раньше, а также предупредить генерала Никитина о моемъ представленіи. Генералъ Никитинъ пропустилъ засѣданіе въ день разсмотрѣнія моего представленія Георгіевской Думой.

На Кладбищенской батареѣ.

4-го августа утромъ наша 2-ая нештатная батарея была отведена съ Кумирненскаго редута къ Кладбищенской импани. Только что мы приступили къ рытью орудійныхъ окоповъ и постройкѣ блиндажей, пріѣхалъ верхомъ на лошади генералъ Стессель со своимъ адъютантомъ поручикомъ Невельскимъ. "Вчера японцы предлагали сдать крѣпость", говорилъ генералъ Стессель, обращаясь къ нижнимъ чинамъ, "я взялъ листъ чистой бумаги нарисовалъ кукишъ и послалъ".

Съ утра 6-го августа японская осадная артиллерія открыла сильнѣйшій огонь по всему фронту крѣпости. Отдѣльныхъ выстрѣловъ не было слышно — все слилось въ сплошной гулъ, стонъ и ревъ. Японская артиллерія сразу взяла перевѣсъ надъ крѣпостными батареями, орудія которыхъ были установлены открыто, вслѣдствіе чего многія орудія были подбиты и наши батареи стали замолкать. Мой батарейный командиръ штабсъ-капитанъ Швиндтъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій въ этотъ день первымъ словомъ записалъ: "жара", но не въ смыслѣ, что жарко отъ японскаго огня. Въ этотъ день была жаркая погода и штабсъ-капитанъ Швиндтъ, какъ всегда, чтобы ни случилось, отмѣчалъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, прежде всего состояніе погоды. Вскорѣ послѣ отбитія японскаго генеральнаго штурма крѣпости, 8-11-го августа, я былъ назначенъ въ числѣ нѣсколькихъ офицеровъ изъ полевой артиллеріи на пополненіе убыли въ крѣпостной артилле-

ріи и разстался со 2-ой нештатной батареей, которая до конца осады простояла на позиціи у Кладбищенской импани.

На батареѣ литера Б.

Утромъ 17-го августа я получилъ предписаніе отъ полковника Ирмана: "Съ полученіемъ сего предписываю Вашему Благородію отправиться въ распоряженіе начальника крѣпостной артиллеріи генерала Бѣлаго". Черезъ какой нибудь часъ я уже былъ въ домѣ генерала Бѣлаго съ докладомъ, что я назначенъ въ его распоряженіе. "Мнѣ еще никто не являлся, Вы первый". Я тотчасъ же сообразилъ, что могу нѣсколько отсрочить начало моей службы съ крѣпостной артиллеріей. "Ваше Превосходительство, разрѣшите мнѣ сдать мою должность въ моей батареѣ". "Сколько дней Вамъ понадобится"? "Два дня будетъ достаточно", отвѣтилъ я. Черезъ два дня, которые я провелъ на Кладбищенской батареѣ въ привычной обстановкѣ и гдѣ я получилъ отъ офицеровъ подарокъ на дорогу - коробку шоколаднаго печенія "Перно", я вновь явился генералу Бѣлому. "Отправьтесь на открытый канониръ № 3 на Восточномъ атакованномъ фронтѣ" приказалъ мнѣ генералъ Бѣлый. "Слушаюсь", повернулся налѣво кругомъ и направился къ выходной двери. "Нѣтъ, стойте, я не хочу взять это на себя. Тамъ офицеръ не нуженъ". (Открытый канониръ № 3 былъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ занятыми японцами редутами № 1 и № 2. На немъ были, стараго образца, четыре клиновыя полевыя пушки). "Явитесь подполковнику Стольникову, начальнику крѣпостной артиллеріи на Восточномъ фронтѣ", продолжалъ генералъ Бѣлый. Явился подполковнику Стольникову, находившемуся на батареѣ литера Б. Провелъ съ нимъ тамъ нѣсколько дней и сопровождалъ подполковника Стольникова при объѣздахъ имъ крѣпостныхъ батарей его раіона.

На укрѣпленіе № 3.

Въ послѣднихъ числахъ августа я былъ назначенъ передовымъ артиллерійскимъ наблюдателемъ, для донесеній по телефону начальнику крѣпостной артиллеріи П. Артура генералу Бѣлому, о стрѣляющихъ японскихъ осадныхъ батареяхъ и ихъ мѣстонахожденіи. Мнѣ дана была спеціальная карта разграфленная на квадраты и мнѣ было предоставлено самому избрать наиболѣе подходящій наблюдательный пунктъ. Я расположился на укрѣпленіи № 3, откуда былъ достаточно хорошій кругозоръ и гдѣ я соблазнился удобнымъ для ночлега офицерскимъ блиндажемъ. Тамъ были четыре нары и одна изъ нихъ была свободна. Въ блиндажѣ помѣщались: стрѣлковый офицеръ подпоручикъ Вильманъ, артиллерійскій офицеръ поручикъ Шуба и морской офицеръ мичманъ Бошнякъ. Однажды матросъ портной принесъ мичману Бошнякъ сшитую изъ китайскаго чернаго шелка косоворотку. Мичманъ

Бошнякъ былъ въ восторгѣ. Рубашка съ золотыми погонами дѣйствительно была красива. "Ну, а теперь я пойду пострѣляю" сказалъ мичманъ Бошнякъ. На укрѣпленіи № 3 подъ его командой находились два 6-ти дюймовыя орудія Кане. Черезъ нѣсколько минутъ мичманъ Бошнякъ вбѣгаетъ въ блиндажъ весь окровавленный, а его новая рубашка была изорвана въ клочья, разорвавшимся на укрѣпленіи японскимъ снарядомъ.

О стрѣляющихъ по крѣпости японскихъ осадныхъ батареяхъ я незамедлительно доносилъ по телефону генералу Бѣлому. Когда же японскіе снаряды начинали летѣть въ Старый городъ, генералъ Бѣлый обыкновенно самъ вызывалъ меня къ телефону. "Насъ обстрѣливаютъ, а Вы не доносите". Въ началѣ сентября японцы овладѣли Кумирненскими редутами и занявъ полотно желѣзной дороги проходившей между редутами и укрѣпленіемъ № 3, приблизились къ укрѣпленію на 600-700 шаговъ. По П. Артурскимъ понятіямъ — разстояніе не слишкомъ близкое. Съ укрѣпленія № 3 можно было наблюдать за неудачной японской сентябрьской атакой на Высокую гору. Удержанію Высокой горы, какъ извѣстно, не мало способствовалъ лейтенантъ флота Подгурскій. Онъ въ ночь на 10-ое сентября подползъ къ блиндажу въ окопѣ, уже занятомъ японцами, и бросилъ пироксилиновыя шашки. Отъ взрыва шашекъ взорвались, сложенныя въ блиндажѣ японскія ручныя гранаты и японцы бѣжали.

Съ 18-го сентября японцы начали обстрѣливать П. Артуръ одиннадцати-дюймовыми бомбами. Фортъ № 3 и укрѣпленіе № 3 были первыми подвергшимися бомбардировкѣ этими тяжелыми снарядами. Измѣривъ дно отъ разорвавшейся бомбы, я донесъ генералу Бѣлому, что японцы стрѣляютъ изъ 11-ти дюймовыхъ гаубицъ. Генералъ Бѣлый не хотѣлъ вѣрить, однако, вскорѣ и самъ могъ въ этомъ убѣдиться, такъ какъ японцы не замедлили открыть огонь и по городу. Я былъ давно предупрежденъ, что въ Китаѣ нельзя пить сырую воду, но, однажды, на укрѣпленіи № 3 я налилъ полъ стакана сырой воды и долилъ стаканъ краснымъ виномъ, думая, что вино обезвредитъ воду и выпилъ для утоленія жажды. Черезъ нѣсколько дней я почувствовалъ себя весьма плохо. Вызвалъ фельдшера и спросилъ дать мнѣ термометръ. Фельдшеръ на укрѣпленіи № 3 таковаго не имѣлъ, но сказалъ, что онъ пойдетъ на сосѣднюю Курганную батарею и принесетъ термометръ. Я измѣрилъ температуру — 40 градусовъ. Испросилъ разрѣшеніе пойти на ближайшій перевязочный пунктъ. Докторъ опредѣлилъ тифъ и сказалъ, что я долженъ лечь въ госпиталь.

На плавучемъ госпиталѣ "Монголія".

Итакъ, заболѣвъ въ концѣ сентября, я принужденъ былъ оставить укрѣпленіе № 3. Мнѣ прежде случалось посѣщать госпиталя,

какъ то, сводный госпиталь (гдѣ былъ представленъ юной, очаровательной, добровольной сестрѣ милосердія Вѣрочкѣ, родственницѣ лейтенанта Бекъ-Джевагирова) и другіе госпиталя. Лучшее впечатлѣніе на меня произвелъ плавучій госпиталь "Монголія", стоявшій на внутреннемъ рейдѣ. Я тогда же рѣшилъ, что если заболѣю или буду раненъ, буду стараться быть туда принятымъ. Ночью, поддерживаемый моимъ вѣстовымъ, я пѣшкомъ прошелъ Старый городъ и въ гавани взялъ китайскую шампуньку. "Юли, юли кокойда на Монголію", (вези скорѣй: на русско-китайск. языкѣ) приказалъ я китайцу. На "Монголіи" одна каюта оказалась свободной и я былъ тамъ помѣщенъ со всѣми удобствами. По утрамъ при помощи санитара я былъ погружаемъ въ горячую ванну —лучшее лѣкарство при тифѣ. Однажды лежа въ полузабытье я вижу входитъ въ мою каюту священникъ и ничего не говоря, даетъ мнѣ крестъ. Приложился, и съ того момента почувствовалъ себя много лучше. Къ началу ноября я выздоровѣлъ.

Японцы, зная, что единственнымъ источникомъ пополненія убыли въ гарнизонѣ, являются наши госпиталя, т. к. выздоравливающіе возвращались въ строй, госпиталя обстрѣливали. Генералъ Стессель переслалъ генералу Барону Ноги письмо, прося его прекратить огонь по нашимъ госпиталямъ. Командующій японской осадной арміи отвѣтилъ: "Ваше храброе сопротивленіе столь продолжительно, что наши орудія износились и не позволяютъ точной стрѣльбы". Генералъ Стессель приказалъ снять съ госпиталей флаги Краснаго Креста. Плавучіе госпиталя "Ангара" и "Казань" были затоплены въ гавани японскими снарядами. "Монголія" также подвергалась обстрѣлу, но поврежденія были лишь надводныя. Однажды, когда на палубу "Монголіи" посыпались осколки отъ разрывающихся японскихъ снарядовъ, старшій врачъ Кинастъ, подъ предлогомъ найти безопасное помѣщеніе для раненыхъ, съѣхалъ на берегъ. За нимъ съѣхали съ "Монголіи" и другіе. На "Монголіи" въ этотъ день остались всѣ пять сестеръ милосердія и изъ офицеровъ я и мичманъ Дудкинъ.

Въ Управленіи Крѣпостной Артиллеріи.

Изъ госпиталя я выписался 12-го ноября и отправился явиться генералу Бѣлому. По дорогѣ встрѣтилъ генерала Бѣлаго, идущаго изъ управленія. "Мой адъютантъ поручикъ Вознесенскій просится на батарею. Знакомы-ли вы съ канцеляріей?" "Такъ точно, Ваше Превосходительство", отвѣтилъ я не задумываясь. "Наградное дѣло запущено, приведите въ порядокъ и по вечерамъ приходите ко мнѣ на квартиру съ докладомъ." Я былъ назначенъ въ помощь адъютанту по строевому отдѣленію. Преемникомъ поручика Вознесенскаго въ управленіи былъ прапорщикъ Азаровъ, бывшій судебный слѣдователь. Наградныя представленія я началъ съ нижнихъ чиновъ. Многіе

изъ нихъ давнымъ давно были представлены батарейными командирами къ Георгіевскимъ крестамъ. Прежде всего провѣрилъ, кто былъ уже убитъ и таковыя фамиліи вычеркнулъ, т. к. по существовавшимъ тогда правиламъ, посмертныхъ наградъ не предусматривалось. Затѣмъ началъ въ первую очередь помѣщать въ наградные списки тѣхъ, кто согласно Статута имѣлъ право на награжденіе, т. е. кто будучи раненымъ оставался въ строю до окончанія боя. Прихожу къ генералу Бѣлому на мой первый докладъ. "Заготовьте на себя наградной листъ, я хочу представить Васъ къ наградѣ за укрѣпленіе № 3". "Слушаю Ваше Превосходительство". Однако я по моей никому ненужной щепетильности этого не сдѣлалъ. Когда же черезъ нѣкоторое время пришелъ на меня наградной листъ изъ полевой артиллеріи за отбитіе августовскихъ штурмовъ, генералъ Бѣлый въ немъ приписалъ: "Особенно ходатайствую объ этой наградѣ (Св. Анна 3-ей ст. съ мечами и бантомъ), т. к. подпоручикъ Юзефовичъ несмотря на ежедневное жестокое обстрѣливаніе укрѣпленія № 3, всегда находился на своемъ посту". Возвращаюсь къ моему первому у генерала Бѣлаго докладу. Генералъ началъ читать, составленные мною наградные списки на нижнихъ чиновъ крѣпостной артиллеріи. "Раненъ — остался въ строю. Раненъ — остался въ строю и т. д." "Если остался въ строю, значитъ былъ легко раненъ" и началъ вычеркивать изъ списка первыя попавшіяся фамиліи. На другой день я опять включилъ въ списокъ вычеркнутыя генераломъ фамиліи. Та же исторія съ вычеркиваніемъ. Все же я смогъ провести къ наградамъ многихъ вычеркнутыхъ, т. к. генералъ Бѣлый конечно не помнилъ всѣхъ фамилій. Какъ то я доложилъ генералу Бѣлому, что не всѣ офицеры крѣпостной артиллеріи имѣютъ ордена Св. Анны 4-ой степени. "Не имѣютъ, значитъ не заслужили. Впрочемъ, кто такіе"? Назвалъ фамиліи. "Представьте ихъ".

Однажды генералъ Бѣлый послалъ меня къ начальнику полевой артиллеріи въ П. Артурѣ генералу Никитину. Что я былъ долженъ ему доложить я теперь не помню, но помню, что я полагалъ, что лучшее время для доклада это въ полдень, т. е. время обѣда. Явился на квартиру генерала Никитина въ Старомъ городѣ, доложилъ, что было нужно и сдѣлалъ видъ, что намѣреваюсь уйти. "Вы, подпоручикъ, обѣдали"? "Никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство". "Отобѣдайте съ нами. У насъ сегодня жареный поросенокъ". Имѣть поросенка въ декабрѣ мѣсяцѣ было большою роскошью. Послѣдніе мѣсяцы осады гарнизонъ П. Артура принужденъ былъ питаться конскимъ мясомъ, кое выдавалось въ ограниченномъ количествѣ и то не каждый день. Къ обѣду пришелъ генералъ Фокъ, начальникъ сухопутной обороны крѣпости послѣ смерти генерала Кондратенко. За столомъ въ присутствіи адъютанта генерала Никитина штабсъ-капитана Правикова я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго разговора двухъ генераловъ, Георгіев-

скихъ кавалеровъ за Русско-Турецкую войну 1877-78 г.г. Генералъ Никитинъ: "Я, Ваше Превосходительство, каждую ночь обхожу позиціи и повѣряю бдительность гарнизоновъ на фортахъ и укрѣпленіяхъ". Генералъ Фокъ: "А я, Ваше Превосходительство, ночью ничего не вижу. Я хожу днемъ".

Впослѣдствіи генералу Фоку было поставлено въ вину, якобы, преждевременное оставленіе форта № 2. Въ Верховно-Уголовномъ судѣ на вопросъ прокурора: "могъ-ли еще держаться фортъ № 2-ой? Одинъ изъ послѣднихъ защитниковъ форта лейтенантъ флота Витгефтъ, какъ я слышалъ собственными ушами, отвѣтилъ: "форта № 2 уже несуществовало. Оставалось лишь мѣсто, которое называлось фортомъ".

Будучи на штабной должности въ концѣ обороны, я не былъ очевидцемъ ноябрьскаго штурма и взрывовъ японцами форта № 2, форта № 3 и укрѣпленія № 3 въ декабрѣ. Позволю себѣ привести здѣсь двѣ-трети записи въ журналъ военныхъ дѣйствій моего бывшаго батарейнаго командира штабсъ-капитана Швиндтъ. "13-го ноября, штурмъ на укрѣпленіе № 3. Въ часъ дня показались японцы взлѣзавшіе на брустверъ. Только, что мы успѣли сдѣлать по нимъ первый выстрѣлъ, какъ японцы поспѣшнѣе, чѣмъ взбирались наверхъ, сбѣгаютъ внизъ, преслѣдуемые нашими стрѣлками. Нѣкоторые молодцы, стоя во весь ростъ на валу, стрѣляли по бѣгущимъ японцамъ. Такая же картина вскорѣ повторилась еще разъ".

Ночью 13-го ноября японцы атаковали Курганную батарею, отрядомъ "бѣлыхъ помочей" генерала Накамура (японцы были крестообразно обвязаны бѣлыми шарфами, чтобы въ темнотѣ различать другъ друга). Вотъ приказъ генерала Накамура: "Наша задача разрѣзать крѣпость на двѣ части. Атака будетъ произведена штыками. Какъ бы ни былъ силенъ огонь русскихъ мы не должны отвѣчать ни единымъ выстрѣломъ пока не закрѣпимся. Никто не долженъ разсчитывать вернуться живымъ. Если я паду, полковникъ Ватанабе приметъ командованіе".

Атака японцевъ застала малочисленный гарнизонъ Курганной батареи врасплохъ. Находившійся вблизи батареи съ полуротой моряковъ лейтенантъ флота Мисниковъ, не ожидая приказаній, по собственной иниціативѣ кинулся въ штыки на японцевъ. Затѣмъ подоспѣли роты резерва и окончательно прогнали японцевъ. На другой день мой бывшій командиръ батареи штабсъ-капитанъ Швиндтъ записалъ въ журналъ военныхъ дѣйствій: "послѣ ночного штурма на скатѣ Курганной батареи, труповъ японцевъ, что мухъ на бумагѣ съ клеемъ".

Взорвавъ и занявъ форты № 2 и № 3 и укрѣпленіе № 3 японцы прорвали линію обороны на Восточномъ фронтѣ. Вотъ запись

штабсъ-капитана Швиндтъ въ журналъ военныхъ дѣйствій 2-ой нештатной батареи отъ 18-го декабря: "Въ 9 часовъ утра большой взрывъ на укрѣпленіи № 3, за которымъ послѣдовалъ адскій огонь по всему правому флангу. Черезъ нѣсколько минутъ въ бреши показалась лѣстница и японцы по одному лѣзутъ вверхъ. Батарея, по неимѣніи снарядовъ стрѣляла по нимъ рѣдчайшимъ огнемъ".

Въ плѣну у японцевъ.

Капитуляція П. Артура 20-го декабря явилась для гарнизона неожиданностью, т. к. готовность защитниковъ жертвовать собою еще не изсякла, несмотря на безнадежное положеніе крѣпости. Мичманъ Власьевъ мнѣ однажды замѣтилъ: "мы всѣ здѣсь приговорены къ смертной казни". Однако какіе-то слухи ходили въ П. Артурѣ за нѣсколько дней до сдачи. Такъ мой конный вѣстовой Гребневъ вдругъ мнѣ сказалъ: "такъ, что Ваше Благородіе всѣмъ портнымъ приказано шить японскіе флаги". Японцы изъ своихъ окоповъ бросали къ намъ иногда прокламаціи. Вотъ одна изъ нихъ, съ сохраненіемъ орфографіи: "По причинѣ печальнаго приключенія въ другомъ мѣстѣ свѣтю вамъ сдаваится . Одинъ командиръ японской арміи". Печальное приключеніе въ другомъ мѣстѣ — очевидно были неудачи генерала Куропаткина.

Всѣ части П. Артурскаго гарнизона 21-го декабря были собраны на равнинѣ къ юго-западу отъ форта № 5 и по очереди переходили, черезъ проходъ въ проволочномъ загражденіи, на японскую сторону. "Такая-то рота, такого-то полка — 9 человѣкъ. Такая то рота — 15 человѣкъ. Такая то рота — 11 человѣкъ", и т. д. Убыль въ гарнизонѣ, особенно среди стрѣлковъ, была огромная. Вотъ, что записалъ въ свой дневникъ капитанъ Голицынскій, комендантъ Большого Орлинаго Гнѣзда, на 19-ое декабря: "не знаю общаго числа защитниковъ въ послѣдній день, но въ численности моего баталіона имѣю документъ. Налицо въ баталіонѣ было 47 людей при одномъ офицерѣ. Вотъ, что осталось отъ моего баталіона, который 1-го мая выступилъ изъ гор. Дальняго въ составѣ 1000 человѣкъ".

Число всѣхъ собравшихся для сдачи японцамъ оказалось около 23-хъ тысячъ, т. к. многіе больные и раненые вышли изъ госпиталей, чтобы идти въ плѣнъ со своими частями. Японцы вернули въ госпиталя около 2-хъ тысячъ, какъ совершенно неспособныхъ сдѣлать двухдневный переходъ до желѣзно-дорожной станціи Чанлиндзы. Слова генерала Стесселя: "люди стали тѣнями" не были пустой фразой.

Я присоединился къ батареѣ Штабсъ-Капитана Швиндта. Узнаю, что нашъ батарейный фуражиръ Брилевъ умеръ, опившись водкой. Батарейный командиръ приказалъ оставить его тѣло безъ погребенія. Брилевъ, плотный 43-хъ лѣтній сибирякъ, съ окладистой бо-

родой, былъ назначенъ въ команду для разбиванія винныхъ складовъ. Въ бояхъ Брилевъ вывѣшивалъ на свою грудь икону большого размѣра, благословеніе изъ дома. Былъ цѣлъ и невредимъ всю осаду и лишился жизни, когда японцы уже входили въ П. Артуръ.

Очередь до нашей батареи въ первый день не дошла. Предстоялъ ночлегъ на землѣ подъ открытымъ небомъ. Я вернулся на мою квартиру въ Старомъ городѣ, гдѣ и переночевалъ. Весь этотъ день я ничего не ѣлъ, т. к. ничего и нигдѣ не могъ найти. На другое утро я опять былъ на сборномъ пунктѣ. Батарея наша была пропущена за проволоку. Японцы тотчасъ же выдали намъ галеты, т. е. сухари изъ бѣлаго хлѣба. Отношеніе японцевъ къ намъ было весьма предупредительное. Многіе японскіе офицеры представлялись, вручая свои визитныя карточки. На одной изъ карточекъ, данныхъ мнѣ, я прочиталъ: "полковникъ Сакакибара." Было объявлено, что японское командованіе разрѣшаетъ желающимъ офицерамъ вернуться въ Россію, предварительно давъ подписку не принимать дальнѣйшаго участія въ войнѣ противъ Японіи.

Отъ Государя Императора была получена телеграмма: "Предоставляю каждому офицеру возвратиться въ Россію, или раздѣлить участь нижнихъ чиновъ". Я полагалъ, что, будучи, лишь прикомандированнымъ на время военныхъ дѣйствій, мнѣ надлежитъ вернуться къ мѣсту моего штатнаго служенія, т. е. въ Дубненскую крѣпостную артиллерійскую роту. Пошелъ въ японскую палатку, гдѣ принималась запись на отъѣздъ въ Россію и далъ мою подпись: "подпоручикъ Юзефовичъ". Всѣмъ записавшимся офицерамъ японцы повязывали на лѣвомъ рукавѣ пальто красную ленточку. Подходитъ ко мнѣ полковникъ Ирманъ: "Вы ѣдете въ Россію?" "Точно такъ, господинъ полковникъ". "Я не хочу дать моей подписи, но желалъ бы вернуться въ Россію и вновь участвовать въ войнѣ. Дайте мнѣ кусокъ Вашей ленты", попросилъ полковникъ Ирманъ. По моему легкомыслію я исполнилъ его просьбу и полковникъ Ирманъ повязалъ красную ленточку на лѣвый рукавъ своего пальто. Лошадей приказано было передать японцамъ. По моей дворянской вольности я приказанія этого не исполнилъ и до станціи Чанлиндза я ѣхалъ верхомъ. Удивляюсь, что никто меня не остановилъ и не спѣшилъ. Изъ Чанлиндзы въ товарныхъ вагонахъ японцы привезли насъ въ гор. Дальній. Я, съ другими офицерами, ѣдущими въ Россію, былъ помѣщенъ въ недостроенномъ каменномъ зданіи. На зданіи была вывѣска съ русскою надписью: "квартира для плѣна". Спали мы на полу на циновкахъ (ампера, первое японское слово, которое я узналъ). Купилъ японскій самоучитель, такого-то автора, какъ было на обложкѣ по-русски сказано, проживающаго для сохраненія здоровья въ гор. Кіото. Заучилъ — я офицеръ "Ватакусига сиканга", голоденъ "наника табетаи" и прочее, что мнѣ совершенно

не пришлось примѣнять. Помню мой первый обѣдъ на японскомъ пароходѣ "Ава Мару", везущемъ насъ плѣнныхъ офицеровъ въ гор. Нагассаки. Всѣ уже встали изъ за стола, а я все еще продолжалъ ѣсть свѣжій бѣлый хлѣбъ съ чуднымъ сливочнымъ масломъ (Датское масло въ жестянкахъ). Японскій вѣстовой уже началъ убирать со стола, а я все еще сидѣлъ и ѣлъ. Наконецъ вѣстовой, видимо потерялъ всякое терпѣніе и дернулъ за скатерть, давая мнѣ понять, что обѣдъ давно уже оконченъ.

Передъ высадкой на островъ Инасса, въ Нагассакской бухтѣ всѣ мы были вызваны на верхнюю палубу и японцы начали формировать группы по десять офицеровъ. Назначеніе этихъ группъ мнѣ въ тотъ моментъ было неясно (потомъ выяснилось, что эти группы были образованы для посадки въ шлюпки для слѣдованія на берегъ). Я имѣлъ какой-то разговоръ съ артиллеріи капитаномъ Шевцовымъ. Онъ былъ отведенъ въ одну группу, а я въ другую въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Для продолженія разговора я подошелъ къ его группѣ. Японцы очевидно замѣтили, что въ одной группѣ одиннадцать человѣкъ, а въ другой девять и меня кто-то сзади слегка потянулъ за рукавъ. Не оборачиваясь я произвелъ движеніе локтемъ назадъ. Оказалось, что я нанесъ ударъ локтемъ въ грудь японскому офицеру при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Японцы на меня загалдѣли и я былъ ими арестованъ. Былъ отведенъ въ уголъ и забаррикадированъ палубными скамейками. Стою и вижу, что началась посадка на шлюпки. Одна за другой группы сходятъ по трапу въ шлюпки. Послѣдняя группа забастовала и находящійся въ ней артиллеріи подполковникъ Бржозовскій, черезъ японскаго переводчика заявилъ, что никто не сядетъ въ шлюпку, пока не будетъ освобожденъ подпоручикъ Юзефовичъ. Японцы зашушукались, а затѣмъ подходятъ ко мнѣ и раздвигаютъ скамейки. Съ этой послѣдней группой я съѣхалъ съ парохода на берегъ. Уже темнѣло. На берегу насъ ожидали японскіе полицейскіе съ большими круглыми бумажными фонарями. Повели насъ въ карантинъ, гдѣ уже находились всѣ пріѣхавшіе на "Ава Мару". Японцы раздали намъ халаты — "кимоно" и плетеныя корзинки. Мы раздѣлись и уложили нашу одежду и бѣлье въ отдѣльныя для каждаго корзинки. Было объявлено, что мы должны пройти черезъ умывальныя комнаты. По выходѣ изъ умывалень, наша продезинфекцированная одежда была намъ возвращена. Ждемъ, что то очень долго. Среди японцевъ замѣтно какое то смятеніе. Наконецъ одинъ артиллерійскій чиновникъ, не помню теперь его фамиліи, спросилъ переводчика: "въ чемъ дѣло". Японецъ отвѣтилъ, что въ спискѣ офицеровъ ѣдущихъ въ Россію они имѣютъ извѣстное число, но что насъ здѣсь налицо на одного человѣка больше". "Съ нами полковникъ Ирманъ, который не далъ своей подписи", выдалъ чиновникъ. Полковника Ирмана японцы

тотчасъ же куда то увели. Былъ слухъ, что онъ посаженъ въ тюрьму.

Была уже ночь. Насъ вывели изъ карантина и повели въ сопровожденіи японскихъ полицейскихъ, освѣщавшихъ дорогу бумажными фонарями. Куда бы Вы думали насъ привели? Насъ всѣхъ привели въ губернаторскій садъ, гдѣ были накрыты бѣлоснѣжными скатертями столы, на десять кувертовъ каждый, съ явствами и питьями. Сѣли съ аппетитомъ вкушать все предложенное. За каждымъ столомъ стоялъ японецъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, въ цилиндрѣ, но безъ сапогъ, т. е. былъ въ полотняныхъ чулкахъ и сандаліяхъ. Нашъ японецъ обходитъ нашъ столъ и кладетъ каждому изъ насъ на приборъ свою визитную карточку. Читаю — "Іосида Каичи". Закончили ужинъ. Іосида Каичи - нашъ будущій хозяинъ - приводитъ нашу группу къ себѣ въ домъ. Его двухъэтажный домъ съ числомъ комнатъ болѣе десяти, оказался японскимъ "чайнымъ домикомъ", гдѣ на стѣнахъ можно было читать карандашныя надписи: "здѣсь гулялъ матросъ первой статьи такой то". Не успѣли мы войти въ домъ, какъ хозяинъ и вышедшая его жена японка съ черными зубами, приглашаютъ насъ наверхъ. Большая комната, большой столъ покрытый скатертью и уставленный кушаньями и напитками, включительно до водки "Петра Смирнова". Сѣли за второй ужинъ и просидѣли до утра. Прислуживали намъ десяти офицерамъ шестнадцать гейшъ. На ночлегъ мы были размѣщены, по отдѣльнымъ комнатамъ, со всѣми удобствами: мягкая большая кровать, ящикъ съ пескомъ и горячими въ немъ углями и прочее. На другой день прохаживаясь по поселку Инасса я встрѣтилъ японскаго переводчика, который былъ свидѣтелемъ моей вчерашней горячности по нанесенію оскорбленія японскому офицеру. Спрашиваю: "что мнѣ будетъ"? "Не напоминайте, какъ будто бы ничего не случилось". Я былъ смущенъ подобною японскою деликатностью. Надо сказать правду: наши офицеры позволяли себѣ иногда несдержанность.

Въ домѣ Іосида Каичи я и моя группа провели десять дней. Имѣли прекрасный столъ (рыбы, курицы, рисъ, хлѣбъ и спиртные напитки). Кто платилъ за это все я не знаю. Намъ никакихъ счетовъ подано не было. Въ Инассѣ была также общая столовая, но мы туда не ходили. Въ городъ Нагассаки намъ было разрѣшено ѣздить только днемъ отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ дня. Въ этихъ поѣздкахъ насъ сопровождалъ японскій полицейскій для охраны порядка. Однажды ко мнѣ въ Нагассаки приблизилась большая толпа дѣтей, вышедшихъ изъ школы. Полицейскій на нихъ цыкнулъ и японскіе ребятишки разсыпались моментально, какъ воробьи. Цѣны въ Нагассаки поражали насъ дешевизной. Я купилъ себѣ штатскій шевіотовый костюмъ и заплатилъ за него всего лишь 4 рубля 50 копѣекъ. Заказалъ сапожнику желтой кожи сапоги. Утромъ онъ снялъ мѣрку, а вечеромъ сапоги уже были готовы. Заплатилъ я за нихъ, не торгуясь, 5 рублей.

5-го января 1905 года пришелъ въ Нагассаки французскій пароходъ "Остраліенъ", на которомъ генералъ Стессель и партія нашихъ офицеровъ болѣе ста человѣкъ, включая меня, отбыла изъ Японіи, для слѣдованія моремъ въ Россію. Изъ флотскихъ офицеровъ съ нами выѣхали адмиралъ Лощинскій и прапорщикъ по морской части Ромашкинъ. Кажется другихъ моряковъ съ нами не было.

На пристань проводить насъ пришли японцы, опять одѣтые въ сюртуки съ цилиндрами на головахъ. Не помню, чтобы я или кто другой подошелъ къ Іосида Каичи поблагодарить и попрощаться.

А. М. ЮЗЕФОВИЧЪ.
